

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Дальневосточный юридический институт
Владивостокский филиал

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ:
Трибуна молодых ученых**

Сборник материалов
II Всероссийской научно-практической конференции
курсантов (студентов, слушателей), адъюнктов (аспирантов)
и молодых ученых

1 июня 2017 г., г. Владивосток

К 300-летию полиции России

Владивосток

2017

УДК 34
ББК Я 54(67)
Т33

Редакционная коллегия:

председатель

С.Н. Бакуштов, начальник Владивостокского филиала
ДВЮИ МВД России, канд. ист. наук;

заместитель председателя

М.В. Жерновой, канд. юрид. наук, доцент;

члены редколлегии:

Н.А. Шабельникова, д-р ист. наук, профессор;

А.В. Милежик канд. ист. наук; *А.В. Усов*, канд. ист. наук;

А.Н. Шадрина, *Э.В. Хомик*

Теоретические и практические проблемы юриспруден-
Т33 **ции: трибуна молодых ученых** : сборник материалов II Все-
российской научно-практической конференции курсантов (сту-
дентов, слушателей), адъюнктов (аспирантов) и молодых уче-
ных, 1 июня 2017 г., г. Владивосток : к 300-летию полиции Рос-
сии / ВФ ДВЮИ МВД России ; [ред. кол.: С.Н. Бакшуттов,
М.В. Жерновой, Н.А. Шабельникова, А.В. Милежик, А.В. Усов,
А.Н. Шадрина, Э.В. Хомик]. – Владивосток : Изд-во Дальневост.
федерал. ун-та, 2017. – 316 с.

ISBN 978-5-7444-4181-4.

Сборник содержит материалы конференции, в ходе которой освещались вопросы юридической науки и практики, образования, профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов.

УДК 34

ББК Я 54(67)

ISBN 978-5-7444-4181-4

© ФГКО ВО «ДВЮИ МВД России», 2017

Содержание

<i>Акушевич В.С.</i> Процессуальный статуса прокуратуры России и Украины в досудебном производстве: сравнительно правовой анализ.....	7
<i>Борисова Н.В.</i> Заключение эксперта как источник получения информации о личности несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого).....	14
<i>Виноградов А.М.</i> Состояние экономической преступности в РСФСР в период трансформации российского общества (1985–1989 гг.)	19
<i>Волкова Е.В.</i> Значение судебной экспертизы в установлении объективной истины по уголовному делу.....	33
<i>Воронина А.Ю., Осадчева Т.Р.</i> Современные проблемы противодействия обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.....	38
<i>Губенина Е.С.</i> Процессуальные проблемы освидетельствования.....	45
<i>Дмитриева Н.Н.</i> Состояние опьянения и его уголовно-правовое значение в правоприменительной практике	50
<i>Евдокимова А.Р., Малиновская К.А.</i> Некоторые аспекты криминалистической характеристики краж, совершенных с незаконным проникновением в жилище	55
<i>Ерохина Н.Н.</i> Правовое регулирование аутсорсинга лечебного питания в системе здравоохранения.....	63
<i>Ефремова А.Л.</i> Статус следственного судьи, осуществляющего контроль над досудебным производством по уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан.....	67
<i>Жадан А.В.</i> Органы внутренних дел Приморского края в борьбе с посягательствами на социалистическую собственность (1941–1945 гг.)	73
<i>Заводовская И.С.</i> Юридическая природа конфискации имущества в современном уголовном праве: проблемы и перспективы развития	79
<i>Заводовская И.С.</i> Принципы орд.....	86

<i>Загуляев Д.А.</i> Правовая охрана культурного наследия России: актуальные проблемы профилактики противоправных деяний	91
<i>Заемской С.О.</i> Уголовная политика России в области противодействия организованной преступности: история и современность	99
<i>Занаев М.В., Зиновьев А.С.</i> Социальная дистанция и этническая идентичность как аспекты формирования толерантности многонационального государства	106
<i>Ивашкина Т.С.</i> Проблема противоречия религий на территории Российской Федерации	112
<i>Каленик Р.С.</i> О профессиональной заболеваемости и факторах, оказывающих негативное влияние на профессиональное долголетие профессорско-преподавательского состава образовательных организаций МВД России	119
<i>Ким А.Э.</i> Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ): уголовно-правовой и этико-социальный аспекты.	126
<i>Ковалёва Ю.Ю.</i> Экономическая преступность в России: исторический экскурс	130
<i>Ковальчук О.В.</i> Характеристика общественной опасности как признака административного правонарушения в сфере безопасности дорожного движения	137
<i>Кулик В.А.</i> Проблема правового регулирования социального предпринимательства в России	144
<i>Кулик В.А., Горковенко К.К.</i> Моральный выбор сотрудника органов внутренних дел	148
<i>Ляскина Н.В.</i> истоки формирования в органах внутренних дел службы профилактики по борьбе с детской беспризорностью и правонарушениями: исторический аспект	155
<i>Максимова К.Ю.</i> Актуальные проблемы в сфере порядка учёта и анализа дорожно-транспортных происшествий	163
<i>Мальцев С.В., Антонченко В.В.</i> Совершенствование пожарного надзора как аспект национальной безопасности Российской Федерации	171

<i>Нименький А.М.</i> О совершенствовании организации проведения оперативно-разыскного мероприятия «Опрос»	181
<i>Орлова Е.С.</i> Исторический аспект развития уголовного законодательства России.....	186
<i>Павленко Н.Э.</i> Особенности предпринимательской деятельности в Дальневосточном регионе (90-е годы XX в.)	194
<i>Пилтоян А.А.</i> Историко-правовое положение коренных малочисленных народов севера России	200
<i>Пилтоян А.А.</i> Социально-правовые, психологические аспекты проведения следственных действий с детьми и подростками – жертвами и свидетелями сексуального насилия	203
<i>Пляс Д.Г.</i> Перспективы применения положительного опыта зарубежных стран в борьбе с получением сексуальных услуг несовершеннолетнего в Российской Федерации	209
<i>Полищук Е.В.</i> Особенности применения принудительных мер воспитательного воздействия	212
<i>Проценко Ю.А.</i> Особенности правовой регламентации прав человека в многонациональном государстве (на примере Российской Федерации).....	218
<i>Прутков А.А.</i> Предупреждение преступлений, квалифицируемых по ч. 3 СТ. 264 УК РФ	224
<i>Садова О.И.</i> Формирование положительного образа сотрудника органов внутренних дел как педагогическая проблема	230
<i>Селиванова В.Д.</i> Бытовая коррупция как форма проявления коррупции	236
<i>Сердюк У.И.</i> Макробентосное сообщество бухт Сихотэ-Алиньского заповедника	241
<i>Смоляченко А.А.</i> Реализация принципа публичности в уголовном судопроизводстве	245
<i>Сушкова А.Е.</i> Обыск: некоторые теоретические нормативные и практические аспекты	253
<i>Сыромля Л.Б.</i> Об оформлении результатов предварительного исследования материальных следов в полевых условиях	258

<i>Титов Д.С.</i> Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовному делу	263
<i>Тюрькова А.А.</i> Противодействие преступности несовершеннолетних в России на рубеже XX–XXI вв.	269
<i>Тюрькова А.А.</i> Проблемы межэтнического общения в детском возрасте	275
<i>Уличная А.В.</i> Ценностные ориентации сотрудников органов внутренних дел.....	281
<i>Чекменева Т.В.</i> Проблемы совершенствования задержания лица по подозрению в совершении преступления	286
<i>Чекменева Т.В.</i> Проблемы института соучастия: организованная группа и преступное сообщество (преступная организация)	291
<i>Чепик М.М.</i> Досудебное соглашение о сотрудничестве как вид уголовно-процессуального компромисса	297
<i>Чечулина А.Н.</i> К вопросу об изучении понятия «социальная защита»	302
<i>Шадрина А.Н.</i> Проблемы создания национальных парков как элемент развития туристической отрасли Приморья	307
Наши авторы	311

Вероника Станиславовна Акушевич

студентка 4 курса

Владивостокский государственный университет

экономики и сервиса, г. Владивосток

Научный руководитель – Верещагина Алла Васильевна

заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин ВГУЭС,

кандидат юридических наук, доцент

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ПРОКУРАТУРЫ РОССИИ И УКРАИНЫ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В работе рассматривается процессуальный статус прокуратуры Украины и Российской Федерации в досудебном производстве. Проводится исследование полномочий прокуратур данных стран, через изучение их законодательной базы. В ходе данного исследования выявляются общие и отличительные особенности прокуратуры Украины и Российской Федерации.

Ключевые слова: прокуратура, досудебное производство, надзорное функции.

Деятельность прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства осуществляется в целях выявления подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Прокурор действует в защиту охраняемых законом интересов общества и государства, а так же охраны прав и свобод всех участников уголовного судопроизводства [1]. Комплекс реформ Александра II привели к установлению индустриального общества, в процессе которых происходит преобразование подхода к защите и пониманию личности. Гражданин рассматривается не как подданный, а как равноправный партнер, наделённый делегирующими правами и обязанностями. Для государства приоритетом становятся права и свободы человека. Уголовное судопроизводство становится гарантом личности в отношении, которого осуществляется уголовное преследование [2, с. 7]. Прокуратура, как ор-

ган государственной власти, не относится ни к исполнительной, ни законодательной, ни судебной ветви власти. Тем не менее, роль прокуратуры уникальна в механизме любого государства. «Ни в Европе, ни в мире в целом не существует единой и универсальной модели прокуратуры, – подчеркивает А. Г. Халиулин. Прокуратура в Дании отличается от прокуратуры Германии или Франции, а в США прокурорская система различна даже в различных штатах» [3].

Действующее законодательство Российской Федерации закрепляет за органами прокуратуры обязанность по осуществлению уголовного преследования от имени государства [4]. Роль прокуратуры в досудебном производстве во многом определяется ее процессуальным статусом. Основной целью деятельности прокурора является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства [5]. При этом прокурор, выполняя свою основную функцию по надзору за соблюдением Конституции России и законов, действующих на её территории, не перестает осуществлять и другие свои функции, например как функцию уголовного преследования [3]. Согласно действующему законодательству органы прокуратуры в досудебном производстве вправе проверять исполнение требований федерального закона в ходе приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях; требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия. Прокурор уполномочен истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решения; отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего прокурора, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя. Прокурор вправе отстранять дознавателя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований законодательства [4]. Прокурор не всегда был уполномочен прекращать уголовное дело, так прекращение уголовного де-

ла допускалось только по решению окружного суда или судебной палаты, в случаях отказа окружного суда принять такое решение [2, с. 22]. Данные полномочия, обеспечивают реализацию основной, надзорной функции прокуратуры в досудебном производстве.

В то же время, реализуя функции уголовного преследования, прокурор уполномочен выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений; давать дознавателю письменные указания о направлении расследования и производстве процессуальных действий. Так же давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения. Прокурор вправе рассматривать ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, выносить постановление об удовлетворении такого ходатайства либо об отказе в его удовлетворении, а также выносить представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. В ходе досудебного производства и рассмотрения вопросов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о продлении срока содержания под стражей либо об отмене или изменении данной меры пресечения, а также при рассмотрении ходатайств о производстве иных процессуальных действий, прокурор может участвовать в судебных заседаниях. Полномочия прокурора направленные на проверку надлежащего содержания лица под стражей остаются неизменными со времен реформ Александра II, но право на освобождение незаконно задержанного лица имели только судьи и судебные следователи [2, с. 2015]. Сотрудники органов прокуратуры могут не только утверждать или отклонять ходатайства, постановления, но и вправе изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи. Так же изымать любое уголовное дело

или любые материалы проверки сообщения о преступлении у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти и передавать его следователю Следственного комитета Российской Федерации с обязательным указанием оснований такой передачи. При этом передавать уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому перечень полномочий открыт [4].

На наш взгляд, прокуратура играет не последнюю роль в досудебном производстве, так как согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее – УПК РФ) одним из поводов возбуждения уголовного дела является постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, кроме того прокурор является государственным обвинителем в суде.

Следует отметить, что на стадии досудебного судопроизводства деятельность органов прокуратур сочетает в себе как надзорные функции, так и функции уголовного преследования. Многие ученые дискутируют по этому поводу. Некоторые придерживаются обратной точки зрения и говорят, о том, что на стадии досудебного судопроизводства следует разделять данные функции, они не могут действовать вместе. На наш взгляд, функции прокуратуры в досудебном производстве составляют единое целое и дополняют друг друга, действуют во взаимосвязи. По данному вопросу нельзя не отметить позицию А.Г. Халиулина и О.Д. Жукова, которые говорят о том, что функция надзора за исполнением законов переходит в осуществление уголовного преследования, является побудительной для осуществления функции уголовного преследования следователем (дознавателем) [3].

В процессе анализа законодательства о прокуратуре Украины в досудебном производстве следует отметить один важный момент. С 1960 г. на Украине не происходило изменений в уголовно – процессуальном законодательстве. Только 13 апреля 2012 г. Верховная Рада Украины приняла новый УПК, который вступил в силу с 20 ноября 2012 г и является единственным новым кодификационным законом в сфере уголовного судопроизводства с 1960 г.

Реформирование законодательства в существенной мере повлияло на процессуальный статус прокуратуры в досудебном производстве и не только, закрепив за прокуратурой более широкий спектр полномочий. В настоящее время согласно действующему УПК Украины, прокурор наделяется правом начинать досудебное расследование и имеет полный доступ к материалам, документам и иным сведениям, касающимся данного досудебного расследования. Вправе поручать органу досудебного расследования, проведение досудебного расследования; поручать следователю, органу досудебного расследования проведение в установленные прокурором сроки следственных (розыскных) действий, негласных следственных (розыскных) действий, иных процессуальных действий или давать указания об их проведении или участвовать в них, а в необходимых случаях – лично проводить следственные (розыскные) и процессуальные действия. К надзорным функциям можно отнести полномочия прокурора отменять незаконные и необоснованные постановления следователей; инициировать перед руководителем органа досудебного расследования вопрос об отстранении следователя от проведения досудебного расследования и назначении другого следователя при наличии оснований, для его отвода или в случае неэффективного досудебного расследования; сообщать лицу о подозрении; осуществляет надзор за соблюдением законов при производстве досудебного расследования в форме процессуального руководства досудебным расследованием; утверждать или отказывать в утверждении обвинительного акта, ходатайства о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера; проверять полноту и законность проведения процессуальных действий, а также полноту, всесторонность и объективность расследования в переданном уголовном производстве [6].

Отличие прокуратуры Украины от прокуратуры Российской Федерации в досудебном производстве, выражается введении надзорной функции за соблюдением законов при проведении негласных следственных действий, например как аудио-, видеоконтроль лица, снятие информации с транспортных телекоммуникационных систем. Данная надзорная деятельность прокурора в процессе досудебного расследо-

вания во властном управляющем воздействии на уполномоченные оперативные подразделения, которые теперь не могут по собственной инициативе без поручения прокурора или следователя проводить негласные следственные (розыскные) действия [7]. К примеру, оперативные подразделения органов внутренних дел, органов безопасности, органов, осуществляющих контроль над соблюдением налогового законодательства, органов Государственной пенитенциарной службы Украины, органов Государственной пограничной службы Украины, органов Государственной таможенной службы Украины осуществляют негласные следственные (розыскные) действия в уголовном производстве по письменному поручению следователя, прокурора [6]. Более того, протоколы о проведении негласных следственных (розыскных) действий с приложениями должны не позднее 24 часов с момента их прекращения передаваться прокурору, и именно он решает вопрос, использовать ли их в доказывании. На наш взгляд, данная норма усиливает надзорные функции прокуратуры, обеспечивает централизацию и законность действий оперативных подразделений.

Таким образом, при анализе законодательства двух стран, можно отметить их сходство в основных направлениях деятельности. Существенное отличие процессуального статуса прокуратуры в досудебном производстве РФ и Украины состоит в отсутствии у российской прокуратуры более сильных надзорных и руководящих начал в отношении оперативных подразделений. В остальном прокуратура Украины, так же осуществляет поддержание государственного обвинения в суде, реализует ряд схожих надзорных функций.

Список использованной литературы

1. Капинус О.С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации: [сайт]. [2013]. URL: <http://www.genproc.gov.ru/pda/news/news-83714/> (дата обращения: 23.03.2017).

2. Верещагина А. В Судебное и уголовно-процессуальное законодательство России конца XIX начала XX века тенденции развития и идеи реформирования: монография. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014. - 250 с.

3. Сычев Д. А. Прокурор в досудебном судопроизводстве: функциональный спектр деятельности // Юридические исследования: сетевой журн. 2015. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_14389.html (дата обращения: 23.03.2017).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон РФ от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 07.03.2017, с изм. от 16.03.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 19.12.2016г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Уголовный процессуальный кодекс Украины [Электронный ресурс]: закон Украины от 13 апреля 2012 года №4651-VI: принят Верховной Радой Украины 13 апреля 2012г.// Ведомости Верховной Рады Украины. -2013. - 8 марта.

7. Дворник А.А. Правовой статус прокурора в досудебном производстве в соответствии с УПК РФ и новым УПК Украины // Законодательство: сетевой журн. 2013. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22552197> (дата обращения: 23.03.2017).

Надежда Вячеславовна Борисова

курсант 4 курса

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России, г. Владивосток

Научный руководитель – Неустроева Александра Викторовна,
доцент кафедры криминалистики и специальной техники
ВФ ДВЮИ МВД России, кандидат юридических наук

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА КАК ИСТОЧНИК ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ О ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО)

В статье анализируется заключение эксперта как один из основных источников получения информации о несовершеннолетнем подозреваемом (обвиняемом). Указываются понятие заключения эксперта и виды наиболее часто проводимых в отношении несовершеннолетних преступников экспертиз. Раскрывается сущность и некоторые особенности экспертиз, проводимых в рамках расследования уголовных дел с участием несовершеннолетнего преступника.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, несовершеннолетние, экспертизы, заключение эксперта.

На сегодняшний день, при различных социально-экономических изменениях в обществе, исследователи отмечают интенсивный рост и омоложение молодежной преступности.

Расследование преступлений заключается в сборе информации о событии, ее проверке, анализе и оценке. Рассматривая информацию о личности несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), следует отметить, что она представляет собой сведения о личности, которая воспринимается следователем из различных закрепленных законом источников.

Информация о личности несовершеннолетнего преступника может быть получена различными средствами. Однако, проанализировав

мнения различных учёных, следует сказать, что наиболее распространенное средство получения информации является заключение эксперта – документ, который может являться доказательством и содержит все необходимые ответы независимого эксперта на вопросы, входящие в круг его компетенции и имеющие значение для уголовного дела. Сама экспертиза – это исследование, проводимое лицом, обладающим специальными познаниями в науке, искусстве, технике или ремесле, в целях получения ответа на вопросы о некоторых обстоятельствах уголовного дела.

В ходе расследования уголовного дела производятся разнообразный спектр судебных экспертиз. Аверьянова Т.В. считает, что в «экспертной практике решаются лишь два вида задач: идентификационные и диагностические» [1, с. 173]. Диагностические экспертизы изучают свойства и состояния объекта с учетом происходивших в нем изменений, определяемых условиями и факторами криминальной ситуации». А с помощью идентификационных экспертиз можно установить тождество конкретного материального объекта либо группы предметов, явлений. Для нас представляют интерес экспертизы идентификационного характера, так как по обнаруженным на месте происшествия следам мы можем установить личность преступника и экспертизы диагностического характера, объектом которых является сам подросток, его развитие, качества и свойства.

Объектами исследования идентификационных экспертиз являются следы рук, ног и обуви, следы зубов, и иные следы несовершеннолетнего преступника. Производство таких экспертиз довольно распространено, методики апробированы и не вызывают никаких сомнений.

К экспертизам, решаемым задачи диагностического характера относятся судебно-медицинская, судебно-психологическая и судебно-психиатрическая.

Судебно-медицинская экспертиза чаще всего назначается для установления возраста несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). При производстве данной экспертизы устанавливается хронологический возраст, но, к сожалению, приблизительно. Так, к при-

меру, у детей – с точностью до одного-двух лет, в юношеском возрасте – до двух-трех лет. [4, с. 135]. Исходя из вышесказанного:

1) судебно-медицинская экспертиза определяет хронологический возраст обследуемого лица, т.е. соотношение подэкспертного определенному количеству прожитых лет;

2) хронологический возраст при производстве данной экспертизы определяется приблизительно, что, как правило, является большой проблемой при установлении возраста лица, подлежащего уголовной ответственности, поскольку ошибки при установлении 14-летнего или 16-летнего возраста неприемлемы;

3) назначение судебно-медицинской экспертизы по установлению возраста несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) происходит только при отсутствии документов, указывающих на возраст преступника, а поэтому данные подростки являются социально и педагогически запущены, и, соответственно, из неблагополучных семей, а значит, определение их хронологического возраста не является решением правовой проблемы соответствия критериям, по которым данные подростки могут считаться субъектами преступления.

Судебно-психологическая экспертиза назначается при обнаружении умственной отсталости (задержки в психическом развитии) несовершеннолетнего, которая возникает в результате педагогической запущенности подростков, слабого развития слуха или зрения либо длительной изоляцией от коллектива.

Однако, зачастую, перед экспертами стоит проблема разграничения психического заболевания от других проявлений психических отклонений. Как правило, причинами отставания несовершеннолетнего в психическом развитии являются отсутствие родительского внимания, бродяжничество и т.д., но никак не психические заболевания. Помимо этого, согласно Уголовно-процессуальному кодексу РФ, в предмет доказывания по ст. 421 включено установление уровня психического развития несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), а при наличии факта отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, следует установить возможность осознания несовершеннолетним степень общественной опасности своих дея-

ний и возможность руководить ими. Именно поэтому следует назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу.

При производстве данной экспертизы, специалисты сталкиваются с некоторыми трудностями. Во-первых, у экспертов зачастую нет возможности разграничить причины отставания подростков в психическом развитии (социальная и педагогическая запущенность либо психическое расстройство). Во-вторых, согласно многим случаям практики, эксперты при даче заключения указывают, что подросток отстает в психическом развитии и это связано с психическим расстройством, тем самым подводят подростка под уголовную ответственность. На наш взгляд, если подросток не соответствует возрасту уголовной ответственности, причина его отставания не важна, он не должен ей подлежать.

Нельзя упустить из вида и субъективный фактор, когда эксперты дают то или иное заключение на основе сложившейся в ходе экспертизы симпатии или антипатии к подэкспертному.

Исходя из вышесказанного, судебная психолого-психиатрическая экспертиза предназначена для решения сложной задачи, однако, на сегодняшний день существует немало сложностей и в ее проведении:

- 1) научное несовершенство ряда методов исследования и теоретических основ существующих научных школ и подходов;
- 2) производство амбулаторных психолого-психиатрических экспертиз вместо стационарных и т.д.

Что касается производства судебно-психиатрических экспертиз, то их главная цель заключается в решении вопросов о способности психически больных людей, совершивших общественно опасные деяния, сознавать значение своих действий и руководить ими.

К сожалению, как отмечает С.Н. Боков, в судебно-психиатрической экспертной диагностике умственной отсталости в нашей стране (как, впрочем, и в диагностике умственной отсталости в целом) абсолютно преобладают лишь клинические критерии; психометрическое изучение интеллекта фактически не проводятся [3, с. 80].

Иначе говоря, проведение исключительно судебно-психиатрической экспертизы даст возможность следствию опреде-

литься, является ли подросток вменяемым или нет. Однако только этого вывода недостаточно для изучения психических особенностей несовершеннолетнего.

Исходя из вышесказанного, следует вывод, что на сегодняшний день экспертиза является самым распространенным средством получения информации о несовершеннолетнем подозреваемом (обвиняемом). Заключение эксперта играет важную роль при первоначальном и последующих этапах расследования преступления.

Судебно-медицинская, судебно-психологическая и судебно-психиатрическая экспертизы при производстве предварительного расследования в отношении несовершеннолетних преступников решают вопросы определения соответствия возраста подростка возрасту уголовной ответственности за инкриминируемое ему деяние; наличия у подростка психофизических аномалий; исследования уровня умственной отсталости. Поскольку объект экспертиз – личность несовершеннолетнего преступника, то наиболее эффективным изучением и анализом его психических особенностей будет проведение комплексных экспертиз.

Список использованной литературы

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. М., 2009.
2. Асташов М.А. Современные концепции о понятии доказательства в уголовно-процессуальном праве // Территория науки. 2013. № 2.
3. Боков С.Н. Организационно-правовые аспекты судебно-психиатрической экспертизы умственно отсталых лиц // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: В 3 частях. Часть 3: Вопросы теории и практики судебной экспертизы. М.: Академия управления МВД России, 2004.
4. Макаренко И. А. Экспертиза как средство получения информации о личности несовершеннолетнего обвиняемого // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2006. № 13.

Андрей Михайлович Виноградов

аспирант 2 курса

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РСФСР В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (1985–1989 гг.)

В статье на основе статистических данных рассматривается состояние экономической преступности в РСФСР в период трансформации российского общества (в период перестройки). Обобщается динамика и виды экономической преступности. Анализируются тенденции воспроизводства экономических преступлений. Делается вывод о том, что в период трансформации российского общества в 1985–1989 гг., ослабления государственности, утраты управления общественными процессами, преступность стала фактором направляющим трансформационные процессы по пути образования криминального общества. Значительную долю в криминализационных процессах в условиях нестабильности занимала экономическая преступность.

Ключевые слова: трансформация российского общества, Уголовный кодекс, экономическая преступность, РСФСР, «перестройка».

Преступность как воспроизводство преступных посягательств на общественные отношения является фактором, порождающим беспорядок, дезорганизацию, общественную опасность. Она есть проявление дезорганизующих, дестабилизирующих процессов в обществе, и сама является общественным процессом, порождающим и поддерживающим хаос.

В кризисные эпохи истории общества, в периоды трансформации общественного устройства, общественных отношений, ослабления государственности, утраты управления общественными процессами, преступность может стать фактором направляющим трансформационные процессы по пути образования криминального общества, в котором преступление становится нормой, а реализация лично значи-

мых интересов за счет причинения вреда другим, путем нарушения уголовного запрета, становится правилом [1, с. 10].

О трансформации российского общества в криминальное свидетельствуют такие признаки, как: шквальный рост (в разы) преступлений; рост организованной преступности; установление криминального контроля над общественными процессами; массовое распространение криминальной культуры.

Значительную долю в криминализационных процессах в условиях нестабильности занимает экономическая преступность. В 1985 году в РСФСР зарегистрировано 1416,9 тысяч преступных деяний, преступность которых определялась Уголовным кодексом РСФСР, принятым в 1960 году в редакции 1985 года. Уровень регистрируемой преступности в этот год составил 987 преступлений на 100 тысяч человек, а уровень ежедневного воспроизводства преступлений - 3882 зарегистрированных преступления в день [6, с. 310].

В 1986 году число зарегистрированных преступлений в сравнении с прошедшим годом снизилось на 78,5 тысяч преступлений – 5,54%. Снизилось воспроизводство преступлений против личной собственности граждан на 58,7 тысяч, против социалистической собственности на 44,674 тысяч, хулиганства на 19,9 тысяч, некоторых других видов преступлений. В тоже время резко выросла регистрация преступлений, предусмотренных статьей 158 УК РСФСР – «Изготовление, сбыт, хранение крепких спиртных напитков домашней выработки» на 73,3 тысячи [6, с.310]. Динамика роста и снижения некоторых видов преступлений привела к общему снижению регистрируемой преступности.

В 1987 году тенденция к снижению уровня преступности в РСФСР сохранилась и усилилась. Число зарегистрированных преступлений снизилось на 152,5 тысяч – 11,39 %. Снизилась регистрация изготовления, сбыта, хранения крепких спиртных напитков домашней выработки на 47,4 тысячи, хулиганства на 26,7 тысяч, на 21,487 тысяч меньше воспроизведено преступлений против социалистической собственности, а также ряд других преступлений [6, с. 310].

В 1987 году зарегистрирован своеобразный минимум состояния преступности на отрезке статистического наблюдения в 5 лет 1985–

1989 гг., который составил – 1185,9 тысяч преступлений. В этом году уровень ежедневного воспроизводства регистрируемой преступности составил 3249 преступлений и снизился в сравнении с 1985 годом на – 16,3%. Т.е. ежедневно в 1987 году в России стало воспроизводиться на 633 зарегистрированных преступления меньше чем в 1985 году.

В 1988 году снижение регистрируемой преступности остановилось, спад сменился незначительным ростом на 34,5 тысяч преступлений – 2,9%. Уровень ежедневного воспроизводства преступлений незначительно вырос на 85 зарегистрированных преступлений в день и составил – 3334.

Резко выросло – на 106,4 тысячи – число зарегистрированных преступлений против личной собственности граждан – 33,02 %. Резкий рост преступности этого вида связан с ослаблением правоохранительной функции государства. Особенность регистрации этих преступлений в инициативной регистрации заявителем – собственником имущества и выявление правонарушителя правоохранительными органами оперативно-розыскными методами. Уровень общественной опасности в сфере общественных отношений «собственность граждан» возрос. Так если в 1985 году ежедневно против личной собственности граждан совершалось 1065 зарегистрированных преступления, за два года этот уровень снизился до 883 в 1987 году, то в 1988 году этот показатель резко вырос до 1171 преступлений в день [6, с. 310].

Эта тенденция резкого роста преступлений против личной собственности граждан сохранилась и в последующие годы. В 1989 году уровень ежедневного воспроизводства преступлений против личной собственности граждан составил 1843 зарегистрированных преступления, а в 1992 году – 3636 [8, с. 322].

Ослабление правоохранительной функции государства ведет к снижению числа лиц, привлечённых к юридической ответственности при росте или стабильности числа зарегистрированных преступлений. Лицо совершает общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом государства, но ответственности перед обществом в форме уголовной ответственности не подвергается, в силу того, что

имеющимися в распоряжении государства силами и средствами оно не выявляется, либо его вина не устанавливается. Динамику состояния правоохранительной функции государства – ее ослабление / усиление может отразить некий показатель, назовем его – коэффициентом осужденности (не коэффициент судимости), рассчитываемый как частное числа осужденных лиц к общему числу зарегистрированных преступлений. В 1985 году в РСФСР осуждено 837,3 тысячи лиц, коэффициент осужденности составил - 0,57. В 1988 и 1989 годах осуждено соответственно 427 и 437 тысяч, а коэффициент осужденности составил соответственно – 0,35 и 0,27¹.

В.В. Лунеев, для 1991 года приводит такое соотношение – число зарегистрированных преступлений (взятое за 100), число выявленных правонарушителей и число лиц осужденных относятся как – 100 : 46,1 : 28,5 [4]. Авторский расчет коэффициента осужденности в 1991 году дает результат – 0,27².

Уменьшение коэффициента осужденности в 1987–1989 гг. свидетельствует об ослаблении правоохранительной функции государства.

В 1989 году начался резкий рост регистрируемой преступности на 32,68% в сравнении с 1988 годом, число преступлений за год выросло на 398,8 тысяч, а уровень ежедневного воспроизводства регистрируемой преступности резко вырос на 1102 зарегистрированных преступлений в день и составил – 4436 преступлений.

Таким образом, в период времени с 1985 по 1989 год в РСФСР установилась следующая динамика воспроизводства преступлений

¹ Рассчитано автором по данным отраженным в статистическом ежегоднике – Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: Стат. Ежегодник. Республиканский информационно-издательский центр Госкомстата РСФСР. М. 1990: - 692 с., по таблицам - «Число зарегистрированных преступлений» С. 310 и «Численность осужденных по приговорам судов, вступившим в законную силу по отдельным видам преступлений» С.314.

² Рассчитано автором по данным отраженным в статистическом ежегоднике – Российская Федерация в 1992 году. Стат. ежегодник / Госкомстат России. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1993. 854 с. по таблицам – «Число зарегистрированных преступлений» С. 322 и «Численность осужденных по приговорам судов, вступившим в законную силу по отдельным видам преступлений» С. 327.

в практике общественного взаимодействия – значительное снижение уровня преступности с 1985 года по 1987 год на 16,3%, стабилизация уровня преступности в 1988 году на уровне 1987 года (незначительный рост на 2,9%) и резкий рост преступности на 32,68% в 1989 году.

Такая тенденция не свойственна, как для предшествовавших лет российской действительности, так и мировой практики в целом. По мнению криминолога В.В. Лунеева, общемировой тенденцией является ежегодный рост преступности, который опережает рост рождаемости: «По данным Четвертого обзора ООН за 1986 – 1990 гг. преступность в мире увеличивалась в среднем на 5% в год, а народонаселение – на 1–1.5%...» [5, с.49]. В период с 1961 года по 1982 год ежегодный темп прироста преступности в РСФСР составлял 3,05% [4].

Снижение уровня воспроизводства преступлений в общественной практике России в указанные годы обусловлено не декриминализацией деяний, а теми процессами, которые развивались в жизни общества.

11 марта 1985 года на внеочередном Пленуме ЦК КПСС член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев избран Генеральным секретарем ЦК КПСС. 23 апреля состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором было объявлено о начале политики «ускорения» социально-экономического развития Союза ССР [2, с. 11]. Руководством государства начат общественно-политический процесс – ускорения, «перестройки», обновление, трансформация сфер жизни советского общества. В мае 1985 года в Союзе ССР начата антиалкогольная компания. В 1986 году с 25 февраля по 6 марта состоялся XXVII Съезд КПСС, поддержавший курс реформ: гласность, ускорение, быстрое преодоление негативных явлений в социально-экономическом развитии общества [2, с. 14].

По мнению Н.П. Рябченко, «огромное положительное значение в те годы имел рост общественного сознания. Стремление народа к демократии, гуманизму, справедливости пробивало себе дорогу вопреки сохраняющимся цензурным ограничениям и запретам» [9, с.7].

Происходящие в общественной жизни процессы – обновления, рост общественного сознания, способствовали снижению преступно-

сти в 1986–1987 годах и стабилизации преступности в 1988 году на уровне 1987 года. Так в РСФСР, в указанный период, впервые с 1961 года, произошло резкое снижение уровня воспроизводства преступлений в общественной практике на 16,3 %.

В тоже время обостряются общественные противоречия, растет социальная напряжённость, обусловленная как состоянием экономики, так и общественно-политическими процессами. В исследованиях Г.А. Тимофеева отмечается, что «...груз противоречий ощущался уже и на раннем этапе «перестройки», ...но по-настоящему определяющим является 1989 год. Он стал годом кризиса «перестройки», перехода к отрицательной динамике в экономике, наконец, годом глубочайших изменений в советском обществе» [10,с.105].

Рост социальной напряженности, обострение общественных противоречий, в том числе в экономике, ослабление правоохранительной функции государства привели к резкому росту преступности в 1989 году на 398,8 тысяч преступлений в год – 32,68%. Эта тенденция резкого роста преступности сохранится и в последующие годы. Так в 1990 году уровень преступности в сравнении с 1989 году вырос на 220,3 тысяч – 13,61%, в 1991 году на 333,6 – 18,14%, а в 1992 году на 587,6 тысяч – 27,04% [8, с.322].

Общая тенденция к снижению регистрируемой преступности с 1985 года по 1987 года, стабилизация в 1988 году и начало резкого роста в 1989 году наблюдалась и по некоторым видам экономическим преступлений в частности преступлений против социалистической собственности. Хотя по некоторым видам хозяйственных преступлений, например, преступлений, предусмотренных статьей 158 УК РСФСР «Изготовление, сбыт, хранение крепких спиртных напитков домашней выработки» в 1986 произошёл резкий рост на – 73,3 тысячи с 48,9 тысяч, зарегистрированных преступлений в 1985 году до 122,2 тысяч в 1986 году. Хотя этот рост и последующее снижение это вида преступлений до 7,1 тысячи в 1988 году обусловлен государственной политикой в сфере преодоления пьянства и алкоголизма в обществе и ее реализацией правоохранительными органами.

Преступность в сфере экономики складывалась из корыстных посягательств на социалистическую собственность, на порядок управления народным хозяйством, совершаемых лицами, занимающими определенные социальные позиции в структуре экономики и осуществляющими требования связанных с этими позициями социальных ролей [12, с. 9].

К экономической преступности в СССР и до 1 января 1997 г. (введения в действия Уголовного кодекса РФ и отмены Уголовного кодекса РСФСР) относили некоторые виды государственных преступлений (нарушения правил о валютных операциях, изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг), преступления против социалистической собственности (хищения, совершенные путем присвоения, растраты и злоупотребления служебным положением, мошенничество и др.), хозяйственные преступления (спекуляция, приписки, частнопредпринимательская деятельность, коммерческое посредничество), должностные преступления (взяточничество, злоупотребления властью или служебным положением, подлог и др.) [3, с. 494].

В понятии преступления законодательно определенном в статье 7 Уголовного кодекса РСФСР содержится, в свернутом виде, понятие любого типа и вида преступления – против личности, против общественного строя государства, имущественного, должностного (коррупционного) и в том числе понятие экономического преступления, – экономическим преступлением признается, предусмотренное уголовным законом, общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на экономическую систему СССР, социалистическую собственность, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок в экономической системе государства общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом [11, с. 499].

В изучаемый период экономическую преступность в РСФСР образовывали: некоторые виды государственных преступлений (контрабанда, нарушения правил о валютных операциях, изготовление или сбыт поддельных денег, вредительство и диверсии в экономике), преступления против социалистической собственности, преступления в

сфере хозяйственной деятельности, должностные преступления в экономике, некоторые преступления против порядка управления в экономике, совершенные из корыстных побуждений (подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков, самоуправство), преступления против общественной безопасности общественного порядка и здоровья населения, причиняющие экономический вред (приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем) и некоторые другие преступления.

В государственной статистике отражаются данные о состоянии преступности, в том числе по наиболее опасным и распространённым видам преступлений [7, с. 243].

Структуру преступности в России в 1985 / 1989 году образовали такие распространённые виды преступности: против общественной безопасности общественного порядка и здоровья населения – 27,4 / 23,6 % от всех зарегистрированных преступлений; против личной собственности граждан – 27,4 / 41,5 %; против социалистической собственности – 19,4 / 18,2 %; против жизни свободы и достоинства личности – 10,3 / 7,7 %; хозяйственные и должностные преступления – 8,8 / 5,0 %; против порядка управления – 5,0 / 2,7 %; другие преступления – 1,7 / 1,3 % [6, с. 311].

В структуре преступности против социалистической собственности в статистике отражены данные о преступлениях в форме хищения социалистической собственности, предусмотренных статьями УК РСФСР: 89 – хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем кражи; 90 – хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем грабежа; 91 – разбой с целью завладения государственным или общественным имуществом; 92 – хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением; 93 – хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем мошенничества; 93,1 – хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах; 96 – мелкое хищение государственного или общественного имущества [11, с. 538–541].

В структуре хозяйственной преступности отражены статистические данные о преступлениях, предусмотренных статьями УК РСФСР: 154 – спекуляция; 156 – обман покупателей и заказчиков; 158 – изготовление, сбыт, хранение крепких спиртных напитков домашней выработки [11, с. 557, 560].

В 1989 году также отражены сведения в количестве 11,458 тысяч по таким хозяйственным преступлениям как – нарушение правил торговли спиртными напитками, предусмотренное статьей 156.1 УК РСФСР и нарушение правил торговли, предусмотренное статьей 156.3 УК РСФСР.

В 1989 году в структуре должностной преступности отражены статистические данные по таким должностным преступлениям, как взяточничество, предусмотренное статьями УК РСФСР: 173 – получение взятки; 174 – дача взятки; 174.1 – посредничество во взяточничестве [11, с. 564]. В этом году зарегистрировано 2,195 тысяч фактов взяточничества [6, с. 311]. Но включать эти данные в экономическую преступность нет оснований, так как нет достоверных данных о том, что эти преступления совершили должностные лица в экономике, причинив экономический ущерб обществу и государству путем взяточничества.

Не все данные о зарегистрированных преступлениях отражались в статистических отчетах по видам преступлений. Так в 1985 году зарегистрировано 1416,9 тысяч преступлений, не отражено в статистике по видам преступлений – 362,9 тысячи преступлений – 25,6 % от всего объема зарегистрированных преступлений. В 1988 году соответственно зарегистрировано 1220,4 преступлений, не отражено – 292,4 тысячи – 24 %. В среднем в статистических данных 1985–1989 гг. не получили отражение по видам преступлений от 21,29 до 25,6 % от общего числа зарегистрированных преступлений¹.

¹ Рассчитано автором по данным отраженным в статистическом ежегоднике - Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: Стат. Ежегодник. Республиканский информационно-издательский центр Госкомстата РСФСР. М. 1990. 692 с., по таблицам - «Число зарегистрированных преступлений» С. 310 и «Структура зарегистрированных преступлений» С. 311.

Проведем анализ динамики экономической преступности в исследуемый период по данным о зарегистрированных распространённых экономических преступлениях, отраженных в государственной статистике (см. табл. 1).

Таблица 1¹

Зарегистрированные и отраженные в статистических отчетах данные о некоторых видах распространённых экономических преступлений в РСФСР (1985–1989 гг.)

Данные о видах экономических преступлений	1985	1986	1987	1988	1989
Всего зарегистрировано преступлений по УК РСФСР (тысяч)	1416,9	1338,4	1185,9	1220,4	1619,2
Динамика к предыдущему году, абсолютное значение (тысяч) / проценты		- 78,5 / - 5,54%	-152,5 / -11,39%	+34,5 / +2,9%	+398,8 / +32,68%
Всего зарегистрировано экономических преступлений, как сумма зарегистрированных преступлений против социалистической собственности, зарегистрированных хозяйственных преступлений, предусмотренных статьями - 154, 156, 156.1, 156.3, 158, УК РСФСР (тысяч)	357,979	392,605	326,318	267,211	356,447
Динамика к предыдущему году, абсолютное значение (тысяч) / проценты		+34,626 / +9,67%	-66,287 / -16,9%	-59,107 / - 18,1%	+89,236 / +33,4%

¹ Таблица составлена автором по данным статистического ежегодника (Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: стат. ежегодник. Республиканский информационно-издательский центр Госкомстата РСФСР. М. 1990. 692 с.), по таблицам «Число зарегистрированных преступлений», с. 310, и «Структура зарегистрированных преступлений», с. 311

Окончание табл. 1

Доля от общего числа зарегистрированных преступлений (проценты)	25,26	29,33	27,52	21,9	22,01
Зарегистрировано преступлений против социалистической собственности (тысяч)	274,879	230,205	208,718	216,011	294,694
Динамика к предыдущему году, абсолютное значение (тысяч) / проценты		-44,674 / -16,25%	-21,847 / -9,33%	+7,293 / +3,49%	+78,693 / +36,43%
Доля от общего числа зарегистрированных преступлений (проценты)	19,4	17,2	17,6	17,7	18,2
Всего отражено в статистике зарегистрированных хозяйственных преступлений, предусмотренных статьями - 154, 156, 156.1, 156.3, 158, УК РСФСР (тысяч)	83,1	162,4	117,6	51,2	59,558
Динамика к предыдущему году, абсолютное значение (тысяч) / проценты		+79,3 / +95,43%	-44,8 / -27,59%	-66,4 / -56,46%	+8,358 / +16,32
Доля от общего числа зарегистрированных преступлений (проценты)	5,86	12,13	9,92	4,2	3,68

В анализируемый период наблюдалась следующая динамика экономической преступности – рост на 34,626 тысяч зарегистрированных преступлений – 9,67% в 1986 году, снижение до 1988 года включительно на 125,394 тысячи – 31,94%, рост в 1989 году на 33,4 %, т.е. на 89,236 тысяч зарегистрированных преступлений.

Число зарегистрированных преступлений против социалистической собственности в форме хищения с 1985 по 1987 года снижается с уровня 274, 879 тысяч в 1985 году, до 230, 205 тысяч в 1986 году – на 44,674 тысячи – 16,25% и в 1987 году до минимального за 5 лет уровня в 208,718 тысяч, снизившись на 21,847 – 9,33%. В 1988 году воспроизводство этих экономических преступлений незначительно

растет на 3,49% – 7, 293 тысячи зарегистрированных преступлений, а в 1989 году резко - скачкообразно возрастает на 78,693 тысячи преступлений – 36,43% до уровня в 294,604 тысячи преступлений. Резкий прирост экономической преступности в 1989 году на 89,236 тысяч зарегистрированных преступлений, в основной своей массе на 88,19%, задан резким ростом преступлений против социалистической собственности в форме хищения.

В 1989 году регистрируется скачкообразный рост хищения государственной и общественной собственности. В 1988 году в общественной практике России ежедневно воспроизводилось 590 таких преступлений, а в следующем году уже 807. Эта тенденция – резкого роста хищения государственной и общественной собственности, в последующие годы сохранится. Так 1992 году ежедневно совершалось 1878 преступлений против социалистической собственности [8, с. 322].

В 1986 году, несмотря на тенденцию спада преступности в целом уровень экономической преступности вырос на 34,626 тысяч преступления – 9,67%, и достиг 392,605 тысяч зарегистрированных преступлений. В этом году в день в РСФСР воспроизводилось до 1076 преступных посягательств в разных формах на общественные отношения в экономике. Общий рост экономической преступности задал рост регистрации хозяйственных преступлений, особенно предусмотренных статьей 158 УК РСФСР «Изготовление, сбыт, хранение крепких спиртных напитков домашней выработки» на 73,3 тысячи – 149,9 %.

Резкий рост регистрации данного экономического преступления, а фактически это форма преступного посягательства на монопольное право РСФСР по производству и сбыту этилового спирта и алкогольной продукции, порожден государственной антиалкогольной политикой, начатой в РСФСР в 1985 году и характером реализации этой политики милицией. В 1987 году государственная компания «по преодолению пьянства, алкоголизма, искоренению самогонварения» в обществе завершилась. И в 1988 году зарегистрировано всего 7,1 тысячи преступлений вида – изготовления, сбыта, хранения крепких спиртных напитков домашней выработки.

В период 1985 – 1989 гг., несмотря на общее снижение преступности в стране, ежегодно росла регистрация таких видов преступлений как спекуляция, обман покупателей и заказчиков. Так, в 1985 году по фактам спекуляции зарегистрировано 19,4 тысячи преступлений, в 1987 году – 22,7 тысяч, а в 1989 году – 23,6 тысяч. Преступлений, предусмотренных статьей 156. УК РСФСР – «Обман покупателей и заказчиков» в 1985 году зарегистрировано 14,8 тысяч преступлений, в 1987 году – 20,1 тысячи, а в 1989 году – 21,1 тысячи.

Ослабление правоохранительной функции государства проявляется и в сфере экономических общественных отношений. Так коэффициенты осужденности за преступления против социалистической собственности в 1985 / 1987 / 1989 годах составили соответственно – 0,53 / 0,42 / 0,22. А коэффициенты осужденности за спекуляцию в эти же годы равнялись – 0,48 / 0,38 / 0,19.

Таким образом, экономическая преступность – это общественный процесс массового воспроизводства экономических преступлений в практике общественного взаимодействия в сфере экономической деятельности.

К основным видам экономических преступлений относились: государственные преступления; преступления против социалистической собственности; преступления в сфере хозяйственной деятельности; должностные преступления в экономике; некоторые преступления против порядка управления в экономике, совершенные из корыстных побуждений; некоторые преступления против общественной безопасности общественного порядка и здоровья населения, причиняющие экономический вред и др.

Динамика экономической преступности в 1985–1989 гг. имела свои особенные тенденции, как в целом, так и по отдельным видам преступлений.

Резкий прирост экономической преступности в 1989 году, в основном задан расхищением социалистической собственности.

В период трансформации российского общества в 1995–1989 гг., обострение общественных противоречий, рост социальной напряженности, ослабление правоохранительной функции государства по-

будили в 1989 году резкий скачкообразный рост преступности в целом, так и экономической, который будет продолжаться до 1992, а уровень преступности к 1992 году, в сравнении с 1988 годом возрастет в 2,26 раза. Позже таких резких скачков воспроизводства преступлений в практике общественного взаимодействия не будет.

Более того в данный период преступность становится фактором, направляющим трансформационные процессы по пути образования криминального общества. Значительную долю в криминализационных процессах в условиях нестабильности занимала экономическая преступность.

Список использованной литературы

1. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация. 2003. – 572 с.

2. История современной России: Хроники «эпохи перемен» (1985–1999). В 2 ч. Ч. 1. / Под общ. ред. С.М. Шахрая (С.М. Попова, А.А. Яник). – М.: Фонд современной истории; Издательство Московского университета, 2012. – 555 с.

3. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. – 912 с.

4. Лунеев В.В. Преступление и наказание в России. // Население и общество. 2006. [Электронный ресурс] // URL: <http://polit.ru/article/2006/03/31/demoscope239/> (дата обращения: 13.09.2017).

5. Лунеев В.В. Преступность в России при переходе от социализма к капитализму // Государство и право. 1998. № 5. С.47–58.

6. Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: стат. Ежегодник. Республиканский информационно-издательский центр Госкомстата РСФСР. – М/, 1990. – 692 с.

7. Российский статистический ежегодник: стат. сб./ Госкомстат России. – М.: Логос, 1996. - 1202 с.

8. Российская Федерация в 1992 году: стат. ежегодник / Госкомстат России. – М.: Республ. информационно-издат. центр, 1993. – 854 с.

9. Рябченко Н.П. Перестройка: место и роль в истории // В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. статей. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. 276 с.

10. Тимофеев Г.А. На переломе «Перестройки»: экономика и общество СССР в 1989 году // Вестник ЧГУ. 2006. №6. С. 102-108 [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/na-perelome-perestroyki-ekonomika-i-obschestvo-sssr-v-1989-godu> (дата обращения: 23.09.2017).

11. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // РСФСР. Законы и постановления. Свод законов РСФСР / Президиум Верховного Совета РСФСР, Совет Министров РСФСР. - М. : Сов. Россия, 1983-1988. – 9 т. Т. 8 : [Законодательство о правосудии, арбитраже и охране правопорядка]. - [1987]. - 854 с. : рис.

12. Яковлев А.М. Социология экономической преступности. – М.: Наука, 1988. – 256 с.

Екатерина Викторовна Волкова

магистр

Российский государственный университет правосудия (РАП)

(Дальневосточный филиал), г. Хабаровск

главный эксперт отдела экспертно-криминалистического центра

УМВД России по Хабаровскому краю,

Научный руководитель – Волков Константин Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, г. Хабаровск

ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УСТАНОВЛЕНИИ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В статье рассматривается значение судебной экспертизы для установления объективной истины по уголовному делу. Проводится критический анализ действующего уголовно-процессуального законодательства, выявляются его недостатки. Анализируются отдельные

проблемы судебной экспертизы как важного источника установления объективной истины по уголовному делу.

Ключевые слова: судебная экспертиза, объективная истина по уголовному делу, доказывание и доказательства в уголовном процессе.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство основной целью уголовного судопроизводства называет защиту прав личности, организаций от вреда, причиняемого преступлением, защиту граждан от необоснованного обвинения, ущемления прав и реабилитацию всех, кто подвергся необоснованному уголовному преследованию (ст. 6 УК РФ). Вместе с тем так было не всегда. В советском уголовном процессе главной целью являлось достижение истины по уголовному делу. По этому поводу ведущий советский криминалист М.С. Строгович писал, что только приговор, основанный на истине, соответствует целям и задачам советского уголовного судопроизводства [3]. Как следствие УПК РСФСР употребляло пять раз понятие «истина» в тексте закона. В действующем УПК РФ нет не только определения понятия «истина в уголовном судопроизводстве», но даже и упоминания о ней.

Принцип объективной истины по уголовному делу предполагает активную роль суда, который наделяется правом не только оценивать доказательства, представленные сторонами, но собирать их самостоятельно. Фактически суд имеет возможность «помогать» сторонам в сборе доказательств, поэтому ключевую роль играет его беспристрастность. При этом он может вынести решение, не основанное на доводах сторон. Подобная система применялась в нашей стране еще с царских времен, а также на протяжении советского периода и вплоть до 2002 года.

Вместе с тем отсутствие в области уголовного процесса упоминания термина истина в УПК РФ не отменяет того, что по любому уголовному делу органы расследования и суд обязаны объективно установить весь круг фактических обстоятельств по уголовному делу, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ).

Законопроект № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением

института установления объективной истины по уголовному делу», подготовленный Следственным комитетом Российской Федерации, дал новый виток дискуссии по проблеме истины в уголовном процессе [1]. Указанный законопроект предполагает введение в УПК РФ института установления объективной истины по уголовному делу, что, по мнению разработчиков закона, будет способствовать реформированию основ российского уголовного процесса для обеспечения его справедливости. Исходя из принципа установления объективной истины, в законопроекте прописывается, что суд не связан мнением сторон, а при наличии сомнений в истинности их мнения, он должен принять все необходимые меры к установлению действительных фактических обстоятельств уголовного дела. Кроме того, суд сможет по ходатайству сторон или по собственной инициативе восполнять неполноту доказательств в той мере, в какой это возможно в ходе судебного разбирательства. При этом формально закрепляется, что суд при этом должен сохранять объективность и беспристрастность, не выступая на стороне обвинения или стороне защиты.

Таким образом, ориентированность процесса доказывания по уголовному делу на достижение объективной истины является необходимым условием правильного разрешения уголовного дела и отправления справедливого правосудия.

С учетом высказанных идей относительно цели установления истины по уголовному делу мы полагаем, что в современном уголовном процессе, характеризующемся формальным отсутствием такой цели, укреплением принципа состязательности сторон и расширением сферы действия презумпции невиновности, правоприменитель обязан использовать законные способы и средства для достижения объективной истины. Отказ от установления истины в уголовном процессе, равно как и исключение из УПК принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств преступления, подрывает принцип законности в уголовном судопроизводстве.

Поэтому, говоря об истине, мы подразумеваем прежде всего обязанность правоприменителя собрать, проверить и оценить доказа-

тельства в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Согласно статье 74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Эти сведения устанавливаются показаниями подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, заключением эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий и иными документами. Все это является источниками необходимыми для установления фактов, непосредственно относящихся к предмету доказывания по уголовному делу.

Очевидно, что доказательственное значение указанных источников в судебной практике не одинаково. И хотя законодатель не проводит формальных отличий между ролью каждого из источника доказательств, их процессуальные различия позволяет классифицировать на прямые и косвенные, первоначальные и производные, личные и вещественные, обвинительные и оправдательные и т.п.

Конечно же на процесс установления истины по уголовному делу влияет множество объективных и субъективных факторов. В частности, в ряде случаев он усложнен ввиду выбора законодателем способа изложения текста закона. Так, используя оценочные понятия при конструировании уголовно-правовой нормы (тяжкий вред, беспомощное состояние, существенный вред правам и законным интересам и пр.) создаются дополнительные «негативные» факторы, влияющие на установление объективной истины по уголовному делу [2, 33-39].

В связи с этим в процессе доказывания по уголовному делу одной из важных и доступных форм реализации научно-технического потенциала в процессе раскрытия и расследования преступлений, а также судебного разбирательства, является заключения и показания эксперта и специалиста, которые, используя достижения науки и

техники, обеспечивают создание объективной доказательственной базы по расследуемым уголовным делам.

Отдельные аспекты проблем процессуальных проблем судебной экспертизы рассматривались в работах многими процессуалистами, таких как Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, А.И. Винберга, Г.А. Воробьева, Ю.Г. Корухова, Ю.К. Орлова, А.Я. Палиашвили, И.Л. Петрухина, В.А. Притузовой, Е.Р.Российской, Н.А. Селиванова, З.М. Соколовского, М.С. Строговича, А.А. Хмырова, А.Р. Шляхова, А.А. Эйсмана и других ученых. Однако вопросы доказательственного значения экспертиз широкого освещения не получили. Лишь обращалось внимание на некоторое значение заключений и показаний эксперта для всестороннего и полного изучения обстоятельств уголовного дела, относящихся к предмету доказывания.

Таким образом, актуальность исследования вопросов судебной экспертизы для установления объективной истины по уголовному делу, ее теоретическая и практическая значимость, с одной стороны, но в тоже время недостаточная разработанность, с другой позволяют сделать вывод о наличии реальной потребности практики в решении изложенной проблемы и перспективности ее научного исследования.

Список использованной литературы

1. Паспорт проекта Федерального закона № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» [Электронный ресурс. Доступ из справ.- правовой системы СПС «КонсультантПлюс», 2014. URL: <http://www.consultant.ru>

2. Волков К.А., Нем А.В. Оценочные понятия в уголовном праве и проблемы их конкретизации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2012. № 1 (22).

3. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства. М., 1955.

*Анна Юрьевна Воронина,
Татьяна Романовна Осадчева*
студентки 5 курса

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
Научный руководитель – Кораблин Константин Климентьевич кан-
дидат юридических наук, профессор

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ ПРЕКУРСОРОВ

В статье рассматриваются актуальные проблемы противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Незаконный оборот наркотиков является одной из наиболее острых социальных проблем, угрожающих национальной безопасности Российской Федерации. Масштабность и сложность этой проблемы, с учётом современных темпов её развития, требуют дальнейшего совершенствования методов борьбы с ней.

Ключевые слова: наркотики, наркомания, наркопреступность, незаконный оборот наркотиков.

Современная наркоситуация в Российской Федерации характеризуется расширением масштабов незаконного оборота и немедицинского потребления высококонцентрированных наркотиков, таких как героин, кокаин, стимуляторы амфетаминового ряда, лекарственных препаратов, обладающих психоактивным воздействием, а также их влиянием на распространение ВИЧ-инфекции, вирусных гепатитов, что представляет серьёзную угрозу безопасности государства, экономике страны и здоровью её населения [1].

Наркоситуация, сложившаяся в России в 2016 году, претерпела существенные изменения в лучшую сторону по сравнению с предыдущими годами. Однако, согласно сведениям, представленным на официальном сайте МВД России, в январе 2017 года было выявлено 15,3 тысячи преступлений, связанных с незаконным обо-

ротом наркотиков, что на 48,2% больше, чем в январе прошлого года [2].

Таким образом, наркопотребление продолжает оставаться одной из основных угроз безопасности личности, общества и государства.

Нормативную правовую основу сферы контроля за оборотом наркотиков составляют:

- Конституция РФ (ст. 41, п. «м» ст. 71);

- нормы международного права (Единая Конвенция о наркотических средствах, Нью-Йорк, 30 марта 1961 г.; Конвенция о психотропных веществах, Вена, 21 февраля 1971 г.; Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, Вена, 20 декабря 1988 г. и др.);

- Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах (далее – Закон о наркотических средствах и психотропных веществах);

- УК РФ и КоАП РФ;

- Указ Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» (далее – Стратегия);

- Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации»;

- законы субъектов Российской Федерации и др. нормативные акты.

Озабоченность масштабами наркотизации населения, разрушающей здоровье миллионов граждан и подрывающей жизнеспособность всего российского общества, заставляет обратиться к причинам возникновения и роста проблемы злоупотребления наркотиками, в частности, одной из таких причин является пропаганда запрещенных веществ в условиях нынешней информационной цивилизации.

Несомненно, особую роль в развитии проблем, связанных с оборотом наркотиков в России, сыграли средства массовой информации. Впервые официальный запрет прозвучал в ст. 46 Закона о наркотических средствах и психотропных веществах, декларирующей ответ-

ственность физических и юридических лиц за пропаганду в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и культивирование наркосодержащих растений. В настоящее время, указанная статья также включает запрет на пропаганду опасных психоактивных веществ, уголовная ответственность за незаконный оборот которых была установлена в ст. 234.1 УК РФ. Под опасными психоактивными веществами понимаются вещества синтетического или естественного происхождения, включенные в реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещён [3].

КоАП РФ в ст. 6.13 установил административная ответственность граждан, должностных лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц за пропаганду либо незаконную рекламу наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры.

На сегодняшний день санкция указанной статьи включает административные штрафы с конфискацией рекламной продукции и оборудования, использованного для её изготовления, а также приостановление деятельности при привлечении к ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, и юридических лиц. Однако случаи применения судами санкций за указанные нарушения немногочисленны, а размеры наказаний по-прежнему остаются невысокими [4].

В этой связи представляются уместными предложения по дополнению в УК РФ новой статьей, устанавливающей уголовную ответственность за пропаганду либо рекламу потребления или оборота наркотиков, новых психоактивных веществ, растений или их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. При этом, ответственность за иные способы пропаганды и незаконной рекламы указанной продукции, имеющие меньшую степень общественной опасности, должна сохраниться в КоАП РФ.

Необходимо нормативно определить понятия пропаганда и незаконная реклама, отграничить эти два вида противоправных действий, приобретающих особую значимость в современных условиях активного использования населением информационных технологий.

Так, в отличие от пропаганды, понятие рекламы имеет нормативное закрепление, что представляется правильным. Согласно ст. 7 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» реклама наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров не допускается. Под незаконной рекламой наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, а также их частей понимается распространение любым способом и в любой форме аналогичной информации, адресованной неопределенному кругу лиц и направленной на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование и (или) поддержание интереса к нему [5].

Под пропагандой же общепринято понимать деятельность физических или юридических лиц, направленную на распространение сведений о способах и методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения таких средств (веществ и их прекурсоров), способах и местах культивирования наркосодержащих растений, а равно и деятельность по производству и распространению соответствующей книжной продукции, продукции средств массовой информации, по непосредственному распространению указанных сведений с помощью информационно-телекоммуникационных сетей или другими способами (см. ч. 1 ст. 46 Закона о наркотических средствах и психотропных веществах) [2].

Однако такое доктринальное определение имеет существенные недостатки:

– во-первых, оно не охватывает весь круг субъектов административной ответственности, а именно должностных лиц и лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица;

– во-вторых, рассматриваемая дефиниция не охватывает документированную информацию, формально не содержащую сведения о

способах и методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения таких средств (веществ и их прекурсоров), способах и местах культивирования наркосодержащих растений, но формирующую положительное отношение к незаконному потреблению наркотиков.

Безусловно, в целях формирования единообразной правоприменительной практики представляется крайне необходимым законодательно закрепить понятие пропаганды.

Предлагаем понимать под пропагандой применительно к рассматриваемым деликтным отношениям распространение физическим лицом, должностным лицом, лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, или юридическим лицом:

а) информации о способах изготовления, хранения, переработки, производства, сбыта, пересылки или перевозки наркотиков, новых психоактивных веществ, культивирования и сбыта растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и местах приобретения вышеуказанных средств и веществ;

б) любой другой информации, способствующей формированию положительного отношения к культуре потребления наркотиков и их незаконного оборота.

Объективную сторону правонарушения, предусмотренного ст. 6.13 КоАП, будет составлять каждое противоправное деяние в отдельности, т.е. ответственность может наступить за пропаганду наркотиков и за их незаконную рекламу, а также в случае одновременного или последовательного осуществления указанных деяний.

Законодатель в диспозиции ст. 46 Закона о наркотических средствах и психотропных веществах, устанавливая запрет на пропаганду и незаконную рекламу наркотиков, называет главные способы осуществления такой пропаганды и рекламы, в их числе производство и распространение книжной продукции, продукции средств массовой информации, распространение указанных сведений посредством ис-

пользования информационно-телекоммуникационных сетей. Приведенный перечень способов пропаганды и незаконной рекламы не является исчерпывающим.

Особую значимость имеет распространение информации о наркотиках и потенциально опасных психоактивных веществах, запрещенных в гражданском обороте на территории России, в информационно-телекоммуникационных сетях. Сегодня пристального внимания заслуживает набирающая обороты угроза наркологической безопасности общества, наносимая с использованием сети «Интернет». Именно интернет-пользователь любого возраста может без каких-либо преград получить детальные инструкции, позволяющие в домашних условиях изготовить практически любые наркотики и психотропные вещества, в том числе из лекарств, свободно продаваемых в аптеках. На таких сайтах зачастую умышленно преуменьшается вред от употребления наркотиков, что способствует вовлечению в незаконные потребление и оборот новых потребителей. Благодаря развитию интернета приходится говорить об интернациональной онлайн-торговле наркотиками, осуществляемой по всему миру [6].

Усиливающаяся тенденция ужесточения мер контроля за многими прекурсорами и ответственности за их незаконный оборот определяет все большую актуальность данной проблемы.

Во-первых, действующее законодательство в России не предусматривает эффективных механизмов предотвращения и пресечения пропаганды наркотиков. Правовая база противодействия пропаганде и рекламе наркотиков отстает от масштабов и способов совершения рассматриваемых правонарушений. Установление уголовной ответственности за пропаганду и рекламу наркотиков, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, приведет к положительной динамике снижения числа граждан, как при их первичном употреблении, так и при их систематическом потреблении наркотиков.

Во-вторых, представляется необходимым усовершенствовать нормативно-правовое регулирование антинаркотической деятельности в части законодательного закрепления понятия пропаганды, наряду с

понятием незаконной рекламы, в примечании к ст. 6.13 КоАП или к ст. 46 Закона о наркотических средствах и психотропных веществах.

В-третьих, следует уделить особое внимание проблеме информатизации страны, которая должна быть оценена на самом высоком уровне. Ее следует рассмотреть с различных аспектов, не только со стороны жесткого контроля, но и со стороны поощрения и содействия созданию разработок в сфере информационных технологий, расширения сферы их применения в работе экспертно-криминологических, оперативных подразделений, с целью выявления пропаганды запрещенной к распространению информации о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах.

В-четвертых, следует понимать, что борьба с наркоманией как асоциальным явлением требует усилий не только государственных органов, наделенных властными полномочиями, но и каждого гражданина в отдельности. Должное внимание нужно уделить социально-психологическим аспектам формирования наркомании, развитию устойчивой политико-правовой позиции у граждан, сопровождающейся негативным отношением к наркотикам.

Таким образом, рассмотренные проблемы, а также целый ряд иных проблем, взаимосвязаны и образуют целостную систему противодействия незаконному обороту наркотиков. Их эффективное решение невозможно без создания и внедрения в практику новых экспертно-криминалистических методик и технологий, а также разработки единых критериев отнесения различных веществ к наркотическим, психотропным веществам и их прекурсорам и определения законности их оборота в виде методических рекомендаций, ужесточения мер, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Список использованной литературы

1. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года : указ Президента РФ от 09.06.2010 г. № 690 (ред. от 07.12.2016) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 24. Ст. 3015 ; 2016. № 50. Ст. 7077.

2. Открытые данные : официальный сайт МВД России [Электронный ресурс] // Режим доступа : <https://мвд.рф/opendata/> (дата обращения: 03.06.2017).

3. О наркотических средствах и психотропных веществах : федер. закон от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ (в ред. 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219 ; 2016. № 27 (ч. 2). Ст. 4238.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 07.03.2017) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 1 (ч. 1). Ст. 2 ; 2017. № 11. Ст. 1535.

5. О рекламе : федер. закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 05.12.2016) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1232 ; 2016. № 50. Ст. 6976.

6. Бучнева М.В. К вопросу об административной ответственности за пропаганду наркотиков. М., 2015. С. 41–45.

Екатерина Сергеевна Губенина

курсант 3 курса

Владивостокский филиал Дальневосточного

юридического института МВД России, г. Владивосток

Научный руководитель – Кузора Сергей Анатольевич

доцент кафедры уголовного процесса ВФ ДВЮИ МВД России,

кандидат юридических наук

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ

На современном этапе развития уголовно-процессуального права освидетельствованию как следственному действию уделялось недостаточно внимания. Проблемами освидетельствования занимались различные ученые, но затронутые ими проблемы так и не были решены. В данной статье рассматривается ряд вопросов, которые по настоящее время являются проблемными.

Ключевые слова: освидетельствование, особые приметы, следы преступления, телесные повреждения, состояние опьянения, свойства и признаки.

По смыслу ст. 179 Уголовно-процессуального кодекса РФ [1] (далее УПК РФ), освидетельствование – это наружный осмотр тела человека заключающийся в обнаружении на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявление состояния опьянения и иных свойств и признаков имеющих значение для уголовного дела. Важным является тот факт, что при этих действиях не требуется производство судебной экспертизы. Также освидетельствование производится в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля.

Исходя из этого объектом освидетельствования является тело живого человека, что само по себе представляет собой определенную проблему, заключающуюся в том, что при производстве освидетельствования затрагиваются права на личную неприкосновенность, гарантированные Конституцией РФ.

Одной из основных проблем освидетельствования является отсутствие точного определения. Многие ученые работали над данной проблемой, но она так и не была решена окончательно. К примеру Д.А. Бурыка, Е.В. Егорова и М.В. Меркулова анализируют различные определения, выдвигаемые учеными, а также мнения отнесения освидетельствования к виду осмотра или отдельному следственному действию и пришли к выводу о том, что ученые разделились на два лагеря в вопросе об отнесении освидетельствования к отдельному следственному действию или к одному из видов следственного осмотра. Так А.А. Топорков, Т.В. Аверьянова относят освидетельствование к одному из видов следственного осмотра, указывая на единство цели – выявление следов преступления. В свою очередь А.Э Жалинский, Л.В. Виницкий и Ю.С. Адрианова наоборот подчеркивают самостоятельность освидетельствования, ссылаясь на особый субъект – тело живого человека, а также о процессуальном порядке производства, указывая на то, что для производства освидетельство-

вания необходимо постановление следователя, что не скажешь о видах следственного осмотра [2].

Мнения ученых по поводу термина также различны, и на основе их изучения, на наш взгляд наиболее полное и точное определение в соответствии с УПК РФ выдвинул доктор, профессор юридических наук Ю.Г Торбин, считающий что «освидетельствование – это самостоятельное следственное действие, проводимое в соответствии с постановлением следователя (дознателя, прокурора) или определения суда, в необходимых случаях в принудительном порядке, на стадии предварительного расследования или судебного разбирательства путем непосредственного восприятия освидетельствуемого лица в целях обнаружения на нем следов, особых примет или установления иных свойств, признаков либо физиологического состояния и их использования в процессе раскрытия и расследования преступления для установления истины по уголовному делу»[3, с. 125-128]. Следующая проблема освидетельствования заключается в целях ее производства и в научных кругах по данному вопросу развернулись жаркие дискуссии. УПК регламентирует, что освидетельствование проводится в целях обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела.

Как мы знаем, что одной из основных целей производства освидетельствования является выявление на теле человека особых примет. На наш взгляд данная цель имеет место быть постольку, поскольку особая примета помогает выделить человека из группы себе подобных. Тем самым, проведя освидетельствование, мы можем по особым приметам отыскать данное лицо.

Далее законодатель говорит, что освидетельствование направлено на выявление телесных повреждений и следов преступления. Мы думаем о том, что не целесообразно разделять данные понятия, потому что они имеют одинаковое происхождение. Данные следы и повреждения – это результат совершения преступления. Мы предлагаем объединить данные понятия в одно – следы преступления.

Следующая цель – это выявление состояния опьянения [4, с.126]. Как мы можем относить данную цель к освидетельствованию? Законодатель даже не уточнил, какого опьянения: алкогольного или наркотического.

Уточнение в данном случае имеет огромную роль. Поскольку при наркотическом опьянении мы в любом случае ведем человека на медицинское освидетельствование, которое проводится в специальном учреждении и по направлению органов прокуратуры, дознания, следователя или судьи и проводится оно исключительно врачами, а мы знаем, что освидетельствование проводится в большинстве случаев следователем. Также, мы не имеем контакта с телом человека, а исходя из определения «освидетельствование» – объектом осмотра является тело живого человека.

То же самое мы можем сказать и про алкогольное опьянение. Если мы говорим о свидетеле, то допросить его мы не можем, поскольку лицо находится в неадекватном состоянии и в дальнейшем, сведения в допросе будут считаться не допустимыми. В данном случае свидетелю целесообразно дать время на вытрезвление, а после этого нет смысла проводить освидетельствование [5, с. 12-14].

Что касается цели освидетельствования – выявление иных свойств и признаков, то в Большом толковом словаре понятия «признак» определяется как «показатель, примета, знак, по которым можно узнать, определить что-либо», а «свойство – качество, признак, составляющий отличительную особенность кого-либо, чего-либо» [6, с.126].

Исходя из этого, Ю.Г. Торбин говорит нам о том, что такими свойствами и признаками могут быть привычки, следы от какой либо профессии (мозоли на руках), которые возникли при совершении определенной работы и так далее. Другие же ученые к иным свойствам и признакам относят: рос, цвет волос, вес и тому подобное.

Подводя итог данной статьи, мы пришли к следующим выводам:

В настоящее время ни ученые, ни законодатель не пришли к единому мнению в определении понятия «освидетельствование». Это обусловлено тем, что нет четкого ответа на вопрос – освидетельствование это вид следственного осмотра или отдельное следственное действие.

По нашему мнению освидетельствования – это отдельное следственное действие, поскольку освидетельствование поводится в отношении специального субъекта – живого человека, при этом требуется постановление следователя о проведении освидетельствования.

Освидетельствование имеет ряд важных условий и оснований, без которых, его мы не можем его произвести. Даже если мы говорим о случае не терпящем отлагательств, и проводим его до возбуждения уголовного дела, то материальное основание – обязательно.

При рассмотрении процессуального порядка производства освидетельствования, мы выяснили, что имеется ряд проблем:

– цели освидетельствования, т.к. перечень не исчерпывающий и исходя из этого, мы можем проводить освидетельствование по любому поводу. Не решен вопрос с выявлением состояния опьянения. Мы знаем, что опьянение может быть наркотическим и алкогольным, но процедура их проведения различна.

– наличие дискуссий о проведении освидетельствования до возбуждения уголовного дела в исключительных случаях. Основная проблема такова – до возбуждения уголовного дела у лица нет процессуального статуса, а по смыслу ч.1 ст.179 освидетельствование проводится в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля. Если законодатель делает такое исключение, то необходимо перечислить данные исключительные случаи, дабы избежать непониманий.

Список использованной литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 4-ФЗ//СЗ РФ. 2001. № 52. (Ч. 1). Ст. 4921.

2. Бурыка Д.А., Егорова Е.В., Меркулова М.В. Правовые и тактические особенности производства отдельных следственных действий. Монография. - М.: Юрлитинформ, 2015.

3. Безлепкин Б.Т. Настольная книга следователя и дознавателя. – М.: Проспект. 2016. С. 125-128.

4. Ярыш В. Н. Актуальные проблемы проведения освидетельствования / В. Н. Ярыш, Ю. В. Францифоров // Следователь. 2002. № 12.

5. Торбин Ю.Г. Освидетельствование в свете нового УПК РФ] / Ю.Г. Торбин // Рос. судья. 2002. № 11.

6. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. 1-е изд. СПб.: Норинт, 2014.

Наталья Николаевна Дмитриева

аспирантка 1 курса

Забайкальский государственный университет, г. Чита

Научный руководитель – Макаров Андрей Владимирович,
профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса,
декан юридического факультета Забайкальского государственного
университета, д-р юрид. наук, профессор

СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ И ЕГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

В статье рассматривается состояние опьянения и его уголовно-правовое значение в правоприменительной практике. В частности, речь идет о содержании ч. 1.1. ст. 63 УК РФ, так как данная норма до сих пор не имеет единой интерпретации в науке и практике. Обосновывается проблема слабой аргументации признания состояния опьянения отягчающим обстоятельством наказание.

Ключевые слова: состояние опьянения, отягчающие обстоятельства, аргументация, судебная практика.

В отечественном уголовном законодательстве состояние опьянения имеет несколько уголовно-правовых значений. Во-первых, оно выступает как обстоятельство, отягчающее наказание (ч 1.1. ст. 63 УК РФ). Во-вторых, как квалифицирующий признак состава преступления, предусмотренный ст. 264 УК РФ. Следует отметить, что законодателем неоднократно предпринимались попытки определить более четкую позицию состояния опьянения в уголовном праве. Так, Федеральный за-

кон от 13 февраля 2009 г. № 20 – ФЗ «О внесении изменения в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации» ввел в ст. 264 УК РФ квалифицированный и особо квалифицированные составы нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, совершенные лицом, находящимся в состоянии опьянения. Спустя пять лет Федеральным законом от 05 мая 2014 года № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в уголовный закон была введена ч. 1.1. ст. 63 УК РФ, дающая право судам учитывать при назначении наказания состояние опьянения в качестве отягчающего наказания обстоятельства.

Данные законодательные нововведения свидетельствует об усилении уголовной ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения. Необходимость внесённых изменений, направленных на усиление уголовной ответственности в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения подтверждается данными официальной статистики МВД РФ, согласно которым за 2016 год из 1015875 лиц, совершивших преступления, 421268 человека (37%) совершили преступления в состоянии алкогольного и наркотического опьянения.

Научный интерес представляет содержание ч. 1.1. ст. 63 УК РФ, так как данная норма до сих пор не имеет единого мнения среди учёных и практиков. Так, В.И. Гладких считает недопустимым возлагать на судью (суд) полномочия по признанию состояния опьянения обстоятельством, отягчающим наказание. Такой законодательный подход прямо или косвенно может способствовать судебскому произволу и вынесению неправосудных решений [1, с. 16].

Другие, наоборот, считают, что данное нововведение является безусловным плюсом, так как законодатель, спустя продолжительный период времени¹, все-таки вернул состояние опьянения в число обстоятельств, отягчающих наказание, тем самым как бы утвердился в своей

¹ В пункте 10 ст. 39 УК РСФСР 1960 г. говорилось о том, что совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения, является обстоятельством, отягчающим ответственность, однако суд вправе, в зависимости от характера преступления, не признать это обстоятельство таковым.

позиции на этот счет и показал, что уголовное законодательство, а вместе с ним и уголовно-правовая политика развиваются не только по спирали, но и по принципу «возвращения на круги своя» [2].

Анализ судебной практики по применению данной нормы показывает, что оценка судом состояния опьянения в качестве отягчающего обстоятельства наказание не отличается единообразием. Результат анкетирования судей, проведенное Волковым К.А. свидетельствует, что большая часть респондентов (70%) рассматривает состояние опьянения как дискреционный институт, т.е. признание или отсутствие такового решается исключительно на основе судебного усмотрения. В то же время каждый третий судья (30%) считает, что состояние опьянения обязательно следует учитывать в качестве отягчающего обстоятельства [3, с. 27].

Очень часто встречаются случаи, когда вышестоящая инстанция не соглашается с выводами суда при признании отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя.

По приговору Советского районного суда г. Иваново от 06 июня 2014 года С. осужден по п. «а» ч. 3 ст. 132 УК к лишению свободы. Постановлением президиума Ивановского областного суда от 11 сентября 2015 года приговор и апелляционное определение в отношении С. изменены: исключены из описательно-мотивировочной части приговора указание о признании отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения, поскольку суд не привел каких-либо мотивов, по которым признал факт опьянения осужденного в момент совершения преступления обстоятельством, отягчающим его наказание. Нахождение С. в момент совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения при описании преступного деяния в приговоре не отражено [4].

В другом случае судебная коллегия по уголовным делам Московского городского от 21 июля 2015 г. изменила приговор Таганского районного суда г. Москвы от 17 декабря 2014 года в отношении Ж.А. и К., исключив из приговора указание о признании в качестве обстоятельства отягчающего наказание, осужденных совершение ими пре-

ступления в состоянии опьянения, вызванным употреблением алкоголя. Суд первой инстанции ссылаясь на общие положения, предусмотренные ч. 1.1 ст. 63 УК РФ, не учел, что вопрос о наличии оснований для признания отягчающим наказание обстоятельством факта алкогольного опьянения Ж.А. и И.К. в момент совершения преступления, как усматривается из протокола судебного заседания, судом не исследовался, а также не принял во внимание, что органы следствия, согласно обвинительного заключения отягчающих наказание Ж.А. и И.К. обстоятельств не установили, в прениях сторона обвинения не просила суд признать нахождение Ж.А. и И.К. в момент совершения преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, обстоятельством, отягчающим их наказание [5].

Ещё один пример, апелляционным определением Челябинский областной суд от 14 декабря 2016 г. изменяет решение суда первой инстанции и признаёт в качестве отягчающего обстоятельства совершение осужденным преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя», обосновав таким образом: «.....признавая факт совершения преступления Н.Н.Ю. в состоянии алкогольного опьянения, суд первой инстанции не дал оценки этому обстоятельству, не обсудил вопрос о возможности применения п. 1.1 ст. 63 УК РФ. Вместе с тем, алкогольное опьянение повлияло на поведение осужденного, который фактически спровоцировал конфликт с дочерью Е.Н.И. и ее друзьями, а затем неожиданно, вооружившись ножом, напал на них с целью причинить вред здоровью каждого» [6].

В указанных примерах причина изменения приговоров заключается в недостаточной аргументации признания или непризнания состояния опьянения отягчающим обстоятельством наказания, так как приговоры в этой части ограничиваются, как правило, ссылкой на ч. 1.1 ст. 63 УК РФ без приведения мотивов принятого решения. Значительная часть решений не содержит перечня всех обстоятельств совершения преступления, влияние состояния опьянения на поведение лица при совершении преступления, а также личность виновного.

На наш взгляд, это связано с формулировкой ч. 1.1 ст.63 УК РФ, где ключевым словом является фраза «может признать». Если бы за-

конодатель наделил правоприменителя не правом, а обязанностью или ограничил количество оснований, предусмотренных ч. 1.1. ст. 63 УК, дающее право суду признавать состояние опьянения отягчающим обстоятельством или нет, то суды единообразно признавали алкогольное опьянение в качестве обстоятельства отягчающего. В этой связи можно вспомнить норму, которая содержалась в УК РСФСР для определения уголовно-правового значения состояния опьянения в качестве обстоятельства отягчающего, а именно, «совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения» признавалось при назначении наказания обстоятельством, отягчающим ответственность, однако применение данной нормы также зависело от усмотрения суда, а именно «Суд вправе, в зависимости от характера преступления, не признать это обстоятельство отягчающим ответственность» [7].

Данная норма является более удачной, поскольку позволяет правоприменителю выявить и определить причинную обусловленность с учетом взаимозависимости характера преступления и повлиявшего на него состояния опьянения, а также позволяет облегчить правоприменителю мотивировать свое решение в приговоре в соответствии с требованиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством.

Список использованной литературы

1. Гладких В.И. Парадоксы современного законодательства: критические заметки на полях Уголовного кодекса // Российский следователь. 2012. № 11. С. 16.

2. Верина Г.В. Влияние состояния опьянения на уголовную ответственность [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://arpr-msal.ru/articles/article_102385.htm l (дата обращения: 11.08.2017).

3. Волков К.А. Состояние опьянения как отягчающее наказание обстоятельство // Российский судья. 2014. № 12. С. 25–27.

4. Обзор законодательства и судебной практики Ивановского областного суда за третий квартал 2015 года (утв. постановлением Пре-

зидиума Ивановского областного суда от 16 октября 2015 г.) // Справочно-правовая система Консультант плюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oblsud.ivanovo.ru>.

5. Апелляционное определение Московского городского суда от 21.07.2015 по делу № 10-9179/15 в отношении Ж.А. и К. / Официальный сайт Портал судов общей юрисдикции г. Москвы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mos-gorsud.ru/>.

6. Апелляционное постановление Челябинского областного суда от 14 декабря 2016 г. № 10-3672/2016 в отношении Н.Н.Ю. // Справочно-правовая система Консультант плюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Уголовный кодекс РСФСР утв. ВС РСФСР 27.10.1960 // Ведомости ВС РСФСР, 1960, № 40, ст. 591. (Утратил силу с 1 января 1997 года (Федеральный закон от 13 июня 1996 № 64 - ФЗ).

*Анастасия Романовна Евдокимова,
Кира Александровна Малиновская*
студентки 4 курса

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса, г. Владивосток

Научный руководитель – Верещагина Алла Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КРАЖ, СОВЕРШЕННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ПРОНИКНОВЕНИЕМ В ЖИЛИЩЕ

В работе затрагиваются некоторые проблемы криминалистической характеристике краж, совершенные с незаконным проникновением в жилище в пяти крупных городах России, таких как Барнаул, Хабаровск, Томск, Оренбург и Кемерово. Также рассматриваются следующие элементы криминалистической характеристике: место совершения квартирных краж, способы проникновения в жилище, время

совершения данной категории преступлений, а также предметы преступного посягательства. На основе анализа в каждом пункте сделаны выводы.

Ключевые слова: кража, незаконное проникновение в жилище, хищение имущества, криминологическая характеристика.

В настоящее время, как и в советское, ученые активно занимались изучением криминологической характеристики краж с проникновением в жилище (далее – квартирные кражи) [1, с. 362]. Одна из основных причин исследований этих вопросов – низкий уровень раскрываемости квартирных краж. Проведение соответствующего анализа криминологического характера необходимо для эффективной профилактики, а также для улучшения раскрытия преступлений и их предупреждения.

В данном докладе представлены некоторые элементы криминологической характеристики краж, совершаемых с незаконным проникновением в жилище по материалам судебной практики в пяти крупных городах Российской Федерации: Барнауле, Хабаровске, Томске, Оренбурге и Кемерово: время и место совершения преступления, способ проникновения, предметы похищенного. Также в докладе поднимается вопрос об отсутствии информации о доказательствах в рассматриваемых приговорах, что, безусловно, затрудняет профилактическую деятельность соответствующих служб.

1. Место совершения квартирных краж

Кража из жилого помещения один из наиболее распространенных видов преступлений. Их значительное количество совершается в условиях неочевидности и зачастую остается нераскрытым [2]. В пункте «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ присутствует такой квалифицирующий признак, как незаконное проникновение в жилище. Под жилищем законодатель понимает индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но

предназначенные для временного проживания [3]. В связи с тем, что нет четких критериев для определения понятия жилища в теории и на практике существуют различные подходы к понятию «жилище». Одни суды признают дворовую территорию и бытовое помещение жилищем [4, 5] другие считают, что данное строение жилищем являться никак не может. В качестве жилищ в проанализированных решениях суды принимали квартиры, комнаты в общежитиях и коммуналках, частные и дачные дома, гостиничные номера, вагончики, комнаты на базе отдыха, балконы и веранды.

Как видно ниже на рис. 1, в Хабаровске, Томске и Кемерово более 50% краж происходили в квартирах, а в Барнауле и Оренбурге местом совершения преступления чаще других оказывались дома, что позволяет сделать вывод о том, что в этих городах жилищный фонд в значительной степени представляет частный сектор. Способ и время проникновения в жилище напрямую зависит от его вида, поэтому очень важно предоставлять информацию, чтобы увидеть между ними взаимную связь.

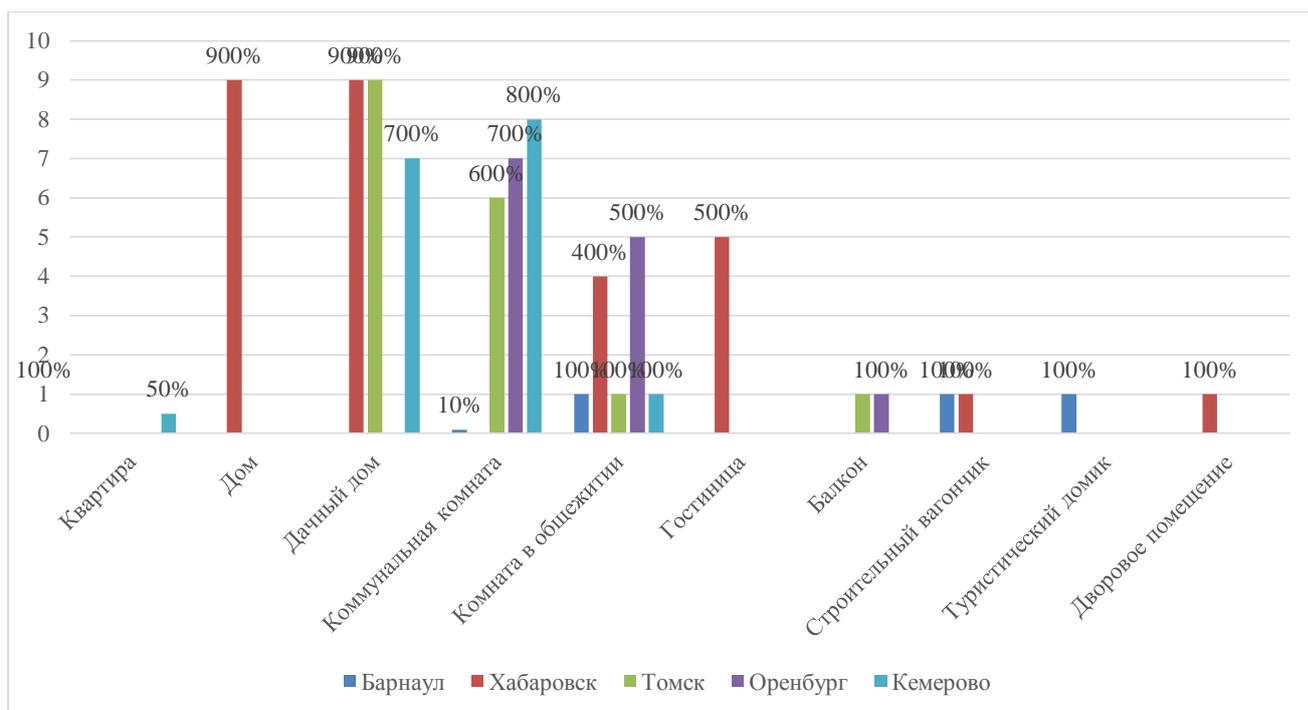

Рис. 1. Место совершения краж (по городам)

2. Способ проникновения в жилище

На сегодняшний день способы проникновения в жилище весьма разнообразны. В анализируемой практике мы выделили следующие:

1) свободный доступ: незапертые двери и окна, как показывает анализ, в каждом третьем случае преступнику не составляет труда войти в квартиру;

2) путем преодоления преграды: выбивание двери (ногой, плечом); разбивание окон (камнем, рукой, ногой, найденными предметами); выставление стекол в окнах и дверях (с помощью отверток и других инструментов); повреждение полотна двери (ломом, гвоздодером); отгибание двери, т.е. сделав проем между стеной и дверью (с помощью физической силы, с помощью инструментов); разрушение навесного/дверного замка (молотком, камнем и др. найденными предметами);

3) с помощью ключа: найденного (возле дома, под коврик, в магазинах, на улице); похищенного (у потерпевшего, у знакомого потерпевших, в доме); путем подбора; дубликатом (заранее подготовленным ключом).

Распределение способов проникновения в жилище по городам различны (см. табл.). Так, в Барнауле, в связи с тем, что значительную часть жилищного фонда составляет частный сектор, широко распространен способ проникновения в дома с помощью применения физической силы. Из-за удаленности соседских домов друг от друга, воры не боятся проникать в них, создавая излишний шум, поэтому выбирают самый быстрый и доступный способ. В Томске, напротив, каждая третья кража сопровождается попаданием в квартиру с помощью ключей. О том, что в нее незаконно проникли, становится известно только после обнаружения пропажи вещей, так как внешних повреждений на входных дверях не имеется. Это затрудняет расследование дела и раскрытие информации о времени совершения преступления. Во всех городах широко распространен способ проникновения в жилище через открытые двери и окна. Незапертыми остаются частные домовладения, но и балконы/окна квартир, ввиду высокой температуры в летнее время, из-за которой жители оставляют свои

жилища открытыми для снижения температуры в них. В Оренбурге, как и в Барнауле значительную часть занимают частные строения, вследствие чего распространен способ разбивания окон, взлома замков с помощью находящихся поблизости предметов (камней, труб, инструментов) или применения физической силы (выбивание двери ногой, плечом).

Способ проникновения в жилище (по городам)

Способ проникновения в жилище	Барнаул	Хабаровск	Томск	Оренбург	Кемерово
Свободный доступ:					
Через незапертую дверь/окно	31,0%	56,0%	44,0%	44,0%	40,0%
Преодоление преграды:					
Выбивание двери	9,0%	1,0%	2,5%	7,5%	1,0%
Взламывание замка	15,0%	14,5%	9,5%	14,0%	15,0%
Повреждение полотна двери	4,0%	7,0%	10,5%		1,0%
Разбивание/выставление окна	25,5%	9,5%		21,0%	22,5%
Создание проема между стеной и дверью				1,0%	3,5%
В том числе ключом:					
Найденным ключом	3,0%		8,5%	3,0%	1,0%
Похищенным ключом	8,5%	4,5%	13,0%	4,5%	12,0%
Подбор ключа				2,0%	
Дубликат ключей	4,0%	2,5%	9,5%	1,0%	
Ключом		5,0%	2,5%	2,0%	4,0%

3. Время совершения краж

В течение суток наиболее часто кражи совершаются с 12 до 18 часов в Барнауле, Томске; с 18 до 00 часов в Кемерово и Оренбурге; с

00 до 06 часов в Хабаровске (см. рис. 2). Так как в Барнауле и Оренбурге значительную часть жилищного фонда составляет частный сектор, в этих городах время кражи – преимущественно в вечернее и ночное время суток, вследствие удаленности домов друг от друга и отсутствия свидетелей преступления. В остальных городах преимущественны квартирные кражи в утреннее и дневное время, когда большинство населения находится на работе/учебе.

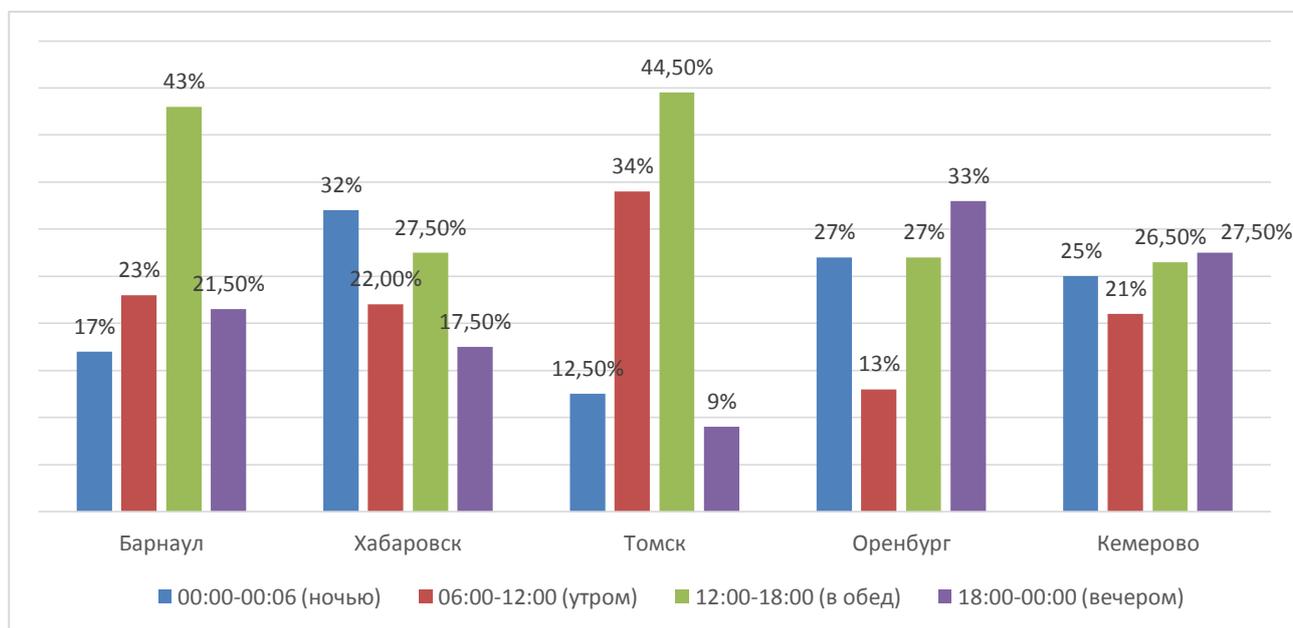

Рис. 2. Распределение краж в 5 городах РФ по времени

4. Предмет преступного посягательства

Предмет преступного посягательства является важным элементом криминологической характеристики. Исходя из анализа можно сделать вывод о том, что преступники не разборчивы в отборе похищенного. Это могут быть бытовые инструменты вместе с предметами одежды, ювелирные изделия с рыбацкими принадлежностями и пр. Также похищаются продовольственные товары. Среди анализируемой нами практики всего было похищено около трех с половиной тысяч товаров (см. рис. 3), из которых 12% составили продовольственные, поэтому можно сделать вывод о том, что преступников мало интересуют продукты и зачастую их кража обосновывается чувством

голода вора, который употребляет продукты в пищу на месте преступления.

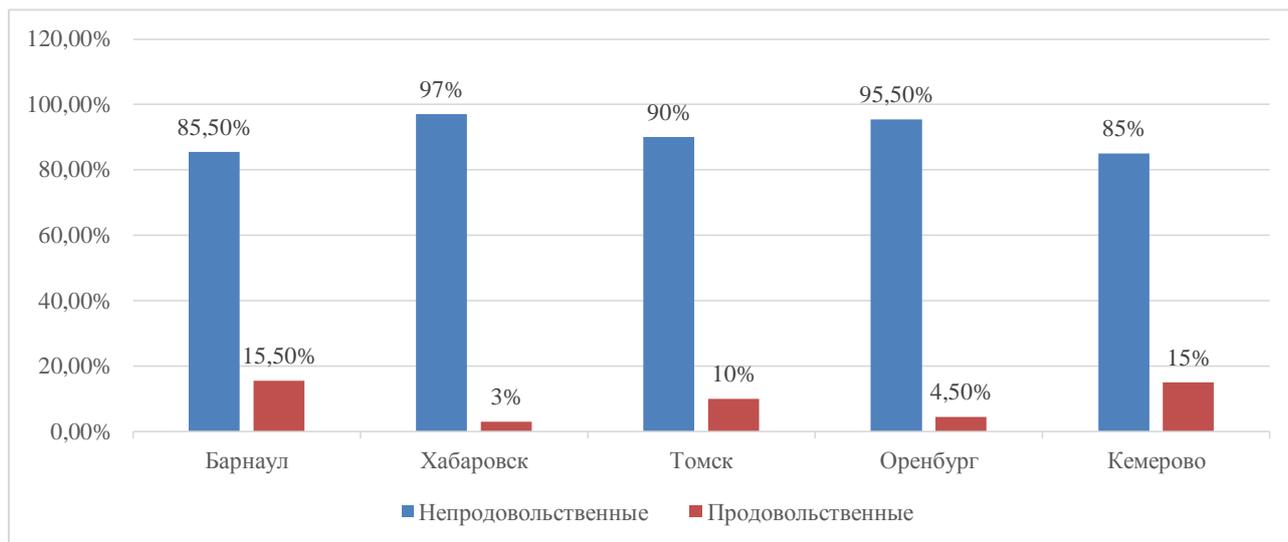

Рис. 3. Соотношение продовольственных и непродовольственных товаров (по городам)

Соотношение продовольственных и непродовольственных товаров по городам складывается следующим образом: в Барнауле и Кемерово в каждой пятой краже предметом преступного посягательства были непродовольственные товары, в Барнауле и Кемерово количество продовольственных товаров похищают на 5% больше чем в Томске, на 10% чем в Оренбурге и на 13% больше чем в Хабаровске. Так как в анализируемых городах часто преступники, проникнув в дом, не найдя ничего ценного, похищали еду, в остальном структура похищаемых товаров в городах схожа. Предпочтение отдавалось электробытовым товаром, так как они наиболее распространены среди жителей городов, имеют высокую цену, такие товары легче сбыть после краж.

Стоимость похищенного также является неотъемлемой частью в криминологической характеристике краж. Учитывая стоимость похищенного, которая варьируется от нескольких сотен рублей до ста тысяч, можно сделать вывод о социально-экономическом уровне населения. Исходя из проделанного анализа можно сделать вывод о том, что во всех пяти городах сложилась одинаковая ситуация и стоимость похищенного имущества чаще всего не превышает 20-30 тысяч рублей (см. рис. 4).

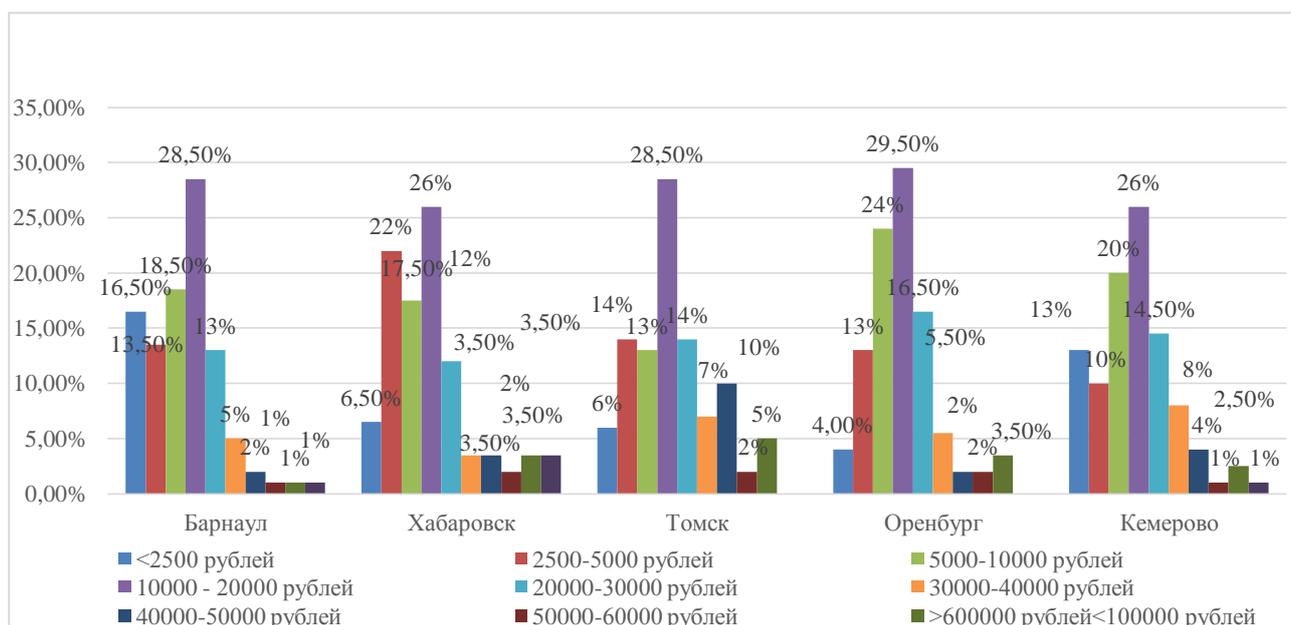

Рис. 4. Стоимость похищенных товаров (по городам)

Главными задачами следственных органов и суда является установление информации о месте, способе, времени совершения преступления, о предметах преступного посягательства и др.

Проанализированная нами практика свидетельствует, во-первых, о том, что правоприменитель не всегда уделяет должное внимание конкретизации этих и других элементов объективной стороны преступления. Кроме того, это негативно сказывается на раскрываемости преступлений и профилактической деятельности правоохранительных органов. Для целей предупреждения и раскрытия преступлений, по нашему мнению, нежелателен также подход должностных лиц судов, касающийся размещения судебных актов в открытом доступе. Значительная часть информации в этих актах обезличена, что затрудняет проведение криминологических исследований.

Список использованной литературы

1. Кудрявцева В.Н. Криминология: учебник для студ. вузов Эминова // Норматика. 2007.
2. Верещагина А.В. Место совершения преступления (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ): некоторые аспекты криминологической и уголовно-правовой характеристик // Уголовное право. 2016. №5.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.02.2017) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

3. Приговор Кировского районного суда г. Хабаровска от 08.09.2015 в отношении Т.А. Егорова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-kirovskij-rajonnyj-sud-g-xabarovska-xabarovskij-kraj-s/act-498527601/>.

4. Приговор Железнодорожного районного суда г. Хабаровска от 04.05.2015 в отношении Д.Ю. Красько [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-zheleznodorozhnyj-rajonnyj-sud-g-xabarovska-xabarovskij-kraj-s/act-495203896/>

Надежда Николаевна Ерохина

магистрант 2 курса

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
Научный руководитель – Кораблин Константин Климентьевич,
кандидат юридических наук, профессор

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АУТСОРСИНГА ЛЕЧЕБНОГО ПИТАНИЯ В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В статье рассматриваются возможности применения аутсорсинга в учреждениях здравоохранения в системе организации лечебного питания, который позволит оптимизировать финансовые ресурсы организации, повысить качество лечебного питания и удовлетворённость пациентов.

Ключевые слова: здравоохранение, медицинские учреждения, медицинские услуги, аутсорсинг, аутсорсер, лечебное питание

В настоящее время, когда отечественная медицина находится в процессе глубокого реформирования и поиска новых более совер-

шенных форм организации и деятельности, аутсорсинг процесса приготовления лечебного питания, является важнейшей функцией медицинской организации.

Общий смысл аутсорсинга достаточно прост. Аутсорсинг рассматривается как передача процессов и функций, которые ранее осуществлялись своими силами, внешнему исполнителю [1]. Современный аутсорсинг скорее экономическое, чем правовое понятие, договор аутсорсинга не является отдельным видом договора.

Аутсорсинг лечебного питания – это передача на договорной основе медицинской организацией функции приготовления диетических блюд (полной или частичной) сторонней компании, которая специализируется в области питания и обладает соответствующим опытом, знаниями, техническими средствами по организации и проведению лечебно-профилактического питания. Внедрение в работу медучреждения этой формы услуг стоит рассматривать как элемент стратегического управления, позволяющий оптимизировать деятельность и сосредоточиться на основном направлении – обеспечении пациентов качественной, доступной и бесплатной медицинской помощью [2].

Аутсорсер в первую очередь должен выполнять требования норм лечебного питания, которые утверждены уполномоченным федеральным органом исполнительной власти – Министерством здравоохранения Российской Федерации, в соответствии с требованиями Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3].

Фирма – аутсорсер, занимающаяся организацией лечебного питания, должна иметь у себя в штате врача-диетолога, поскольку питание пациентов обладает режимом не общего, а именно лечебного питания, которое является неотъемлемым компонентом лечебного процесса.

Положительной стороной аутсорсинга является то, что финансовая составляющая лечебного учреждения существенно снижает затраты. Также при передаче функции лечебного питания фирме – аутсорсеру, медицинское учреждение может больше уделять внимания

непосредственно профильным функциям организации. Таким образом, в настоящее время существует ряд проблем в здравоохранении, которые требуют незамедлительного решения [4].

Прежде чем медицинской организации полностью перейти к услугам аутсорсинга питания, следует изучить рынок данной услуги, в той местности, где находится медицинская организация, чтобы в дальнейшем не возникло проблемы монополизма в случае отсутствия конкурирующих организаций. Сложность в этом процессе вызывает внутренний контроль приготовления пищи, но ответственности с руководителя медицинской организации за это никто не снимает, поэтому нужно очень четко прописывать стороны контроля в техническом задании для проведения конкурсной процедуры, а в дальнейшем и при заключении договора на оказание услуг.

Таким образом, переходя на аутсорсинг лечебного питания, руководитель медицинской организации должен помнить, что в соответствии со ст. 55 Федерального закона от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» за нарушение санитарного законодательства наступает дисциплинарная, административная и в том числе уголовная ответственность [5].

Важно также отметить, что в рамках аутсорсинга расширяются возможности для внедрения современных технологий при тех же или меньших затратах и создания условий для их снижения, перераспределения ресурсов учреждения, ранее задействованных на второстепенных функциях и направлениях. Всё это самым непосредственным образом влияет на повышение качества оказываемой услуги, что и является главной целью применения технологии аутсорсинга в сфере здравоохранения.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что передача услуги лечебного питания – это достаточно сложный, серьезный и ответственный шаг для руководителя медицинской организации. Однако ответственность за внешним контролем лечебного питания остается на руководителе медицинской организации и вопрос о соблюдении требований законодательства в области лечебного пита-

ния – это главное, что должен ставить перед собой руководитель организации, переходящей в систему аутсорсинга.

Поэтому, на законодательном уровне следует закрепить положение о том, что фирма, занимающаяся организацией аутсорсинга лечебного питания, обязана иметь в штате врача-диетолога, поскольку рацион госпитализированных больных должен соответствовать стандартам и требованиям российского законодательства.

Переход медицинской организации на аутсорсинг лечебного питания может быть положительным в том случае, если организация внимательно и чётко соблюдает все нюансы в данной сфере, ведь процесс лечебного питания это одна из охраняемых норм законодательства Российской Федерации.

Список использованной литературы

1. Ковалевский А.М. Определение и экономико-юридический смысл аутсорсинга // Социальное и пенсионное право. 2015. № 4. С. 3-10.
2. Коновалова Л.В. Социально-экономические аспекты использования аутсорсинга лечебного питания в учреждениях здравоохранения // Российское предпринимательство. 2015. № 4. С. 555–562.
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 03.04.2017) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
4. Гроздова Т.Ю. Аутсорсинг в системе организации лечебного питания // ГлавВрач. 2011. № 1. С. 89–92.
5. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения : федер. закон от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

Анна Лаврентьевна Ефремова

студентка 4 курса

Владивостокский государственный университет

экономики и сервиса, г. Владивосток

Научный руководитель – Верещагина Алла Васильевна,

кандидат юридических наук, доцент

**СТАТУС СЛЕДСТВЕННОГО СУДЬИ,
ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО КОНТРОЛЬ НАД ДОСУДЕБНЫМ
ПРОИЗВОДСТВОМ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ
КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

В работе затрагивается проблема института следственного судьи в части законодательной регламентации правового статуса, полномочий и других непосредственно касающихся данной темы вопросов. Исследователи приходят к выводу, что из-за введения новых УК и УПК РК правовое положение следственного судьи недостаточно полно освещается в уголовно-процессуальном законодательстве. Однако это еще один шаг на пути обеспечения соблюдения основных конституционных прав гражданина.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан, следственный судья, уголовное судопроизводство, досудебное расследование.

С 1 января 2015 года в Республике Казахстан в рамках Плана нации «100 конкретных шагов», по реализации пяти институциональных реформ Главы государства Нурсултана Назарбаева, были введены в действие новые Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы [1]. В п. 22 данного документа указывается, что для обеспечения баланса между обвинением и защитой в судах необходимо поэтапно передать полномочия по санкционированию всех следственных действий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, такому новому должностному лицу для уголовного судопроизводства Республики Казахстан, как следственному судье [2]. В связи

с чем в новом УПК РК от 4 июля 2014 года в главе 7 появились статья 55, регламентирующая правовой статус следственного судьи и статья 56, закрепляющая полномочия последнего.

Конституционный закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года № 132-III «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» не определяет правовое положение следственного судьи, однако в п. 3.1 ст. 3 указывает, что специализированные суды образуются Президентом Республики Казахстан со статусом областного или районного суда, а следственный судья в свою очередь имеет равный правовой статус с другими судьями всех звеньев судебной системы. Так же в ст. 5 данного Конституционного закона, содержится положение, по смыслу которого, судопроизводство и правовой статус судей в Республике Казахстан определяются не только Конституцией, Конституционными законами, но и другими нормативно-правовыми актами Республики Казахстан.

В случае с процессуальным институтом следственного судьи, законодательным актом, непосредственно регулирующим данные правоотношения, является УПК РК. В п. 47 ст.7 УПК РК дается легальное определение понятия «следственный судья». Следственный судья – это судья суда первой инстанции, осуществляющий предусмотренные УПК РК полномочия в ходе досудебного производства. Из всего вышеуказанного следует, что следственный судья входит в состав районного суда, который является первой инстанцией в рассмотрении уголовных дел. Однако по данному вопросу, в противовес позиции законодателя среди теоретиков и практиков сложилось иное мнение.

Так, например, Д.К. Канафин, считает, что необходимо создать автономный суд, так как «совмещение следственной и основной судебной функции в рамках одного суда, а, следовательно, и одного трудового коллектива, пронизанного неформальными и иными житейскими связями, в любом случае усложнит ситуацию с объективностью и беспристрастностью судей» [3, с.47-55]. Аналогичной позиции придерживается и Г.Ж. Сулейменова. По её мнению из-за фактора корпоративности судей, как и любой другой профессиональной корпоративности, необходимо дистанцировать осуществляющего судебный

контроль следственного судью от судей, рассматривающих дело по существу [4]. Как представляется, данные позиции являются достаточно обоснованными, но стоит указать, что наделение независимостью следственных судей, влечёт за собой ряд проблем: от разработки нового нормативно-правового акта, регламентирующего порядок осуществления следственного судопроизводства, до выделения соответствующего материального обеспечения для функционирования создаваемой структуры (помещение, технические средства и т.п.).

Порядок назначения в следственные судьи регламентируется п. 3 ст. 54 УПК РК. Следственный судья (судьи) назначается председателем суда из числа судей. Как уже указывалось выше, процессуальный статус следственного судьи отождествляется со статусом судьи, осуществляющим уголовное судопроизводство. Однако существенным отличием является то, что в соответствии с законодательством, следственный судья осуществляет свои полномочия только на досудебной стадии, то есть в соответствии с п. 41 ст. 7 УПК РК в промежутке от начала досудебного расследования, до направления уголовного дела прокурором в суд для рассмотрения по существу, либо прекращения производства по делу.

Согласно ст. 55 УПК РК следственный судья в ходе досудебного производства рассматривает следующие вопросы:

- ❖ санкционирование таких процессуальных действий, как содержание под стражей, домашний арест, временное отстранение от должности, запрет на приближение, экстрадиционный арест, продление сроков содержания под стражей, домашнего ареста, экстрадиционного ареста, применение залога, наложение ареста на имущество, принудительное помещение не содержащегося под стражей лица в медицинскую организацию для производства судебно-психиатрической и (или) судебно-медицинской экспертиз, установление факта психического заболевания, эксгумация трупа, объявление международного розыска подозреваемого (обвиняемого), осмотр, обыск, выемка, личный обыск;

- ❖ рассмотрение жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя и прокурора;

❖ рассмотрение вопроса о реализации вещественных доказательств, подвергающихся быстрой порче или длительное хранение которых до разрешения уголовного дела по существу требует значительных материальных затрат;

❖ депонирование в ходе досудебного производства показаний потерпевшего и свидетеля;

❖ наложение денежного взыскания на лиц, не выполняющих или выполняющих ненадлежащим образом процессуальные обязанности в досудебном производстве, за исключением адвокатов и прокуроров;

❖ рассмотрение вопроса о взыскании процессуальных издержек по уголовному делу по представлению прокурора;

❖ по мотивированному ходатайству адвоката, участвующего в качестве защитника, рассмотрение вопроса об истребовании и приобщении к уголовному делу любых сведений, документов, предметов, имеющих значение для уголовного дела, за исключением документов, содержащих государственные тайны, в случаях, когда должностное лицо или орган уголовного преследования отказало в исполнении запроса, либо не приняло решение по нему в течение трех суток;

❖ по мотивированному ходатайству адвоката, участвующего в качестве защитника, рассмотрение вопроса о назначении экспертизы, если органом уголовного преследования в удовлетворении такого ходатайства было необоснованно отказано либо по нему не принято решение в течение трех суток;

❖ рассмотрение вопроса о принудительном приводе в орган, ведущий уголовный процесс, ранее опрошенного им свидетеля, обеспечение явки которого для дачи показаний затруднительно;

❖ выполнение иных полномочий, предусмотренных УПК РК.

Рассмотрение данных вопросов в соответствии со ст. 56 УПК РК осуществляется следственным судьей единолично, без проведения судебного заседания, однако имеются определенные исключения. Во-первых, судебное заседание, с участием соответствующих лиц и прокурора, разрешается в случае необходимости в исследовании обстоятельств, имеющих значение для принятия законного и обоснованного решения по постановлению следственного судьи. Во-вторых, прове-

дение судебного заседания обязательно при рассмотрении случаев предусмотренных ст. 56 УПК РК (содержание под стражей, домашний арест, экстрадиционный арест и др.). По распоряжению следственного судьи возможно проведение судебного заседания при помощи видеосвязи, в процессе которого обязательно ведение соответствующего протокола (ч. 2 ст. 56 УПК РК). В процессе судебного рассмотрения, по смыслу положений, закрепленных в ч. 3 ст. 56 УПК РК, следственный судья имеет право:

- ❖ требовать от органа, осуществляющего досудебное производство, дополнительной информации по рассматриваемому вопросу;
- ❖ знакомиться со всеми материалами соответствующего досудебного производства и исследовать их;
- ❖ вызывать участников процесса в судебное заседание и получать от них необходимую информацию по уголовному делу.

Однако в ч. 4 ст. 56 УПК РК имеется ограничение компетенции следственного судьи, которое обусловлено наличием такого принципа как беспристрастность. Следственный судья не может давать указания о направлении расследования и проведении следственных действий, а также совершать действия и принимать решения вместо лиц, осуществляющих досудебное производство, прокурора или суда, рассматривающего дело по существу.

На настоящее время вопрос ограничения компетенции следственного судьи среди ученых является дискуссионным в части таких следственных действий, как негласные. Назначение, изменение или пресечение производства данных следственных действий (негласный контроль, аудио и видеоконтроль лица или места, перехват и снятие информации, негласное получение информации о соединениях между абонентами) также не относятся к полномочиям следственного судьи, а согласно ч. 3 ст. 232 УПК РК осуществляются с санкции прокурора. По мнению Б. А. Бекназарова передача в компетенцию следственного судьи права разрешения вопроса о производстве негласных следственных действий, повлечет за собой рассекречивание соответствующих данных посторонним лицам, так как по постановлению судьи возможно проведение судебного заседания, а оно в свою очередь

предполагает присутствие, помимо прокурора, заинтересованных лиц [4, с. 23].

Противоположной позиции придерживается Р.Н. Юрченко, которая полагает, что данный аргумент не обоснован достаточным образом: «... в судах имеются специальные отделы для хранения дел и материалов, содержащих секретные данные. Судьи имеют доступ к делам и материалам, содержащим секретные факты. Сегодня закон доверяет судье районного суда единолично рассматривать по существу дела с грифом "секретно" и принимать решения о назначении наказаний на срок до 20 лет лишения свободы, пожизненно и даже применить смертную казнь. Так почему же следственному судье, судье того же районного суда, доверяя меньше?» [5].

По нашему мнению производство негласных следственных действий в большей степени затрагивает конституционные права человека и гражданина на стадии досудебного расследования, вследствие этого данный вопрос необходимо передать на рассмотрение следственному судье, так как прокурор выступает на стороне обвинения, а следовательно имеет определенную заинтересованность в исходе дела. В свою очередь следственный судья в силу своих должностных обязанностей является беспристрастным лицом, которое, по нашему мнению, более объективно подойдет к рассмотрению вопроса о применении в отношении человека и гражданина негласных следственных действий [6].

Исходя из всего вышеуказанного, очевидно, что из-за наличия определённых пробелов в регламентации института следственного судьи, будут возникать вопросы применения новых правовых норм на практике, но введение такого процессуального института - это шаг вперед по пути обеспечения полноценного судебного контроля и соблюдения основных конституционных прав человека и гражданина на стадии досудебного производства.

Список использованной литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014г. № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию

на 10.02.2017 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://online.zakon.kz>.

2. План нации – 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ Главы государства Нурсултана Назарбаева. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://online.zakon.kz>.

3. Канафин Д. К. Совершенствование правового статуса адвоката в свете разработки нового уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан // Юрист. 2015. № 12. С. 47-55.

4. Сулейменова Г. Ж. Заключение научно-правовой экспертизы Концепции проекта Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан // Юрист. 2014. №12. С.23.

5. Юрченко Р.Н. Следственный судья. Расширение полномочий. Режим доступа: <http://www.kazpravda.kz>.

6. Верещагина А.В. Дореволюционные проекты реформирования предварительного следствия // Актуальные проблемы российского права. 2014. №12. С.145-148.

Александр Владимирович Жадан

старший преподаватель кафедры

тактико-специальной, огневой и физической подготовки

Уссурийского факультета

Владивостокского филиала Дальневосточного юридического

института МВД России, г. Владивосток

**ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИМОРСКОГО КРАЯ
В БОРЬБЕ С ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМИ
НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ СОБСТВЕННОСТЬ
(1941–1945 гг.)**

Статья посвящена деятельности органов внутренних дел по пресечению и раскрытию преступлений, связанных с посягательствами на социалистическую собственность в Приморском крае в 1941-1945 гг. Анализируются некоторые криминологические характеристики дан-

ной категории преступлений, проблемы в деятельности оперативных аппаратов милиции и пути их преодоления.

Ключевые слова: посягательства на социалистическую собственность, органы внутренних дел, Приморский край, Великая Отечественная война, работа оперативных аппаратов.

Одной из наиболее серьезных проблем, вызывавших рост преступности, в течение всех военных лет оставался дефицит продовольствия и товаров первой необходимости. В условиях военного времени экономика страны оказалась не в состоянии полностью покрывать потребности населения, что вызывало рост цен и снижение покупательской способности денег. Однако, в целом, несмотря на значительный ущерб, причиненный войной экономике, государство смогло организовать минимальное снабжение населения продовольствием, чему в немалой степени способствовали поставки товаров из-за границы (в том числе, через Владивостокский порт) и введение нормированной системы. В то же время введение ограничительных мер, многократная ценовая разница между государственными магазинами и неорганизованным рынком приводили к росту спекуляции и посягательств на государственное имущество.

Таким образом, перед органами внутренних дел в период Великой Отечественной войны стояла важная задача обеспечения экономической (в том числе продовольственной) безопасности тыла. Работа милиции в данной сфере, помимо прочего, служила обеспечению социальной стабильности. В условиях острого дефицита продуктов питания любые злоупотребления должностных лиц, ответственных за их распределение, грозили вызвать социальный протест. А если учитывать то, что большинство должностных лиц имели прямое отношение к ВКП(б), то – это дискредитировало коммунистическую партию и руководство страны.

Противодействие преступным посягательствам на социалистическую собственность осуществлялось аппаратами БХСС и сотрудниками уголовного розыска, которые осуществляли борьбу:

– с хищениями в системе «Заготзерно», разбазариванием хлебных фондов и порчей хлеба;

– с хищениями и другими преступлениями в снабженческо-сбытовых организациях, а также на предприятиях, работавших на оборону;

– с хищениями, злоупотреблениями, нарушениями правил торговли, преступлениями в торгово-кооперативных организациях;

– с хищениями денежных сумм из касс государственных, колхозных и кооперативных организаций и предприятий;

– со спекуляцией и перекупкой товаров, которые приводили к дезорганизации торговли в условиях военного времени [4, с. 170-171].

Военная обстановка сильно изменила характер хищений. Если в довоенное время предметом преступных посягательств были в основном деньги, то в годы войны объектом преступлений стали товары, главным образом продовольственные. Вырученные от реализации похищенных товаров деньги преступники обращали в золото, иностранную валюту, золотые изделия и другие ценности. Широко распространилась скупка золота, драгоценностей и иностранной валюты [3, с. 268].

Как отмечают исследователи, коренным образом изменились и методы хищений. С самого начала войны наиболее распространенной формой расхищения товаров, в особенности в магазинах, в столовых и на пищевых предприятиях – явилось самоснабжение, снабжение близких, знакомых, снабжение по разного рода запискам, спискам и т.д. Расхищение и разбазаривание в торговой сети приводило к тому, что во многих случаях нормированные продукты не доходили до основного потребителя [3, с. 268-269].

В соответствии с Постановлением ГКО от 22 января 1943 года «Об усилении борьбы с хищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров» на предприятиях и в торговой сети был усовершенствован учет товаров и контроль за их реализацией. Устанавливался новый порядок взыскания стоимости расхищенных или недостающих товаров (продовольственных – по среднерыночной цене и промышленных по коммерческой цене в 5-ти кратном размере) [3, с. 269].

Принятые меры сократили возможности для беспрепятственного хищения имущества. В связи с этим преступники начали изыскивать

новые пути расхищения товаров. Шире стали распространяться обвешивание и обмеривание потребителей. Преступные элементы из числа работников магазинов и столовых стали активнее вовлекать в преступления работников контрольно-учетных бюро, через которых получали талоны и купоны для повторного использования или для покрытия расхищенных товаров. В отдельных случаях работники магазинов и столовых для покрытия недостачи товаров стали прибегать к скупке карточек и талонов на рынках.

Вместе с тем практика распределения социалистического имущества по знакомству посредством записок сохранялась в сельской местности Приморского края вплоть до 1945 г. [1, Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 2].

Большой размах в период войны получили хищения и разбазаривание продуктов питания (особенно в организациях «Заготзерно», на предприятиях «Главмука» и «Главкруп», а также в колхозах и совхозах) [2, Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 278. Л. 3].

По некоторым данным, в СССР в 1942 г. за преступления, связанные с хищением и разбазариванием хлеба к ответственности было привлечено 102605 человек, изъято 1700785 кг. хлебопродуктов. В 1943 г. – 169169 человек, изъято 6635626 кг. В 1944 г. – 205895 человек, изъято 1401679 кг. [3, с. 269].

Факты хищения зерна, в том числе семенного, имели место и в колхозах Приморского края. Как показало исследование, большая часть преступных посягательств на зерно может объясняться бедственным материальным положением крестьян [1, Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 50-50 об.].

Зачастую, к хищению колхозного имущества оказывались причастны военнослужащие [1, Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 50 об.-51].

Изучение архивных материалов показывает, что для оперативно-розыскной и следственной деятельности по делам о посягательствах на социалистическую собственность были характерны те же недостатки, что и в деятельности по борьбе с общеуголовной преступностью. Так, в документах середины 1943 г. отмечается слабость агентурного аппарата, медленное движение агентурных дел, что не позволяло в должной мере работать на предотвращение преступлений, в

связи с чем государство терпело материальный ущерб [1, Ф. 12. Оп. 1. Д. 47. Л. 72].

Следует отметить, что руководство НКВД страны и края принимало активные меры по повышению эффективности борьбы с хищениями социалистической собственности.

В соответствии с приказом НКВД СССР № 00316 от 13 февраля 1943 г. и директивой начальника УНКВД ПК № 32797 от 13 марта 1943 г. контроль за разработкой агентурных материалов по делам о посягательствах на социалистическую собственность был возложен лично на начальников городских и районных отделов [1, Ф. 12. Оп. 1. Д. 47. Л. 77], что свидетельствовало о приоритетном значении, придаваемом данному направлению деятельности.

Для улучшения агентурно-оперативной работы в 1942-1943 гг. по линии ОБХСС был разработан и направлен на места ряд важных директив и практических указаний.

В частности, от начальников ГО и РО требовалась разработка планов практических мероприятий по вербовке агентуры и профилактике. Ставилась задача своевременного глубокого вскрытия «хищнического подполья» в организациях.

Особое внимание обращалось на приобретение квалифицированной агентуры типа «дельцов» в торговых и кооперативных организациях, столовых складах, в сельскохозяйственном секторе, вербуемых на хорошо отработанных компрометирующих материалах. Вербовку таких агентов предписывалось производить с обязательным участием начальников отделов. В системе потребкооперации и заготовителей предписывалось создать маршрутную агентуру из числа ревизоров, контролеров, заготовителей. Также ставилось требование создать сеть осведомителей из жителей сельской местности. Агентурно-оперативное обслуживание должно было охватывать детские учреждения, станции переливания крови, отделы соцобеспечения, госпитали, карточные бюро, военторги, т.е. все учреждения, связанные с распределением продуктов.

В целях профилактики ставилась задача проведения систематических проверок лиц, связанных с материальными ценностями, с целью

недопущения к работе ранее судимых за растраты и хищения [1, Ф. 12. Оп. 1. Д. 47. Л. 77об].

Благодаря принимаемым мерам, в конце 1944-1945 гг. ситуация в сфере противодействия посягательствам на социалистическое имущество стала меняться в лучшую сторону. Таким образом, тенденция была аналогична ситуации с общеуголовной преступностью.

Благодаря архивным материалам, мы можем узнать о том, что в ряде случаев органы внутренних дел при расследовании крупных дел экономического характера сталкивались с противодействием партийных работников [1, Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 8, 105; Д. 49. Л. 62.].

Архивные документы свидетельствуют, что зачастую, члены и кандидаты в члены ВКП(б) избегали уголовной ответственности за хищения социалистической собственности и подвергались взысканию по партийной линии [1, Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 1 об.-2].

Подводя итоги изложенного, мы можем резюмировать, что, несмотря на сложную криминогенную обстановку, расширение спектра выполняемых задач, текучесть личного состава, недостаток квалифицированных работников, работа всех подразделений органов внутренних дел Приморского края, особенно оперативных, шла нарастающими темпами.

Несмотря на ряд трудностей объективного характера, оперативным аппаратам приморской милиции удалось создать к 1944 – началу 1945 гг. развитую агентурную сеть, посредством которой были вскрыты многочисленные преступные группировки, занимавшиеся расхищением социалистической собственности, а государству возвращены материальные ценности на миллионы рублей. Таким образом работа приморских милиционеров вносила свой вклад в обеспечение экономической безопасности страны, обеспечивая материальную основу победы в Великой Отечественной войне.

Список использованной литературы

1. Архив УВД Приморского края.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

3. Емелин С.М. Органы внутренних дел в 1939-1953 годы: эволюция статуса, правовых основ, организации и деятельности: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. М., 2009.

4. Советская милиция: история и современность: 1917-1987. М., 1987.

Ирина Сергеевна Заводовская

Слушатель 5 курса

Владивостокского филиала Дальневосточного юридического
института МВД России, г. Владивосток

Научный руководитель – Котельникова Оксана Александровна

доцент кафедры уголовного права и криминологии
ВФ ДВЮИ МВД России, кандидат юридических наук

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Актуальность работы заключается в том, что после включения в УК РФ главы 15.1 УК РФ «Конфискация имущества» в научной среде начались и продолжаются дебаты, смысл которых сводится к следующим вопросам: нужна ли конфискация имущества как форма уголовно-правового воздействия, какова ее юридическая природа, современное состояние и эффективность в качестве иной меры уголовно-правового характера.

В данной статье рассматривается юридическая природа конфискации имущества в современном уголовном законодательстве и перспективы развития данной меры.

Ключевые слова: конфискация имущества, уголовно-правовая мера, имущественная мера.

Высокий уровень преступности в России требует постоянного совершенствования системы мер борьбы с ней путем поиска новых и

повышения эффективности уже существующих средств ее предупреждения. В науке современного уголовного права приоритет отдается развитию и закреплению в законодательстве мер, не связанных с лишением свободы, среди которых особое место занимает конфискация имущества. Данная мера направлена на лишение преступности экономической основы.

Институт конфискации имущества (confiscation – отобрание в казну) известен русскому уголовному законодательству с древности [19, с. 100].

В первоначальной редакции Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (далее – УК РФ) конфискация имущества представляла собой дополнительное уголовное наказание и определялась как принудительное изъятие в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного (ст. 52 УК РФ в редакции до 21.11.2003) [4].

С конца 2003 года конфискация имущества как вид наказания была исключена из УК РФ, и на протяжении более двух лет не была предусмотрена уголовным законодательством. Однако отмена конфискации имущества нарушила ряд международных соглашений, ратифицированных Российской Федерацией, в частности, Конвенция ООН против коррупции [1], Римский Статут Международного уголовного права [3], Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности [2], по которым Российская Федерация брала на себя обязательства применять конфискацию имущества к лицам, совершившим преступления.

Осознав ошибочность исключения конфискации, законодатель вернул ее в УК РФ Федеральным законом от 5 июля 2006 года № 153-ФЗ, однако уже в качестве «иной меры уголовно-правового характера» [8]. Согласно ч. 1 ст. 104.1 УК РФ конфискация имущества стала представлять собой принудительное безвозмездное обращение по решению суда в собственность государства определенного имущества. При этом в настоящее время гл. 15.1 УК РФ уже трижды менялась. Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ [7] в это определение были внесены изменения, и конфискация имущества

стала определяться как принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора определенного вида имущества. В настоящее время конфискация не предусматривается конкретными санкциями, а может быть назначена в случаях, описанных в ст. 104¹ УК РФ. Таким образом, конфискация имущества касается только имущества, связанного с совершением преступления, то есть произошел законодательный отказ от полной конфискации имущества.

А.В. Наумов отмечает: «Российский законодатель фактически ввел двухколennую систему уголовно-правовых санкций, известную большинству европейских стран (наказания и меры безопасности)» [18, с. 606-607].

Глава 15.1 УК РФ не содержит правил назначения конфискации, это обстоятельство, по мнению А.И. Рарога, «следует расценивать как существенный нормативный пробел» [17, С. 55]. Однако, чтобы оценить его существенность, необходимо ответить на два принципиально важных вопроса: назначение конфискации является правом или обязанностью суда; требуется ли индивидуализация этой меры в каждом конкретном случае ее назначения.

УК РФ не содержит однозначного ответа на вопрос, является ли обязанностью или правом суда назначение конфискации? Его нет и в юридической литературе: одни авторы утверждают, что назначение конфискации – право суда [14, с. 54], другие полагают, что это – обязанность суда [10, с. 158; 17, с. 58; 13, с. 106-107].

Так, в частности, Э.В. Мартыненко пишет: «Если конфискация является наказанием, то ее применение является обязанностью суда; если же конфискация выступает в качестве иной меры уголовно-правового характера, то ее применение является правом суда» [12, с. 133].

По мнению Б.В. Волженкина, применение конфискации – обязанность суда, поскольку п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ устанавливает обязанность доказывания обстоятельств, подтверждающих, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, получено в результате совершения преступления и т.д. Если данные обстоятельства доказаны, конфискация обязательна [11, с. 304].

Как верно отмечал Д.Ю. Борченко, «обязательность применения конфискации закреплена в УК РФ путем применения законодателем словосочетания «конфискации подлежит» [10, с. 158; 13, с. 125]. Кроме того, отсутствуют какие-либо основания для необязательности назначения конфискации. Трудно представить ситуацию, когда суд, имея данные о наличии у лица имущества, подлежащего конфискации, при вынесении приговора откажется от его изъятия.

Однако большинство судей считает, что назначение конфискации является правом суда. Представляется, что в данном случае сказывается существовавший ранее стереотип отношения судей к конфискации имущества как к дополнительному уголовному наказанию [15, с. 178].

Аналогично должен решаться вопрос об индивидуализации конфискации.

Индивидуализация назначения конфискации не требуется, так как размер этой меры зависит исключительно от количества выявленного имущества, подлежащего изъятию.

К существенному недостатку ныне действующей конфискации следует отнести то, что согласно ч. 1 ст. 104.1 УК РФ единственным основанием ее назначения является обвинительный приговор суда. Следовательно, за рамками этой меры остается целый ряд деяний, запрещенных УК РФ, в частности, посягательства, совершенные лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, или невменяемыми; деяния, по которым истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности, прекращенные на стадии предварительного расследования или в суде по иным нереабилитирующим основаниям. Очевидно, что в данных случаях имеется серьезный правовой пробел [9, с. 102-103]. Чтобы сделать конфискацию имущества действенной мерой, основанием применения конфискации должно быть совершенное общественно опасное посягательство, запрещенное УК РФ, вне зависимости от привлечения лица к уголовной ответственности.

Таким образом, ныне действующая конфискация имущества нуждается в изменении. При этом следует выделить три возможных пути ее совершенствования.

Во-первых, вернуть конфискацию в перечень уголовных наказаний. В то же время возвращение конфискации имущества как наказания в той форме, как это было до конца 2003 года, едва ли возможно. Подобные законопроекты неоднократно и безуспешно вносились в Государственную Думу РФ. Кроме того, опыт зарубежных стран показывает, что в таком виде эта мера существует в уголовном законодательстве небольшой их части, и таких государств становится все меньше. Вместе с тем вряд ли стоит надеяться на то, что Государственная Дума в ближайшем будущем поддержит предположение о возвращении общей конфискации, признав тем самым ошибочность ее исключения в конце 2003 г.

Второй путь совершенствования конфискации имущества – определенные частные изменения в ныне действующем законодательстве, в частности, терминологические, изменения оснований назначения конфискации и иные. Можно предусмотреть и более эффективную процедуру выявления имущества, подлежащего изъятию, но никакие частные решения по совершенствованию ст. 104.1 УК РФ не приведут к кардинальному изменению в сфере применения этой меры. Для того, чтобы конфискация, закрепленная в уголовном законе, могла стать действительно эффективной мерой борьбы с преступностью, потребуются существенные изменения большинства его положений, что приведет, по сути, к принятию нового Уголовного кодекса, построенного на принципиально иных началах.

Третий путь развития конфискации состоит в том, чтобы придать ей радикально новый облик на основе ее трансформации в «имущественную меру криминологической безопасности». Данный вариант представляется наиболее предпочтительным. Так конфискация должна быть исключена из УК РФ как иная мера уголовно-правового характера и закреплена в качестве меры безопасности в отдельном федеральном законе, имеющем административно-правовую природу. Отнесение конфискации к административному законодательству позволит расширить ее возможности в сфере борьбы с преступностью. В частности, эту меру можно будет применять в отношении большого круга субъектов. Кроме того, вывод конфискации из уголовного законодательства позволит применять ее в отношении юридических лиц.

Обобщая все сказанное, можно сделать вывод. Действующая на сегодняшний день конфискация имущества нуждается в изменении. Можно выделить три возможных пути ее совершенствования. Во-первых, вернуть конфискацию в перечень уголовных наказаний; во-вторых, внести определенные частные изменения в ныне действующем законодательстве; в-третьих, придать конфискации радикально новый облик на основе ее трансформации в «имущественную меру криминологической безопасности», которая должна быть закреплена не в УК РФ, а в специальном федеральном законе. Чтобы сделать конфискацию имущества действенной мерой, основанием применения конфискации должно быть совершенное общественно опасное посягательство, запрещенное УК РФ, вне зависимости от привлечения лица к уголовной ответственности.

Список использованной литературы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

2. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15 ноября 2000 г.) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.

3. Римский статут Международного уголовного суда (Принят в г. Риме 17 июля 1998 г. Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда) // Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=4226;dst=100068#0>

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 22 ноября 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

5. Федеральный закон от 04 мая 2011 г. № 97-ФЗ (ред. от 04 июня 2014 г.) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2714.

6. Федеральный закон от 20 июля 2011 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4598.

7. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ (ред. от 06 декабря 2011 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6235.

8. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ (ред. от 06 июля 2016 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3452.

9. Афанасьева Е.Н. Реквизиция: гражданско-правовые проблемы. Томск, 2014.

10. Борченко Д.Ю. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера: понятие, природа, социальное предназначение и порядок применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2014.

11. Волженкин Б.В. Загадки конфискации. В сб. Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2013.

12. Мартыненко Э.В. Конфискация имущества в действующем российском уголовном праве. М., 2014.

13. Назарова Л.В. «Новая» конфискация: В сб.: Институт конфискации имущества в законодательстве государств-членов Совета Европы и в российском законодательстве. Барнаул, 2014.

14. Посохова В.А. Уголовно-правовая характеристика конфискации имущества и ее социально-правовая сущность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2015.
15. Пропостин А.А. Конфискация имущества: прошлое, настоящее, будущее. М., 2014.
16. Рагулин А. Проблемы применения конфискации имущества в уголовном праве // Уголовное право. 2014. № 1.
17. Рарог А.И. Институт конфискации имущества нуждается в совершенствовании. В сб.: Институт конфискации имущества в законодательстве государств-членов Совета Европы и в российском законодательстве. Барнаул, 2012. С. 58;
18. Уголовное право России. Общая часть / под ред. И.Э. Звечаровского. М., 2013.
19. Уголовное право: словарь-справочник / под ред. Т.А. Лесниевски-Костарева. М., 2000.

Ирина Сергеевна Заводовская

Слушатель 5 курса

Владивостокского филиала Дальневосточного юридического
института МВД России, г. Владивосток

Научный руководитель – Крапива Игорь Игоревич
старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной
и административной деятельности

ВФ ДВЮИ МВД России, кандидат юридических наук

ПРИНЦИПЫ ОРД

Актуальность темы исследования заключается в том, что ОРД была и остается предметом критики, дискуссий и пристального интереса юристов, философов, политиков, правозащитников и рядовых граждан. Это объясняется спецификой ее средств и методов добывания информации, преимущественно негласным характером деятельности, сопряженностью ОРМ с ограничениями конституционных прав и

свобод. Вместе с тем ОРД исторически была и остается эффективным и необходимым средством борьбы с преступностью, обеспечения безопасности личности, общества и государства. ОРД основывается на законодательных принципах, пронизывающих все направления деятельности оперативных подразделений ОВД, и их исследование и раскрытие обеспечивает государственные правовые меры противодействия преступности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, принципы, преступность, преступления.

Преступность является серьезным препятствием на пути формирования Российской Федерации как демократического правового государства. Количественные и качественные характеристики преступности позволяют считать ее одной из угроз национальной безопасности.

Современная преступность характеризуется организованностью, сращиванием общеуголовных, экономических и политических элементов, активностью в противодействии правоохранительным органам, экстремистской и террористической направленностью на государственные устои. Преступления в основном совершаются тайно, заранее тщательно готовятся, всесторонне продумываются, предпринимаются меры к сокрытию следов преступлений, что значительно затрудняет, а иногда и делает вообще невозможным их раскрытие. При таком состоянии преступности традиционные уголовно-процессуальные способы борьбы с ней не приносят положительного результата. В этих условиях оперативно-розыскные средства противодействия преступности в силу своей конспиративности, сочетания гласных и негласных сил и средств позволяют добиваться высоких результатов в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений.

Большинство тяжких и особо тяжких преступлений раскрывается в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). Тщательная конспирация преступной деятельности поставила на повестку дня работы органов, призванных вести борьбу с

ними, в качестве противовеса использование агентуры и других конфидентов для добывания информации о преступной деятельности путем тайного внедрения агентов в структуры таких образований. Была выработана система ОРМ, проводимых в закрытом режиме, что позволило повысить эффективность борьбы с преступностью.

В статье 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) определено, что оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) – вид деятельности, осуществляемый гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то Законом об ОРД, в пределах их полномочий посредством проведения ОРМ в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств [2].

ОРД представляет собой социально полезную деятельность, направленную на выполнение социально полезных задач и функций.

Актуальность темы исследования заключается в том, что ОРД была и остается предметом критики, дискуссий и пристального интереса юристов, философов, политиков, правозащитников и рядовых граждан. Это объясняется спецификой ее средств и методов добывания информации, преимущественно негласным характером деятельности, сопряженностью ОРМ с ограничениями конституционных прав и свобод. Вместе с тем ОРД исторически была и остается эффективным и необходимым средством борьбы с преступностью, обеспечения безопасности личности, общества и государства. ОРД основывается на законодательных принципах, пронизывающих все направления деятельности оперативных подразделений ОВД, и их исследование и раскрытие обеспечивает государственные правовые меры противодействия преступности.

Принципы ОРД – это основополагающие идеи, выработанные в практической ОРД, закрепленные в нормативных правовых актах, и отражающие закономерности современного общественного развития, а также нравственные и правовые представления граждан относительно сущности, целей, задач и процедур ОРД [3, с. 78].

В зависимости от характера и содержания выделяются: правовые, организационные и морально-этические принципы.

Правовые принципы делятся, в свою очередь, на конституционные и отраслевые. К конституционным принципам относятся принцип законности и принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина. К отраслевым принципам относятся принцип конспирации и принцип сочетания гласных и негласных методов и средств.

Важнейшим конституционным принципом ОРД является принцип законности, который заключается в том, что должностные лица органов, осуществляющих ОРД, в своей деятельности руководствуются требованиями Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1], оперативно-розыскного законодательства и различных ведомственных нормативных правовых актов.

Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина закреплен в ст. 2 Конституции РФ, согласно которой: «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Закон об ОРД признает приоритет личности в системе ценностей и проводит разграничение прав правоуполномоченного гражданина и прав правонарушителя. В Законе об ОРД подробно прописаны условия и основания проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан. Статья 5 Закона об ОРД устанавливает обязанность должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина при проведении ОРМ; закрепляет механизм реализации права граждан на ознакомление с материалами, затрагивающими их права и свободы; регламентирует порядок защиты нарушенных прав граждан.

Принцип конспирации относится к отраслевым принципам ОРД и заключается в необходимости и легитимности использования в процессе ОРД прав или приемов, позволяющих сохранять в тайне от преступников действия правоохранительных органов по их разоблачению [4, с. 53].

Отраслевой принцип сочетания негласных и гласных методов и средств заключается в том, что ОРМ могут проводиться как гласно, так и не гласно.

В теории ОРД существует множество споров относительно классификации принципов ОРД. Так, например, существует вопрос, должны ли все принципы ОРД быть прямо перечислены в ст. 3 Закона об ОРД или некоторые из них могут вытекать из требований отдельных статей Закона об ОРД и ведомственных нормативных актов [5, 63]. Придерживаемся мнения, что целесообразнее было бы закрепить все принципы ОРД в отдельной статье.

Довольно часто граждане неправильно понимают содержание принципов и обращаются за защитой своих прав в суд, полагая, что сотрудники оперативно-розыскных органов нарушают их права. Поэтому, считаем, что для того, чтобы сократить количество обжалований норм законодательства об ОРД, следует не просто перечислить принципы в законе, но и подробно раскрыть их содержание.

Защита прав и свобод человека и гражданина заключается не только как пассивном ограждении личности от противоправных посягательств, но и в активном недопущении посягательств и в восстановлении нарушенных прав. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в ОРД – это деятельность соответствующих органов, направленная на создание условий по защите, охране и восстановлению нарушенных прав и свобод личности в условиях применения специальных сил и средств для решения задач борьбы с преступностью, добывания информации о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической и экологической безопасности РФ.

Список использованной литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ,

от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29 июня 2015 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

3. Бахта А.С., Вагин О.А., Чечетин А.Е. Вопросы оперативно-розыскной деятельности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: Научно-практическое пособие. Хабаровск, 2012. Ефимичев С.П., Дёмин В.П. Конституционные и отраслевые принципы оперативно-розыскной деятельности // Вестник российской таможенной академии. 2009. № 1.

4. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: Учебник / под ред. А.Ю. Шумилова. М., 2013.

Дмитрий Андреевич Загуляев

Курсант 2 курса

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России, г. Владивосток

Научный руководитель – Усов Алексей Вячеславович,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых
и гражданско-правовых дисциплин ВФ ДВЮИ МВД России,
кандидат исторических наук

ПРАВОВАЯ ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЯНИЙ

Статья посвящена проблемам профилактики преступлений в сфере охраны культурного наследия России. Система предупреждения преступлений включает в себя демократические, научно обоснованные правовые принципы, направленные на планомерное снижение уровня и масштаба правонарушений. Исследователи приходят к выводу, что одним из наиболее эффективных и действенных методов предупре-

ждения правонарушений в сфере охраны культурного наследия, на современном этапе, является применение высокотехнологических средств мониторинга труднодоступных территорий и изыскание средств финансирования данных проектов.

Ключевые слова: памятники истории и культуры, правовая охрана, профилактика преступлений.

На современном этапе правоприменительной деятельности достаточно много внимания уделяется теме правовой регламентации охраны памятников истории и культуры. Одним из основных направлений такой практики можно назвать предупреждение преступлений, то есть целенаправленную деятельность государства и общественности, которая представляет собой комплекс мероприятий, направленных на создание таких условий, при которых становятся невозможными противоправные деяния в отношении объектов культурного наследия.

Анализ механизма правового регулирования в области охраны культурного наследия позволяет определить следующие пути по предупреждению и профилактике преступлений в этой области:

1. Безоговорочное соблюдение законности в области охраны и использования этих объектов.

2. Деятельность по популяризации объектов культурного наследия, т.е. пропаганда памятников истории и культуры через средства массовой информации и сеть Интернет с целью заинтересованности граждан в изучении и сохранении данных объектов.

3. Работа с молодым поколением: разработка программ по воспитанию активной гражданской позиции молодежи в отношении культуры своей страны и народа; создание общественных движений и клубов, ориентированных на формирование ответственности за сохранение и бережное использование культурно-исторических объектов; формирование интереса подростков к проблемам охраны памятников истории и культуры с помощью волонтерского движения.

4. Использование метода мониторинга проблемно-ориентированной информации в сети Интернет. Применение компьютерных технологий для оперативного доступа к нужной информации, использова-

ние современных методов сбора и обработки информации для извлечения максимума полезных сведений, позволяющих делать определенные выводы и заключения. Например, мониторинг сайтов «черный копателей».

5. Применение средств научно-технического прогресса и новаторских технологий при охране памятников истории и культуры.

В последнее время одним из новых направлений в области охраны является использование беспилотных летательных аппаратов – квадрокоптеров. Квадрокоптер – это компактный летательный аппарат, не имеющий пилота, и управляемый дистанционно человеком. Квадрокоптеры снабжены видеокамерой, что делает их способными вести съемку требуемых объектов с разной высоты – там, где это невозможно сделать никаким другим образом. Данный метод эффективен для планового контроля ситуации или оперативной проверки сведений о правонарушении на отдаленных или труднодоступных объектах охраны. Съемка ландшафтов с воздуха позволяет полностью владеть ситуацией и контролировать происходящее на объектах охраны. Особую помощь в этом дает установка на квадрокоптеры специальных систем ночного видения. Бесшумность, быстрота перемещения, просмотр и запись в режиме реального времени, а также возможность использования дополнительных устройств (например, тепловизора) позволяет повысить уровень защиты объекта.

Рассмотрим некоторые модели квадрокоптеров и их оценку специалистами:

– DJI Phantom 3 Professional. Оптимальная модель квадрокоптера для профессионального использования: время в полете 23 минут, способен транслировать видео на расстояние 2 км, максимальная скорость горизонтального полета до 16 м/сек, система GPS позволяет отслеживать месторасположение аппарата, когда он находится вне зоны прямой видимости. Стоимость данной модели 90 тысяч рублей.

– QR X350. Радиус действия составляет около 2 километров, а наличие модуля GPS дает возможность задать на карте точку, над которой дрон может зависнуть, время в полете до 25 минут.

– Parrot Bebop Drone – оптимальный квадрокоптер для аэрофото-съемки. Скорость полета по горизонтали может достигать 13 м/сек, а время полета – около 22 минут, дальность управления до 2 км, время в полете до 22 минут, угол обзора камеры 180°, камера 14 Мп.

Вот отзывы некоторых пользователей квадрокоптеров: Сергиенко Антон, технический директор нефтегазовой компании: «Благодаря беспилотным аппаратам компании ARMAIR у нас появилась возможность на другом уровне проводить охрану и облет трубопроводов в СЗФО»; Иванов Алексей, помощник директора Оренбургского заповедника: «Используем аппараты для мониторинга зверугодий, заповедников. В разы легче стало пресекать нарушения со стороны контрабандистов, повысился оперативный мониторинг площадей, за которые мы ответственны»; Келлер А.С.: «Благодаря применению БПЛА сельхоз назначения, мы теперь можем мониторить слабо развитые посевные площади. На основе полученных данных легче принимать решения об увеличении интенсивности опрыскивания, а также лечения посевных площадей» [1].

Таким образом, проанализировав технические характеристики квадрокоптеров, их оценку специалистами и отзывы пользователей, считаем, что применение данных технических средств поможет эффективно решать задачи по мониторингу и аэросъемке при охране объектов культурного наследия.

Еще одна разновидность беспилотных летательных аппаратов – беспилотные самолеты, они имеют улучшенные технические характеристики: радиус действия таких аппаратов колеблется от 25 км до 250 км, продолжительность полета до 20 часов, скорость движения до 220 км/час, следовательно, и стоимость таких аппаратов значительно выше.

Рассмотрим некоторые модели беспилотных самолетов, которые уже сейчас используются рядом ведомств для осмотра труднодоступных участков местности, выявления браконьерской деятельности и уточнения информации, полученной с помощью технических средств охраны:

– ZALA 421-16Ф2. Радиус действия видео/радиоканала 20 км / 50 км
Продолжительность полета 3,5 часа, максимальная высота полета 3600 м,

скорость 65-110 км/ч, навигация GPS/ГЛОНАСС, допустимая скорость ветра 15 м/с, диапазон рабочих температур -30°C+40°C;

– ZALA 421-20. Радиус действия видео/радиоканала 50 км / 120 км. Продолжительность полета 6-8 часов, максимальная высота полета 5000 м, Скорость 90-220 км/ч, навигация GPS/ГЛОНАСС, диапазон рабочих температур -30°C+40°C;

– БЛА вертолетного типа ZALA 421-02X. Радиус действия видео/радиоканала 25 км / 50 км, продолжительность полета 1,5-2 часа, максимальная высота полета 3000 м, скорость до 60 км/ч, навигация GPS/ГЛОНАСС, диапазон рабочих температур -30°C.+40°C.

По состоянию на 2014 год на вооружении органов внутренних дел Приморского края находилось 12 беспилотных летательных аппаратов [2]. Помощь беспилотников сотрудникам полиции в связи со сложным холмистым рельефом местности неоценима: обеспечение правопорядка в местах большого скопления людей, выявление браконьеров во время нереста красной рыбы, составление планов плантаций дикорастущей и культивируемой конопли, определение мест деятельности «черных лесорубов», выявление нарушителей правил дорожного движения. Они способны выполнять задачи по бесшумному мониторингу территорий в любое время суток.

Однако, востребованность данного оборудования в целях охраны памятников истории и культуры, на сегодняшний день, сопряжена с проблемой дороговизны данного оборудования и необходимостью дополнительной подготовки кадров для управления данными техническими средствами.

На сегодняшний день, финансирование мероприятий по охране объектов культурного наследия происходит за счет федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов и внебюджетных поступлений, за счет средств, полученных от использования объектов историко-культурного наследия.

Пути получения дополнительных средств, для эффективной деятельности в сфере охраны культурного наследия:

1. Высвобождение средств за счет определения порядка сдачи в аренду федеральной и краевой собственности и использовании полу-

ченных средств. Заключение генерального договора с Департаментом земельных и имущественных отношений Приморского края. В этом договоре должны быть определены максимально возможные направления средств, полученных за аренду, правоохранительными органами, Администрацией края и органами местного самоуправления. С другой стороны, должен быть утвержден верхний предел арендной платы, независимо от того, кто является арендодателем. При этом размер арендной платы не должен быть обременителен, т.к. правоохранительные органы, являясь в своей массе бюджетными организациями, выполняют задачи по защите основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

2. Привлечение дополнительных средств, для организации охраны памятников истории и культуры путем участия материальных средств физических и юридических лиц, бизнес структур, которые в свою очередь заинтересованы в создании позитивно воспринимаемого в обществе имиджа социально ответственной организации. Так, например, решением думы города Владивосток от 22.12.2005 № 164 «Об утверждении Правил охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия местного значения, расположенных на территории города Владивостока» установлен порядок предоставления льгот, физическим или юридическим лицам, вложившим свои средства в работы по сохранению объектов культурного наследия [3].

3. Создание общественного благотворительного фонда охраны объектов культурного наследия. Привлечение средств меценатов, проведение благотворительных мероприятий по сбору средств.

4. Субъекты Российской Федерации и муниципальные образования вправе за счет средств своих бюджетов оказывать финансовую поддержку мероприятий по сохранению находящихся на их территории объектов культурного наследия.

5. Создание структуры по обслуживанию беспилотных летательных аппаратов не фирмой-изготовителем Zala Aero, а на базе Арсеньевской авиастроительной организации ААК «Прогресс», что значительно дешевле. И возможность в перспективе начать разработку и

производство собственных беспилотных летательных аппаратов на базе предприятия.

6. Штрафы, налагаемые управлением внутренних дел: 70% – направлять на расходы бюджета; 30% – на материально-технического обеспечение правоохранительных органов.

7. Оборудование предупредительного рубежа, который фиксирует приближение к границе объекта охраны. Зачастую он невидим для человека и сложно обнаруживается техническими средствами (например, ВОК, уложенный в грунт на глубину до 1 м или камеры слежения, снабженные тепловизорами). При этом, нарушитель, проходя рубеж, не знает, что его уже обнаружили.

8. Создание добровольных народных дружин для патрулирования памятников истории и культуры из числа членов патриотических движений и жителей близлежащих районов, равнодушных к проблеме сохранения памятников истории и культуры. В настоящее время на федеральном уровне деятельность народных дружин законодательно утверждена федеральным законом «Об участии граждан в охране общественного порядка», вступившим в силу 1 июля 2014 года [4].

На основании федерального закона, 22 апреля 2015 года Законодательным Собранием Приморского края принят закон "Об отдельных вопросах деятельности народных дружин на территории Приморского края", которым установлено, что народные дружинники при участии в охране общественного порядка на территории Приморского края должны иметь при себе удостоверение народного дружинника, носить форменную одежду и использовать отличительную символику народного дружинника - нагрудный знак народного дружинника [5].

9. Повышение уровня аналитической работы правоохранительных органов в сфере охраны культурного наследия. Знание оперативной обстановки, а также основных тенденций динамики и состояния преступности в сфере охраны культурного наследия способствует применению действенных мер профилактики противоправных деяний.

10. Предметное разграничение ответственности по охране и использованию памятников истории и культуры между различными ве-

домствами: административными, архитектурными, природоохранными, строительными, эксплуатационными и правоохранительными.

Воспитать в человеке бережное отношение к культуре и историко-культурным ценностям можно не только опираясь на жесткие законы, но и повышая культурный уровень всего общества.

В настоящее время, ответственность за совершение преступления в сфере охраны культурного наследия предусмотрена ст. 164 УК РФ, ст. 190 УК РФ, ст. 243 УК РФ. А также ст.7.13 – 7.16 и ст.7.33 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Однако важным условием успешной борьбы с преступностью в сфере охраны культурного наследия является деятельность по профилактике противоправных деяний, которая должна осуществляться как со стороны государства, так и со стороны общественности.

Одним из наиболее эффективных и действенных методов предупреждения правонарушений в сфере охраны культурного наследия, на современном этапе, считаем применение высокотехнологических средств мониторинга территорий, на которых расположены культурно-исторические объекты и изыскание средств финансирования данных проектов. По-нашему мнению, использование современных устройств удаленного наблюдения целесообразней, чем установка и укомплектование стационарных постов охраны не только на труднодоступных и удаленных территориях, но например, и таких как Владивостокская крепость. К тому же, информирование общественности о применении летательных аппаратов при проведении правоохранительных мероприятий само по себе является психологическим фактором сдерживания противоправных деяний.

Список использованной литературы

1. Источник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bespilotnik24.ru/kvadrokoptery-brendy/>
2. Источник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dari38.ru/text/26-06-2014/bespilotniki/>

3. Источник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://duma.vlad.ru/files/documents/164.html>

4. Приморская газета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://primgazeta.ru/news/folk-vigilantes-will-help-the-police-in-maintaining-public-order>

5. Закон Приморского края от 30 апреля 2015 года № 598-КЗ «Об отдельных вопросах деятельности народных дружин на территории Приморского края». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/428540752>

Сергей Олегович Заемской

магистрант 2-го курса

Российский государственный университет правосудия (РАП)

(Дальневосточный филиал), г. Хабаровск

Научный руководитель – Никитенко Илья Викторович
профессор кафедры уголовного права и криминологии ДВЮИ МВД
России, доктор юридических наук, доцент

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье представлен авторский взгляд на содержание, формирование и развитие отечественной уголовно-правовой политики в сфере противодействия организованной преступности и дано краткое описание ретроспективы этого вопроса.

Ключевые слова: декриминализация, криминализация, организованная преступность, противодействие, уголовный закон, уголовная политика, уголовно-правовая политика.

Охрана прав и свобод граждан, обеспечение законности и правопорядка относится к числу важнейших функций любого государства. Ее реализация осуществляется в рамках правоохранительной дея-

тельности, а конкретные формы, методы и средства реализации поставленных государством целей на каждом историческом этапе определяются в соответствии с его внутренней и внешней политикой.

Известно, что непреходящее значение при формировании государственной политики в сфере противодействия преступности придается именно уголовной политике, под которой понимают выработанную государством генеральную линию, определяющую основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, контроля над правоприменительной практикой, а также принятием мер по предупреждению преступности [1].

В свою очередь, уголовно-правовая политика представляет собой ту часть уголовной политики, которая вырабатывает основные задачи, принципы, направления и цели уголовно-правового воздействия на преступность, а также средства их достижения, и выражается в директивных документах, нормах уголовного права, актах толкования норм и практике их применения [2, с. 168].

Известно и то, что реализация уголовно-правовой политики осуществляется в комплексе основных направлений. Это, криминализация и декриминализации общественно опасных деяний, а соответственно их пенализация, либо депенализация. Наряду с этим утверждается круг обстоятельств исключающих преступность деяний, а также поощряемых форм позитивного посткриминального поведения.

Очевидно, что сегодня осуществляется последовательный курс, направленный на либерализацию уголовной политики через декриминализацию ряда деяний и установление за их совершение административной ответственности, исключения из ряда статей Особенной части УК РФ нижних пределов санкций, расширения возможности применения мер пресечения и наказаний, не связанных с изоляцией от общества, расширения перечня преступлений, по которым возможно прекращение уголовного преследования и рассмотрения уголовных дел в «особом порядке». Однако наряду с этим в сфере борьбы с организованной преступностью, терроризмом, незаконным обо-

ротом наркотических средств и психотропных веществ, а также в области противодействия коррупции уголовно-правовая политика носит преимущественно репрессивный характер. Это обусловлено, прежде всего, повышенной общественной опасностью указанных преступлений, их распространенностью, которая зачастую носит международный характер, действительной необходимостью назначения виновным лицам наказаний, связанных с изоляцией от общества.

Репрессивное воздействие на организованную преступность проявляется в использовании законодателем двух взаимосвязанных методов уголовно-правовой политики, а именно криминализации и пенализации.

Разнообразие форм групповой преступности были известны отечественному уголовному праву уже в IX веке, однако термин «организационная деятельность» применительно к совершению преступлений впервые был закреплен только в УК РСФСР 1926 г.

Противодействие организованной преступности до принятия УК РФ 1996 г. сводилось к борьбе с бандитизмом. Впервые состав этого преступления появился в УК РСФСР 1926 г. Бандитизм (ст. 59.3) относился к особо для Союза ССР опасным преступлениям против порядка управления, его объективная сторона описывалась как «организация вооруженных банд и участие в них и в организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан, остановках поездов и разрушении железнодорожных путей и иных средств сообщения и связи».

УК РСФСР 1960 года относил бандитизм (ст. 77) к государственным преступлениям, причем тяжким. Состав данного преступления описывался как «организация вооруженных банд с целью нападения на предприятия, учреждения, организации либо на отдельных лиц, а равно участие в таких бандах и в совершаемых ими нападениях».

Уголовный кодекс РФ 1996 года криминализирует как саму организационную преступную деятельность, так и деяния, совершаемые организованными преступными формированиями. Можно говорить о трех формах такой криминализации. Во-первых, в установленных законом случаях создание и руководство организованной группой или

преступным сообществом (преступной организацией) и участие в них уже сами по себе образуют самостоятельные составы преступлений. Речь идет об организации и участии в таких организованных группах как террористическое сообщество (ст. 205.4), незаконное вооруженное формирование (ст. 208), устойчивая вооруженная группа (банда) (ст. 209), экстремистское сообщество (ст. 282.1), а также об организации преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) (ст. 210).

Во-вторых, совершение преступления организованной группой может выступать обязательным признаком квалифицированного либо особо квалифицированного состава преступления (п. «ж» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 142, п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ). В настоящее время совершение преступления организованной группой выступает квалифицирующим (особо квалифицирующим признаком) в 122 составах преступлений.

В-третьих, совершение преступления в составе организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) признается отягчающим наказанием обстоятельством (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК).

В первоначальной редакции ч. 5 ст. 35 Уголовного кодекса РФ не конкретизировались статьи Особенной части кодекса, предусматривавшие ответственность за создание организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) либо руководство ими, а также за участие в организованной группе или преступном сообществе (преступной организации). Очевидно, что в рассматриваемый период к предусмотренным статьями Особенной части УК случаям создания организованной группы относились ст. ст. 208, 209, 210 УК РФ.

Новая же редакция статьи 210 УК РФ наряду с другими изменениями расширила перечень действий, образующих объективную сторону состава данного преступления, и во многом конкретизировала признаки преступного сообщества (преступной организации). Однако реальные результаты противодействия организованной преступности, основанные на объективном анализе, свидетельствуют о том, что достичь ожидаемого положительного эффекта в противодействии дея-

тельности высокоорганизованных преступных сообществ на правоприменительном уровне так и не удалось [3, с. 58-62].

Законодательные новации не привели к ожидаемому результату, так как эффективность практики привлечения к уголовной ответственности по статье 210 УК РФ при относительно высокой латентности анализируемого состава преступления, как и прежде, остается на низком уровне [4, с. 60].

Активизация организованных форм террористической и экстремистской деятельности и их повышенная степень общественной опасности потребовали криминализации создания и участия в новых для уголовного закона форм организованной преступной деятельности: экстремистского сообщества и экстремистской организации (ст. ст. 282.1, 282.2 УК введены Федеральным законом от 25.07.2002 № 112-ФЗ), террористического сообщества и террористической организации (ст. ст. 205.4, 205.5 введены Федеральным законом от 02.11.2013 № 302-ФЗ).

Федеральным законом от 05.05.2014 г. № 130-ФЗ ст. ст. 282.1, 282.2 УК РФ были дополнены составами преступлений, предусматривающих ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества (ч. 1.1 ст. 282.1) и экстремистской организации (ч. 1.1 ст. 282.2).

Криминализация создания организованных форм террористической и экстремистской деятельности явилась весьма своевременным шагом. Эскалация гражданского конфликта и распространение в 2013-2014 годах деятельности террористических исламистских группировок за пределы Сирии привели к возникновению новых угроз международного терроризма. Решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424с на территории Российской Федерации запрещена деятельность признанных террористическими международными организациями «Исламское Государство» и «Джебхат ан-Нусра» (Фронт победы).

Как следует из рисунка 1, в 2014 году произошел резкий рост числа зарегистрированных преступлений террористического характера (+70,5%), продолжившийся в 2015 г. (+35,8%) и 2016 г. (+44,8%).

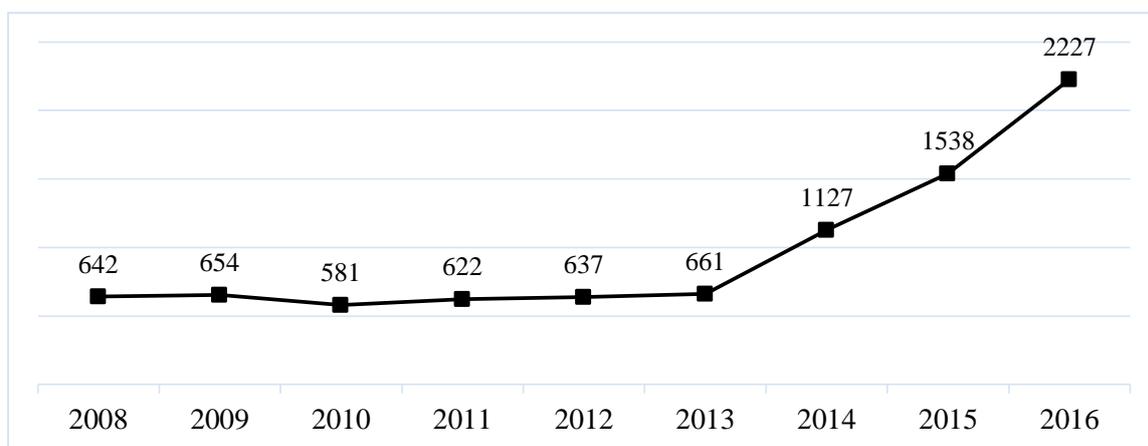

Рис. 1. Сведения о зарегистрированных преступлениях террористического характера, 2008-2016 гг.

Рост числа зарегистрированных преступлений экстремистского характера носит менее выраженный, но также последовательный характер (рисунок 2).

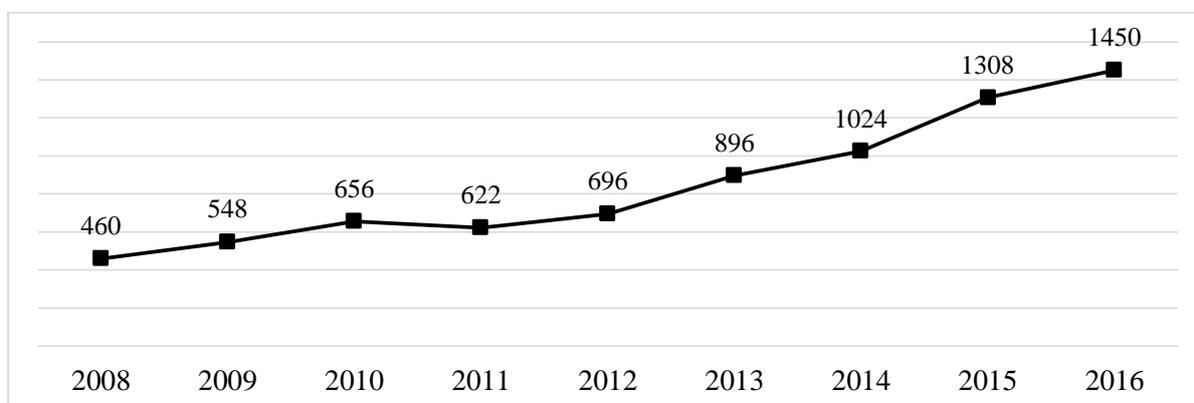

Рис. 2. Сведения о зарегистрированных преступлениях экстремистского характера, 2008-2016 гг.

Увеличение числа преступлений террористического характера обусловлено в первую очередь приростом выявленных фактов участия в незаконных вооруженных формированиях (ст. 208 УК РФ). Так, если в период 2008-2013 гг. в среднем в год регистрировалось 490 преступлений, предусмотренных ст. 208 УК РФ, то в 2014 году число зарегистрированных фактов создания и участия в незаконном вооруженном формировании выросло на 60% и составило 787 преступлений, а в 2015 году было зарегистрировано уже 1008 преступлений (+28%). При этом доля преступлений, предусмотренных ст. 208

УК РФ, в 2015 году в структуре преступлений террористического характера составила 65,5%.

Что же касается пенализации как направления уголовно-правовой политики в сфере борьбы с организованной преступностью, то изменения, внесенные в санкции отдельных составов преступлений в последние годы, свидетельствуют об ужесточении уголовного наказания за организованную преступную деятельность.

Таблица 1

**Сведения о зарегистрированных преступлениях,
предусмотренных ст. ст. 209, 210 УК РФ**

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Бандитизм (ст. 209)	262	231	184	183	236	233	182	155	139
Организа- ция пре- ступного сообщества (преступной организа- ции) (ст. 210)	325	247	172	172	202	251	255	285	252

Возвращаясь к вопросу об основных направлениях уголовно-правовой политики в сфере борьбы с организованной преступностью, отметим, что использование жестких репрессивных мер воздействия на организованную преступность вынуждает виновных лиц принимать меры к более усиленной конспирации, тщательному планированию механизмов совершения преступлений и их сокрытию.

Список используемой литературы

1. Никитенко И.В. Криминологическое обеспечение миграционной безопасности Азиатской части России: дис. ... д-ра юрид. наук: и12.00.08 / Всероссийский научно-исследовательский институт МВД РФ. Москва, 2014.

2. Сабитов, Т.Р. Уголовно-правовая политика Российской Федерации и ее принципы // Вестник НГУ: научный журнал. 2007. Т. 3: Вып. 1.

3. Никитенко, И.В., Якушева, Т.В. Организация преступного сообщества: проблемы квалификации // Уголовное право. № 5. 2010. М. С. 58-62.

4. Никитенко, И.В., Якушева, Т.В. Координация преступных действий организованных групп: проблемы законодательства и правоприменительной практики // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. № 2 (39). 2017.

Михаил Викторович Занаев, Антон Сергеевич Зиновьев

курсанты 3 курса

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России, г. Владивосток

Научный руководитель – Якимова Зоя Владимировна,

доцент кафедры гуманитарных дисциплин

ВФ ДВЮИ МВД России, кандидат психологических наук

СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

В статье рассматривается проблема формирования толерантности через осознание социальной дистанции и этнической идентичности на примере курсантов Дальневосточного юридического института МВД России (Владивостокский филиал).

Ключевые слова: толерантность, идентичность, социальная дистанция, этнонигилизм, индифферентность, этноэгоизм, этноизоляция, этнофанатизм

Для России проблема этнической толерантности сохраняет свою актуальность на протяжении многих веков в силу столь многонацио-

нального состава и многоконфессиональности страны. Однако после распада СССР ситуация нетерпимого отношения к людям иной национальности и культуры приобрела масштаб государственной значимости, так как сопровождается локальными войнами, усилением сепаратистских настроений, ростом национального экстремизма и т.д.

Прежде всего, это связано с тем, что толерантность - неперемное условие выживания и развития современной цивилизации. Высокие темпы перемещения и миграции населения привели к социальному взаимодействию представителей разных общин. Во многом этим объясняются те усилия, которые предпринимаются в настоящее время различными общественными и государственными институтами России для формирования в обществе высокой толерантности.

Особо стоит отметить напряженность этнической толерантности в ситуации вынужденной трудовой миграции, когда беженцы из других государств (например, Украины) занимают все доступные рабочие места. Тем самым не только создается угроза безработицы для местного населения, но и формируется негативный социальный стереотип относительно вынужденных переселенцев.

Так в частности, ряд авторов отмечает, что современная нормативно-законодательная база Российской Федерации способствует защите трудовых прав и предоставлению определенных преференций трудовым мигрантом и беженцам из Украины. Однако даже при всей лояльности правовой системы в целом, любой мигрант – носитель специфической культуры и субкультуры, отличной от той культуры, в которой он вынужден адаптироваться [1].

Вопрос этнической толерантности имеет общие точки пересечения с этнической идентичностью, отражающей степень выраженности этнического самосознания. Важно понимать, что этническая идентичность – это всего лишь фрагмент целостной «Я-концепции» человека, где этническая идентичность стоит в одном ряду с такими понятиями, как «профессиональная идентичность», «социально-классовая идентичность», «гражданская идентичность», «религиозная идентичность» и т.д. При этом любой вид идентичности требует принятия человеком определённых идей, убеждений, ценностей и правил поведения [2].

Один из показателей негативной трансформации этнической идентичности выражается через рост этнической нетерпимости (интолерантности). Степень этнической толерантности оценивается на основе следующих критериев: уровня «негативизма» в отношении собственной и других этнических групп, порога эмоционального реагирования на иноэтническое окружение, выраженности агрессивных и враждебных реакций по отношению к другим группам.

Типы идентичности с различным качеством и степенью выраженности этнической толерантности могут быть условно выделены на шкале этноцентризма, начиная от «отрицания» идентичности, когда фиксируется негативизм и нетерпимость по отношению к собственной этнической группе, и заканчивая национальным фанатизмом – апофеозом нетерпимости и высшей степенью негативизма по отношению к другим этническим группам [3].

В контексте представленной статьи, исследование типов этнической идентичности было проведено с помощью методики Солдатовой и Г.У. и Рыжовой С.В. на выборке из 20 курсантов 3-го курса ВФ ДВЮИ МВД России. Респондентам требовалось определить своё согласие / несогласие относительно 30 высказываний, каждое из которых начиналось с фразы: «Я человек, который...» и отражало отношение к собственной и другим этническим группам в различных ситуациях межэтнического взаимодействия.

В зависимости от суммы баллов, набранных испытуемым по той или иной шкале (возможный диапазон от 0 до 100 %), можно судить о выраженности соответствующего типа этнической идентичности, а сравнение результатов по всем шкалам между собой позволяет выделить один или несколько доминирующих типов. При этом, критерии оценки степени выраженности этнической идентичности в зависимости от тестовых показателей распределены следующим образом: 0–5% – тенденция отсутствует; 5–19% низкий показатель; 20–39% пониженный показатель; 40–59% средний показатель; 60–79 % повышенный показатель; 80–100% высокий показатель.

Кроме того, необходимо помнить, что только по шкале «позитивной этнической идентичности» более высокий количественный пока-

затель соответствует более высокой позитивной направленности испытуемых, а по остальным шкалам наблюдается обратная тенденция.

Опросник содержит шесть диагностических шкал, которые соответствуют определенным типам этнической идентичности:

1. *Этнонигилизм* – одна из форм гипоидентичности, представляющая собой отход от собственной этнической группы и поиски устойчивых социально–психологических ниш не по этническому критерию. В исследуемой группе респондентов был зафиксирован низкий уровень этнонигилизма, который составил 12%.

2. *Этническая индифферентность* – размывание этнической идентичности, выраженное в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности. В исследуемой группе респондентов этническая индифферентность составляет 25%.

3. *Норма (позитивная этническая идентичность)* – сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам. Позитивная этническая идентичность преобладает в исследуемой учебной группе и составляет 84%.

4. *Этноэгоизм* – данный тип идентичности может выражаться в безобидной форме на вербальном уровне как результат восприятия через призму конструкта «мой народ», но может предполагать, например, напряженность и раздражение в общении с представителями других этнических групп или признание за своим народом права решать проблемы за «чужой» счет. Этноэгоизм в исследуемой группе составил 25%.

5. *Этноизоляционизм* – убежденность в превосходстве своего народа, признание необходимости «очищения» национальной культуры, негативное отношение к межэтническим брачным союзам, ксенофобия. Уровень выраженности этноизоляционизма в исследуемой группе респондентов составил 26%.

6. *Этнофанатизм* – готовность идти на любые действия во имя так или иначе понятых этнических интересов, вплоть до этнических «чисток», отказа другим народам в праве пользования ресурсами и социальными привилегиями, признание приоритета этнических прав народа над правами человека, оправдание любых жертв в борьбе за

благополучие своего народа. Уровень выраженности этнофанатизма в исследуемой группе респондентов так же составил 26%.

Второе исследование было проведено на той же выборке курсантов. В качестве концептуальной основы исследования была взята шкала измерения социальной дистанции Э. Богардуса, рассматриваемая им как степень близости или отчужденности между определенными группами людей. Респондентам предлагалось выразить степень своего согласия или несогласия с 6 суждениями: «Для меня лично возможно и желательно принять представителя данной группы» [4]:

- 1) как близкого родственника (например, партнера по браку);
- 2) как близкого друга;
- 3) как соседа по дому;
- 4) как коллегу по работе;
- 5) как гражданина моей страны;
- 6) как гостя (туриста) в моей стране.

Согласно рассматриваемой концепции предполагается, что эти суждения отражают соответствующие социальные дистанции, желательные для респондента по отношению к типичным членам изучаемой группы. Социальная дистанция респондентов по отношению к другим группам вычисляется как среднее арифметическое из суммы индивидуальных ответов. Предполагается, что чем меньше данный показатель, тем короче социальная дистанция и тем сильнее выражены позитивные чувства респондентов по отношению к представителям другой нации. Соответственно, чем выше показатель, тем уровень приемлемости представителей другой нации будет ниже.

Результаты подсчета уровня социальной приемлемости, как по отдельным позициям, так и уровень социальной дистанции к обозначенным объектам в целом позволили установить, что большая часть оценок, характеризующих уровень социальной приемлемости, остановились в промежутке от 4 до 6 условных единиц. Нужно отметить, что данный показатель изменялся в зависимости от предлагаемых утверждений. Полученные результаты свидетельствуют о повышенном уровне отчужденности к представителям большинства представленных наций. Наибольшая социальная дистанция исследуемых наблюдается к

представителям цыганской, еврейской, турецкой и американской нации. Вероятнее всего, данные показатели связаны с устойчивыми стереотипами по отношению к первым и сложившейся международной политической обстановкой. Наименьшая социальная дистанция респондентов прослеживается по отношению к белорусам, казахам и французам. Удивительно, но украинцы не вошли в тройку наиболее «близких» наций для группы респондентов. Возможно, попадание в эту тройку французов обусловлено приходом к власти нового президента, выразившего готовность к сотрудничеству и снятию санкций с России, а положение украинцев связано с обострившимися политическими отношениями между нашими странами. Но опять же, политика не должна влиять на отношение людей к представителям определенной нации, тем более, когда речь идет о братском нам народе Украины.

Таким образом, можно сделать вывод, что социальная дистанция является понятием, характеризующим степень близости или отчужденности между двумя группами людей. На данный показатель может влиять ряд факторов, таких как: политический, экономические, религиозный и др. В полиэтническом обществе позитивная этническая идентичность имеет характер нормы и свойственна подавляющему большинству. Она задает такой оптимальный баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее, с одной стороны, как условие самостоятельности и стабильного существования этнической группы, с другой – как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтническом мире.

Список использованной литературы

1. Якимова З., Шкодич И., Ибрагимова М. Проблемы социокультурной и правовой адаптации в Приморском крае трудовых мигрантов – беженцев из Украины //Общество и экономика. – 2015. № 3. – С.144-155.
2. Ермакова З.В. Профессиональная идентичность социального педагога: автореф. дис. ... канд. псих. наук / Дальневосточный государственный университет путей сообщения. Хабаровск, 2007.

3. Методика диагностики типов этнической идентичности (Солдатова Г.У., Рыжова С.В.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://saifutdiyarova.ucoz.ru/index/metodiki_po_ehtnopsikhoolgii/0-6

4. Методика «Шкала социальной дистанции» Э. Богардуса. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberpedia.su/9xc0c1.html>

Татьяна Сергеевна Ивашкина

курсант 3 курса

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России, г. Владивосток

Научный руководитель – Волгина Татьяна Львовна,

доцент кафедры гуманитарных дисциплин

ВФ ДВЮИ МВД России,

кандидат медицинских наук, доцент

ПРОБЛЕМА ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕЛИГИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В работе затрагивается проблема противоречия различных религий на территории нашего огромного многонационального государства. Анализируются сложности соблюдения государством баланса в вопросах соблюдения многочисленных религиозных традиций на государственном уровне. Рассматриваются пути минимизации и урегулирования национальных конфликтов.

Ключевые слова: религия, противоречия, многонациональное государство, Межрелигиозный совет России, религиозные конфликты.

Россия ещё со времён Империи была государством, чьи подданные исповедовали различные религии. Россия изначально многонациональна, и это отражено в многообразии её культуры и искусства. В том числе и в архитектуре соборов и храмов. Есть и православные соборы, и мусульманские мечети, и католические и буддистские храмы, и лютеранские кирхи, и еврейские синагоги.

Сложно представить, что однажды придет час, когда прекратится противостояние между представителями различных религий. Такое возможно, лишь в случае, если весь мир будет исповедовать одну религию, когда не будет противоречий в направлении достижения социального совершенства.

История нам показывает, что любая новая религия, как бы она не стремилась к единству, встречает множество разногласий и неизбежно распадается на различные направления, а иногда и секты, которые впоследствии борются друг с другом с не меньшим упорством. Многочисленные конфессии, выходящие из христианства, ислама и многих других религий посредством расколов – все это указывает нам, как трудно добиться унифицированного морального и интеллектуального мира, к которому так стремятся люди [1, 99].

Действующая (от 1993 года) Конституция России определяет Российскую Федерацию как светское государство. Конституция гарантирует «свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» [2, ст. 14].

Сырых В.М. в работе «Теория государства и права» отмечает, что конституционная свобода совести и вероисповеданий предоставляет каждому гражданину довольно широкий выбор: что и как сделать. Государство не должно вмешиваться в это законное право гражданина, а также охранять его от вмешательств со стороны общества посредством уголовной ответственности. Одновременно государство охраняет права и свободы граждан от религиозных объединений, злоупотребляющих своей свободой [3, 162].

В то же время, сотрудничество государства с различными конфессиями допускается. Это взаимодействие обусловлено историческими причинами, количеством последователей данной религии в стране и в мире и т. д. Существующий конституционный принцип равенства религиозных объединений перед Законом не означает, что государство должно игнорировать их объективную социальную неодинаковость,

разные роли, которые они сыграли в прошлом в российском обществе и играют в настоящем.

Отношения между конфессией и государством складываются в результате социального компромисса между сторонами этих отношений, частями общества, которые обладают различными, иногда даже альтернативными религиозно-мировоззренческими убеждениями. Государство должно выполнять важнейшую роль посредника и гаранта при достижении такого компромисса. Необходимо постоянно поддерживать баланс интересов личности, общества и государства. Это не всегда так просто, поскольку не всегда легко прийти к компромиссу даже в малых вопросах. Так, А. И. Кудрявцев отмечает, что государство не обязано объявлять какой-либо религиозный праздник нерабочим (праздничным) днем, но имеет на это право. А если учитывать сколько различных наций и конфессий проживает на территории России, государство просто не может объявить нерабочими днями религиозные праздники всех конфессий, так как тогда рабочих дней может не остаться. Поэтому и вводятся праздничные дни избирательно [4, 128].

В России на сегодняшний день нет официальной статистики членства в религиозных организациях, так как по закону запрещено требовать от граждан заявлений о их принадлежности к определенной религии. Таким образом, конфессиональную самоидентификацию россиян можно исследовать только по социологическим опросам населения. Результаты же таких опросов весьма противоречивы и не всегда совпадают с действительностью.

Фонд «Общественное мнение» в июне 2013 года провел опрос на принадлежность к конфессиям. Результаты таковы: не считают себя верующим человеком – 25 %; православные – 64 %; другие христианские конфессии (католики, протестанты, униаты, баптисты и др.) – 1 %; ислам – 6 %; другие религии – 1 %; затруднились ответить – 4 % [5].

Глава социологического отдела Института общественного проектирования Михаил Аскольдович Тарусин так прокомментировал эти данные: «Это число мало что показывает. <...> Если считать православными «церковными» людьми тех, кто хотя бы один – два раза в

год участвует в Таинствах исповеди и Причащения, то православных 18-20 %. <...> Таким образом, около 40% респондентов православными людьми не являются. Они если и ходят в храм, то несколько раз в году, как в некую службу бытовых услуг – кулич освятить, крещенской воды взять... А часть из них даже и тогда не ходит, более того, многие могут и в Бога не верить, но при этом называют себя православными» [6].

В нашей многонациональной и многоконфессиональной стране некоторые религии особенно тесно связаны с историей России, сплелись с национально-этническим фактором, то есть «христианским», «православным», «мусульманским» и т.п., влияют на социальную жизнь, используются в политической идеологии и в настоящее время больше не рассматриваются обществом как система ценностей русского народа в целом, скорее – как отдельная конфессия.

Не стоит забывать и то, что реальное государство и проводимая им политика всегда достаточно далеки от идеальной модели абсолютно справедливого государства. Политолог К. С. Гаджиев рассуждал о том, что стоит признать как факт – идеального государства, как и идеальной власти не существует. Не была еще придумана эффективная, жизнеспособная, справедливая форма устройства государства, которая одинаково нравилась бы всем, выражая интересы и волю всех без исключения групп, слоев, сословий, классов, одновременно [7, 136].

Поэтому, религиозные объединения не должны иметь власть. В настоящих условиях партии, которые могли быть созданы по национальному или религиозному признаку, неизбежно пытались бы улучшать условия лишь соответствующих национальных (этнических) или религиозных групп. Конкуренция таких партий очень остро проявлялась бы в предвыборной борьбе за голоса избирателей, что могло привести вместо консолидации общества к расслоению многонационального народа России, повлекло бы, возвеличение одних и принижению других, и в конечном счете – к приданию доминирующего значения не общенациональным ценностям, а какой-либо этнической идеологии или религии, что противоречило бы Конституции Российской Федерации, ее статьям 13 и 14.

В 1998 г. был создан Межрелигиозный совет России (МСР), который объединяет духовных лидеров и представителей четырёх традиционных конфессий России: православия, ислама, иудаизма и буддизма. Необходимость его создания диктовалась тем, что существующие в России противоречия между славянами и представителями народов, традиционно исповедующих ислам (чеченцы, азербайджанцы и др.), нередко осложнялись межрелигиозными противоречиями. А период конца 80-х – начала 90-х годов XX столетия в России осложнился межэтническими, межрелигиозными вооружёнными конфликтами.

В современной России ситуация осложняется тем, что обострение межэтнических, межрелигиозных отношений используется некоторыми агрессивными активистами для создания различных околорелигиозных сект, проповедующих активную борьбу с иноверцами, в том числе с атеистами.

Примером может послужить нашумевшая акция представителей, якобы, православного движения «Божья воля» в Манеже, в ходе которой активисты разбрасывали и топтали гравюры, а также, по словам куратора выставки, собирались разрушить все экспонаты на площади примерно в 3 тыс. кв. м. Данную акцию возглавлял в Москве околоправославный деятель Дмитрий Энтео. Организация Энтео привлекла внимание общественности еще в марте 2013 года, когда участники «Божьей воли» проникли в офис политической партии ЯБЛОКО в Москве, взяли всю находящуюся в свободном доступе литературу, изданную партией, и сожгли ее у вестибюля станции «Новокузнецкая». Помимо этого, активисты «Божьей воли» провели акцию в Государственном Дарвиновском музее в Москве. В залах музея они цитировали строки из библейской книги Бытие «В начале сотворил Бог небо и землю», распространяли листовки с утверждениями относительно того, что дарвинизм является антинаучной теорией. Кроме того, активистами движения велась раздача маек с надписями «Православие или смерть». При этом ничего не было слышно об акциях «Божьей воли» в помощь бездомным, нуждающимся, миссионерам [8].

Не менее ярким, но куда более ужасающим примером служат многочисленные террористические акты некоторых агрессивных представителей мусульманской религии против иноверцев. Причём «иноверцами» нередко объявляются представители мусульманской религии с отличающимся толкованием священных писаний.

На сегодняшний день противостояние религий в Российской Федерации есть и является серьёзной проблемой, решить которую можно лишь совместными усилиями, путём постоянного диалога, проведением межконфессиональных дискуссий, на которых должны обсуждаться различные точки зрения. Мирное обсуждение наболевших вопросов, разногласий даёт возможность урегулировать большинство конфликтов.

История учит, что нельзя достичь целей, положенных в основе религиозного конфликта, положившись лишь на силовые средства. Однако именно этот метод урегулирования конфликтов наиболее часто используется во всём мире и не всегда является эффективным средством решения подобной проблемы.

В то же время пережитый опыт дает и другие пути их решения, например, преобразование возникших «конфликтов ценностей» в «конфликты интересов», – т.е. отфильтровывание главных причин конфликта. Но в случае «чистых» конфликтов на религиозной основе требуется длительный процесс формирования новой ценностно-религиозной терпимости и готовности к диалогу.

Практика показывает, что основными предпосылками и одновременно условиями урегулирования конфессиональных конфликтов являются:

1) дееспособность и эффективность государственной власти, что при данной проблеме определяется не тем, насколько демократичен политический режим, а тем, способно ли оно повысить уровень гражданской правоответственности. Помимо этого, непрерывно должно улучшаться социально-экономическое положение всех втянутых в конфликт религиозных общностей, независимо от их принадлежности к какой-либо стороне конфликта.

2) отказ, предварительно согласованный между сторонами конфликта, от любых государственно-дипломатических, военных, политических или информационных вмешательств в конфликт.

Такое сочетание помогает удовлетворить большинство интересов внешних и внутренних субъектов религиозного конфликта, а за этим следует стабилизация ситуации и укрепление структуры безопасности в регионе, а также повышение уровня конфессиональной толерантности.

Очень важно помнить что, такой подход к проблеме урегулирования конфессиональных конфликтов предполагает наличие доброй воли и высокий уровень ответственности всех участвующих в конфликте сторон.

Для сокращения количества конфликтов необходимо уважать права народов и религиозных общин в самостоятельном выборе как им жить. До сих пор остается открытым вопрос: религия – это «частное дело» каждого отдельного человека, или один из «кирпичиков» в «доме» общественного устройства. Более того, по мнению большинства конфликтологов, стоит стремиться к большей гибкости международного права и универсальных политических решений.

Следовательно, именно подобные гибкость и терпимость позволят избежать нарастания напряженности, связанной с религиозными чувствами и убеждениями.

Список использованной литературы

1. Моска Г. Правящий класс / Пер. с англ. и примеч. Т.Н. Самсоновой // Социологические исследования. 1994. № 12.
2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)
3. Сырых В. М. Теория государства и права. М., 2004.
4. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» постатейный. М., 2011.
5. Религия в России [Электронный ресурс] // Режим доступа [http://www.gpedia.com/ru/gpedia: Религия_в_России](http://www.gpedia.com/ru/gpedia:Религия_в_России)

6. Сколько православных в России? // Православие и мир. [Электронный ресурс] // Режим доступа <http://www.pravmir.ru/skolko-pravoslavnykh-v-ros...>

7. Гаджиев К. С. Политология. М., 2003.

8. Энтео со сторонниками проверяют выставку в Манеже на богохульство, 16 августа 2015. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://life.ru/159393>.

Роман Сергеевич Каленик

Преподаватель кафедры тактико-специальной,
огневой и физической подготовки ВФ ДВЮИ МВД России,
г. Владивосток

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ И ФАКТОРАХ, ОКАЗЫВАЮЩИХ НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

В данной статье рассмотрены проблемы профессиональной заболеваемости и факторов, негативно влияющие на профессиональное долголетие профессорско-преподавательского состава образовательных организаций МВД России. Выделены наиболее распространенные факторы риска, оказывающие влияние практически на все системы организма педагогических работников, а также предложены пути решения данной проблемы, которая обусловлена не только объективными особенностями профессиональной деятельности, но и отношением к своему здоровью самих преподавателей.

Ключевые слова: профессорско-преподавательский состав, профессиональное долголетие, профессиональные риски, профессиональное здоровье, заболевания, эмоциональное выгорание.

В настоящее время жесткие требования предъявляются к личностным качествам профессорско-преподавательского состава (ППС) образовательных организаций МВД России. Данная категория помимо того, что являются преподавателями, они еще являются и сотрудниками полиции, которые одновременно совмещают прохождение службы с преподавательской деятельностью, а следовательно, на их плечи ложится двойная нагрузка для выполнения своих функциональных обязанностей.

Согласно некоторым исследованиям, показатели психического и физического здоровья преподавателей, как профессиональной группы значительно снижены и это снижение прямо пропорционально увеличению стажа работы преподавателя[5]. По своему положению ППС является не только источником или носителем специальных знаний, умений и навыков, но и примером того поведения и отношения к здоровью, к которому должен стремиться каждый курсант или слушатель. Качество преподавания во многом зависит не только от профессионализма ППС, но и от его внутреннего состояния – от физического, психического и социального здоровья. Категория «профессиональное долголетие» в целом понимается как результат сохранения профессионального здоровья, которое в свою очередь является основным ресурсом и условием профессионального развития. Как было уже сказано, деятельность ППС образовательных организаций МВД России, отличаются от работы сотрудников полиции, в задачи которых входит охрана общественного порядка, раскрытие преступлений и др., тем, что им приходится одновременно заниматься еще и научно-педагогической деятельностью. Также еще более она отличается и от преподавателей гражданских учебных заведений в худшую сторону, в силу особенностей специфики работы в силовой структуре. В силу того, что ППС образовательных организации МВД России имеет множество отличий от других вышеназванных профессиональных категорий, что характеризует данную категорию, как категорию имеющую повышенные профессиональные риски, что в свою очередь требует особой заботы, а следовательно особого подхода. Требования, предъявляемые к ППС, не могут быть выполнимы, если в учеб-

ном заведении не будут созданы благоприятные условия для решения задач, поставленных перед ним.

Профессиональное здоровье педагога – основа эффективной работы профессиональной образовательной организации, актуальность и значимость которой отмечают многие ученые. А.Г. Маклакова профессиональное здоровье рассматривает как определенный уровень характеристик здоровья специалиста, что отвечает требованиям профессиональной деятельности и обеспечивает ее высокую эффективность [2].

В определении, предложенном В.А. Пономаренко, профессиональное здоровье рассматривается как свойство организма сохранять необходимые компенсаторные и защитные механизмы, обеспечивающие профессиональную надежность и работоспособность во всех условиях профессиональной деятельности [3].

Нами было проведено исследование целью, которого являлось определение наиболее распространенных заболеваний ППС факультета профессиональной подготовки Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России их структуры и возможных причин.

По результатам исследования было установлено, что первое место по обращению ППС к врачам занимает гипертоническая болезнь – самое распространенное заболевание сердечно-сосудистой системы, которое сопровождается повышением давления в артериях. Причин возникновения данной болезни, конечно же, может быть множество, но учитывая специфику работы ППС основной причиной мы считаем нервные стрессы, высокое психоэмоциональное напряжение, индивидуальные психофизиологические свойства. Все эти процессы возникают вследствие таких причин как ненормированный режим работы, неадекватной оценки труда преподавателя, необходимость постоянного самообразования, повышать свою квалификацию, учебой в адъюнктуре. Около 20 % преподавателей берет работу на дом, так как не хватает рабочего времени в силу физических возможностей и внеплановых форс мажорных обстоятельств, таких как: незамедлительное прибытие на работу по тревоги, предоставление отчетной документации

при проведении плановых и внеплановых проверок, сдача зачетов по физической и огневой подготовке при которых более 50 % испытывают сильное перенапряжение и волнение и ряда других причин.

Второе место занимает болезни органов дыхания. В первую очередь это острые респираторно-вирусные заболевания и это вполне объяснимо ведь преподаватели взаимодействуют с огромным количеством обучающихся, среди которых имеются курсанты (слушатели) находящиеся в болезненном состоянии, что в свою очередь повышает риск заражения; потеря голоса – причиной, которой является огромное количество межличностных отношений, что накладывает огромную нагрузку на речевой аппарат.

Третье место занимают остеохондрозы – заболевание позвоночника, характерной особенностью которого является дегенеративно-дистрофическое поражение межпозвоночных дисков, а затем и самих тканей позвонков. Главными признаками данной болезни, с которыми сотрудники ППС обращаются за помощью к врачу является боль в шее или спине. Главными факторами, которые приводят к развитию остеохондроза по нашему мнению являются: избыточный вес, малоподвижный образ жизни, нервное перенапряжение, стрессовые ситуации.

Не смотря на то, что сотрудники ППС один раз в неделю согласно приказа МВД России от 01.07.2017 № 450 – «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» занимаются физической подготовкой, одной из задач которой является поддержание и укрепление здоровья, сохранение продуктивного уровня общей работоспособности и повышение устойчивости организма к воздействию неблагоприятных факторов служебной деятельности, около 30% сотрудников ППС имеют избыточный вес [4]. Последствия избыточного веса накладывают отпечаток на нарушение практически всех систем организма: повышают вероятность инсульта, коронарной недостаточности, повышается давление, затрудняет работу органов дыхания и др.

Четвертое место занимают болезни желудочно-кишечного тракта – это широко распространенная группа заболеваний, которая включает патологию пищеварительного аппарата от полости рта,

глотки и пищевода до анального сфинктера. Основными признаками данной болезни у сотрудников ППС являются: боли в животе, отрыжка, изжога.

В ходе наблюдений и проведенных бесед с сотрудниками ППС на наш взгляд основными причинами данной болезни является отсутствие режима питания, несбалансированное питание, огромное количество вредных веществ в пище. Данные факторы имеют место быть по причине отсутствия возможности приема полноценно питания, около 30 % питаются на работе мелкими перекусами большую часть из которых составляют сладости, более 50 % сотрудников вынуждены подстраиваться под расписание учебных занятий для того, чтобы иметь возможность приема пищи, 5 % сотрудников не принимают пищу во время работы, так как у них на это не хватает времени.

Не многие исследователи указывают на некоторые различия в структуре и уровне

заболеваемости педагогических работников, обучая различным дисциплинам. Так, по данным С.Г. Ахмеровой наиболее высокий уровень заболеваемости зафиксирован среди преподавателей общественных дисциплин и иностранных языков. Невротические изменения в большей степени проявлены у преподавателей русского языка, в меньшей степени – у преподавателей физической подготовки [1]. Что касается ППС образовательных организаций МВД России, то действительно преподаватели иностранных и русских языков в большей степени чувствуют раздражительность, ухудшение сна, а также чувство тревоги и страха.

Анализируя структуру заболеваний и причины их возникновения можно сказать, что в деятельности ППС присутствует огромное множество факторов, способствующих разрушению здоровья, но на наш взгляд ведущим фактором риска, оказывающим негативное влияние практически на все системы организма преподавателя, является высокое психоэмоциональное напряжение, стрессы, интенсификация образовательного процесса. Для преподавателей как профессиональной категории характерен синдром «эмоционального выгорания», под которым понимается состояние выраженного эмоционального и ум-

ственного истощения, *на фоне хронического стресса, который в большинстве случаев вызван работой.*

Эмоциональное выгорание приводит к развитию различного вида негативных психологических проявлений, негативно отражающихся на выполнении профессиональных обязанностей преподавателей. Такие проявления «выгорания» как состояние безразличия, сложности в приспособлении к неожиданно изменившимся условиям окружающей среды, сведения к минимуму собственных достижений, развиваясь даже у отдельных преподавателей, способны негативно воздействовать на работу всего педагогического коллектива.

На наш взгляд проблема низкого уровня здоровья ППС обусловлена не только объективными особенностями профессиональной деятельности, но и как показывают многочисленные исследования отношением к своему здоровью самих преподавателей, отсутствием элементарных знаний о факторах риска и основных способах профилактики, профессиональных заболеваний, а самое главное в силу различного рода причин не желанием вникать в проблемы связанные с собственным здоровьем. Во всех образовательных организациях МВД России существуют спортзалы, которые посещают не более 20 % личного состава ППС, существуют комнаты психологической разгрузки, которые посещают не более 5 % от общего количества ППС.

Единственное направление в оздоровлении собственного организма, которое пользуется большим спросом у сотрудников ППС – это санаторно-курортное лечение, но и здесь можно сказать, что данный вид оздоровления используют сотрудники ППС возраст которых старше 35 лет и как показывают результаты анкетирования, основная цель вовсе не оздоровление организма под контролем специалистов - врачей, а возможность бесплатного выезда за пределы своего региона с целью смены окружающей обстановки, на время забыть про рабочую суету.

Основными аспектами проблемы решения обеспечения профессионального долголетия ППС образовательных организаций МВД России являются:

1) личностное профессиональное совершенствование и успешная адаптация к условиям образовательной среды (акмеологический аспект). Преподаватель обязан постоянно наращивать свой личностный потенциал профессионального развития, эволюционировать, духовно насыщаться, что является выражением его профессионального долголетия;

2) здоровье сбережение как процесс, ориентированный на психологическую саморегуляцию, нравственное самосовершенствование личности, развитие ее здоровье сберегающего потенциала, т.е. сохранение здоровья в его широком понимании (валеологический аспект). Прежде всего, речь идет о выборе преподавателем правильной позиции по отношению к своему здоровью, ознакомлении с профессиональными факторами риска для здоровья, внедрении здоровьесберегающих технологий, формировании в рамках образовательной организации здоровьесберегающей среды.

3) личностная культура здорового образа жизни, основанная на системе внутренних ценностей валеологического характера (культурно-ценностный аспект), представляющая собой духовную основу, внутреннюю потребность, побуждающую педагога к выбору здоровьесберегающей модели поведения (лично-деятельностный аспект).

4) формирование у педагогов системы компетенций здоровьесбережения, т.е. создание на основе личностных эмоционально-ценностных ориентаций, знаний, умений, навыков валеологического характера новых профессионально значимых качеств.

Список использованной литературы

1. Вишневский В.А. Теория и технология построения внутришкольной системы оздоровления в специфических условиях природной и социальной среды. – Сургут: СурГУ, 2005. 224 с.

2. Маклакова А.Г. Основы психологического обеспечения профессионального здоровья военнослужащих: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.03. СПб., 1996. 37 с.

3. Пономаренко В.А. Психология жизни и труда летчика. М.: Воениздат, 1992.- 224 с.

4. Приказ МВД России от 1 июля 2017 г. № 450 “Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации”.

5. Состояние здоровья учителей по результатам самооценки и дополнительной диспансеризации / Е.Н. Илькаева, Р.М. Такаев, Е.Г. Степанов, Р.М. Фасиков, Г.С. Степанова // Здоровье населения и среда обитания. 2009. № 1. С. 25–28.

Анастасия Эдуардовна Ким

курсант 2 курса

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России, г. Владивосток

Научный руководитель – Шабельникова Наталья Алексеевна
профессор кафедры гуманитарных дисциплин, д.и.н., профессор

УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА (СТ. 106 УК РФ) : УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И ЭТИКО-СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Статья посвящена изучению такого вида преступления, как убийство матерью новорожденного ребенка. Дана квалификация ст. 106 УК РФ. Проанализированы причины совершения такого преступления, как убийство матерью новорожденного ребёнка.

Ключевые слова: женская преступность, мать, новорожденный ребенок, убийство матерью новорожденного ребенка, смерть, Уголовный Кодекс.

Женская преступность в наше время привлекает все большее внимание ученых, практических работников, а также общественность. Криминальная агрессия женщин – показатель социальных и личностных проблем современной женщины в целом, форма ее реагирования

на изменения, которые происходят в семье, на работе и даже стране. Нереализованность, безработица, низкий уровень жизни и падение интереса к семейным ценностям приводят к тому, что женщины уходят на криминальный путь, пытаясь добыть средства к существованию или средства для поддержания достойного уровня жизни не только для себя, но своих детей, при этом совершая жестокие и насильственные действия.

Наиболее жестоким, особенно с морально-этической точки зрения, является убийство матерью новорожденного ребенка. Это преступление можно считать одной из самых распространенных и актуальных в современном обществе проблем.

Основные причины убийств новорожденных в настоящее время связаны с такими действиями:

- активное участие женщин в общественном производстве,
- ослабление основных социальных институтов, в первую очередь семьи,
- напряжённость в обществе,
- враждебность окружающих,
- наркомания, алкоголизм, проституция, бродяжничества среди женщин.

В уголовном кодексе Российской Федерации убийство матерью новорожденного ребенка предусмотрено статьей 106 УК. Субъектом преступления является мать новорожденного ребенка, достигшая к моменту совершения преступления 16-летнего возраста. Она и есть специальный субъект. Объектом преступления является жизнь новорожденного ребенка. Субъективная сторона преступления – вина в форме прямого или косвенного умысла. Объективная сторона преступления – это причинение смерти новорожденному ребенку во время или сразу же после родов в течение одних суток – смягчающее обстоятельство здесь особое состояние женщины после родов.

Следующий вариант – убийство новорожденного в условиях психотравмирующей ситуации, то есть, когда имеются жизненные сложности, справиться с которыми, по мнению матери, в тот момент невозможно, а другого выхода она не видит. В данной ситуации важнейшее значение

будет иметь временной промежуток времени с того момента, когда плод появился на свет и до того момента, когда мать совершила преступление. Речь идет о часах, но может доходить и до суток, здесь каждый из случаев индивидуальный, и также возможно назначение психиатрической экспертизы, что в свою очередь может сыграть огромную роль.

Рассматриваемая проблема – глобальная проблема всемирного характера. Противодействуют ей в каждой стране по-разному, с разными юридическими подходами, средствами и методами. Во Франции в 2014 году жертвами стали 211 новорожденных, причинами таких преступлений, в основном, стало нежелание будущих матерей воспитывать своего ребенка.

Официальная статистика не отражает целой картины преступлений, так как убийство матерью новорожденного ребенка является противоправным деянием с высокой степенью скрытости. В Российской Федерации статистика по данным преступлениям такова:

Так, по данным МВД России, в 2001 году было зафиксировано – 203 преступления, в 2002 – 204, в 2003 – 195, в 2004 – 212, в 2005 – 219, в 2006 – 172, в 2007 – 148, в 2008 – 149, в 2009 – 162, в 2010 – 185, в 2011 – 138, в 2012 и 2013 по 132 случая, в 2014 – 144, за первое полугодие 2015 – зафиксировано 81 случай

Из вышеуказанных данных видно, что в нашей стране не все так хорошо как хотелось бы, и можно сказать о том, что статистика должна заставить задуматься наших законодателей как исправить эту ситуацию в стране.

В России государственные мероприятия по защите прав ребенка в соответствии с требованиями Конвенции о правах ребенка осуществляются, как правило, на основе специальных нормативных правовых актов. Такое пристальное внимание государства к обеспечению прав ребенка, стремление к их максимальной защите, на наш взгляд, требует от законодателя и правоприменителя гибкости в вопросах регламентации и привлечения к ответственности за преступления, посягающие на права ребенка в данном случае право на жизнь, на существование. И если встает вопрос о том, какие меры нужно принять для предупреждения данного преступления, то на мой взгляд, самые жесткие, только су-

ровое наказание, может повлиять на людей, у которых в сознании появляются такие мысли в отношении своих будущих детей. Ведь стоит только представить каким общественно – опасным способом матеря убивают своих новорожденных детей – сразу возникает вопрос: «Можно ли эту мать вообще называть человеком?».

Приведу примеры случаев последних лет:

– в Тамбове в 2013 году двое студентов медицинского института на берегу реки Цна нашли свернутый в целлофане кулек, в котором, как оказалось, находился младенец, по данным следствия мать родила его во вне медицинского учреждения, после чего сразу же решила избавиться от ребенка;

– в Свердловской области мать сразу же после родов, у себя дома положила своего новорожденного дитя в целлофановый пакет, после чего подвесила на веревку за балкон на улице и оставила на всю ночь на морозе;

– уроженка города Княгинино Новгородской области убила своего дитя, зверски задушив его, после чего тело новорожденного младенца бросила в мусорный контейнер возле своего дома.

Таких случаев очень много, кто-то оставляет на улице в беспомощном состоянии, кто-то перекрывает доступ кислорода или просто избивает новорожденного после чего избавляясь от следов совершившего преступления и без всякого сожаления о содеянном продолжая жить дальше.

Сравнительная распространенность такого преступления среди подростков 14–15-летнего возраста, а также тот факт, что уже в этом возрасте несовершеннолетние детоубийцы вполне способны осознавать социально–правовую значимость убийства вообще, и детоубийства в частности, позволяют прийти к выводу о необходимости установить уголовную ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка с 14-летнего возраста.

Итак, для предупреждения совершения данного вида преступления необходима профилактика на федеральном, региональном, муниципальном уровнях. Возможно, необходимо развитие программ поддержки молодых семей, помощь матерям одиночкам.

Список использованной литературы

1. Лопашенко, Н.А. Убийства / Н.А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2013. С. 157-183.
2. Ответственность за убийство матерью новорождённого ребёнка в зарубежном уголовном законодательстве [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://shikardos.ru/text/problemi-otvetstvennosti-za-ubijstvo-matereyu-novorozhdennogo-r/page-2> (Дата обращения: 10.09.2017).
3. Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://limited.petrovka38.ru> – (Дата обращения : 09.09.2017).
4. Приказ Минздрава Российской Федерации от 4 декабря 1992 года № 318 «Инструкция об определении критериев живорождения, мертворождения, перинатального периода». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.omsk-omsa.ru/chairs/akush2/nauka/method/obuch/318-1p.htm#01> – (Дата обращения: 10.09.2017)
5. Уголовный кодекс Российской Федерации. Официальный текст : текст кодекса приводится по состоянию на 5 октября 2017 г. М.: Омега, 2017. 193 с.

Юлия Юрьевна Ковалёва

аспирант 3 курса

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
майор юстиции начальник отделения следственного отдела
межмуниципального отдела МВД России «Благовещенский»

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

В представленной статье рассмотрена история возникновения экономических преступлений и их эволюция в период с XV в. по настоящее время, а также история образования органов, специализирующихся на борьбе с экономической преступностью.

Ключевые слова: экономическая преступность, органы по борьбе с экономической преступностью, коррупция.

На фоне бурно развивающейся экономики наблюдается интерес к изучению экономической преступности в современной России. Перелистывая страницы отечественной истории, свидетельствующие об исторических корнях и специфике преступлений в экономической сфере, об эволюции российского законодательства, направленного на борьбу с фальшивомонетничеством, казнокрадством, взяточничеством, нельзя не признать, что интерес к экономическим преступлениям и выделение этих преступлений в особую группу зародился в далёком прошлом.

Первые упоминания об экономических преступлениях представлены в Псковской ссудной грамоте, относящейся к XIV веку. В Псковской ссудной грамоте говорится о строгом запрете на «тайный посул» – взятку, частное вознаграждение судьям [2, с. 16].

В первом общерусском правовом своде – Судебнике 1497 г. эпохи правления Великого князя московского Ивана III – впервые выделяется такая категория преступлений, как государственные преступления, к которым относился «посул» – взятка. По ряду статей запрещалось брать «посулы» боярам, окольниковым, дьякам, судьям и приставам, наместникам, волостелям, их тиунам и сборщикам пошлин, хотя Судебник не устанавливал ещё наказание за получение взятки [2, с. 16].

Иван IV, осознававший, что лихоимство (лихоное дело – преступление) непременно приводит к экономической неэффективности, стал применять наказание за взятки в виде смертной казни. В годы правления Ивана IV был создан и принят Судебник 1550 года. К должностным преступлениям в Судебнике относилось взяточничество. Судебник запрещал брать «посулы» (взятки) боярам, окольниковым, дьякам, судьям и приставам, их тиунам и сборщикам пошлин. При подделывании дьяком дела и получении подтверждения об этом на него налагался штраф, и он должен был быть боярином посажен в тюрьму. При подделке документов подьячим за взятку его следовало наказать торговой казнью и бить кнутом. Судебник для борьбы со взяточничеством предусматривал такие

меры как конфискация всей суммы взятки. Более того, дополнением к наказанию за мздоимство могло быть и что – либо персональное от Ивана IV: «на что государь укажет». Из этого следует, что дела данной категории были подотчётны самому царю и именно он непосредственно сам решал судьбу мздоимца, если таковым являлся судья, обязанный быть совершенно честным, зачастую Иван IV назначал в виде наказания смертную казнь [2, с. 18].

После воцарения на русском троне в 1645 году Алексея Михайловича Романова, вскоре в 1649 году было составлено и издано Соборное уложение. В данном нормативно-правовом акте впервые законы квалифицировались по отраслям права. Интересно, что после государственных преступлений, а также преступлений против церкви, важное место в этом документе уделялось наказаниям за должностные преступления – лихоимство и взяточничество. Тайное содержание притонов, незаконная продажа имущества, получение незаконных пошлин наказывались крайне строго. Налагался категорический запрет на торговлю вином не на крупных дворах, жестокое наказание предусматривалось за продажу табака. За изготовление фальшивых печатей и грамот и, особенно, за фальшивомонетничество закон карал виновных чрезвычайно сурово.

С именем Петра I связывают «рождение» русской полиции. Традиционной задачей полиции в петровские времена была борьба с мошенничеством в разных сферах. Например, с незаконным производством спиртных напитков и «нездорового харча». Во времена правления Петра Великого пресечению экономических преступлений уделялось большое внимание. Серьёзно наказывали за подлог, кормчество, злоупотребление службой, расточительство. За получение взятки полагалось жестокое телесное наказание, лишение имени, удаление из общества, смертная казнь [2, с. 22].

В период правления Екатерины II борьба со взяточничеством и коррупцией продолжалась. Екатериной II был принят Указ «Об удержании судей и чиновников от лихоимства». Екатерина II предложила свою квалификацию преступлений. Преступлениями в сфере экономики считались: кража, мошенничество, грабёж, разбой, при-

своеение находки, повреждение имущества. К особо тяжким относились повторные кражи и мародёрство [2, ст. 23].

С принятием в 1845 году «Уложения о наказаниях уголовных и исполнительных» было значительно изменено и дополнено законодательство об ответственности за получение взятки и иные формы коррупционных проявлений среди чиновничества. Уложение предусматривало две формы взяток – как благодарность и как подкуп. Наказанием за незаконное получение вознаграждение, связанного с нарушением служебных обязанностей являлось сечение розгами (70-80 ударов) или лишение свободы (1-3 года).

Уголовное право в XIX в. не имело карательного характера в торговле. Но открытие торгово-промышленного общества без соблюдения законов каралось строго, арестом или штрафом. Виновный в подделке товарного знака заключался в тюрьму на 6 месяцев.

Ещё одним видом экономических преступлений, обозначивших себя в XIX в. и актуальным по сей день, явились преступления связанные с добычей золота, первые сведения о наличии которого в русских землях, стали поступать в Москву еще в период правления Ивана III. До 1812 года в Российской империи действовала монополия на поиск и добычу драгоценных металлов. Позже указом Сената было разрешено всем подданным добывать золотые и серебряные руды «с платежом в казну подати», что явилось причиной возникновения преступлений в сфере золотодобычи.

Таким образом, очевидно, что все те виды экономических преступлений, которые представлены современным уголовным кодексом: дача взятки; изготовление или сбыт поддельных денег; незаконное использование товарного знака; производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции, подделка документов, незаконный оборот драгоценных металлов, зародились в далёком прошлом, они видоизменились в современности, но уже тогда преследовались законом и попадали в сферу особого внимания правителей.

Дальнейший рост и развитие экономики страны, сопровождался рождением новых видами преступлений в сфере экономики, а их

рост, а также особая специфика и сложность в раскрытии и расследовании преступлений экономической направленности, дали понимания необходимости уделения повышенного внимания экономической преступности, разработке особенного подхода к пресечению данного вида преступлений.

10 ноября 1917 года по уполномочию Совета народных комиссаров НКВД издал постановление «О рабочей милиции», ставшее правовой основой организации милиции. Уже 11 декабря 1917 года ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия приняла на себя функцию борьбы со спекуляцией, а в январе 1918 г. в ВЧК был образован спецотдел для борьбы с преступлениями по должности банковских работников [2, с. 52].

В 1920-е годы работу по выявлению и раскрытию хищений, растрат, фальшивомонетничества, хозяйственных и должностных преступлений проводили аппараты уголовного розыска, для чего из их состава выделялись специальные подразделения. Кроме того, в марте 1920 года в составе Главного управления милиции НКВД РСФСР был образован отдел промышленной милиции, в функции которой входило осуществление охраны объектов народного хозяйства и борьба с кражами и мелкими хищениями социалистического имущества – это были первые предвестники образования специализированного подразделения по пресечению экономической преступности.

В 1921 году с преобразованием органов ВЧК в Главное политическое управление в его составе создаётся экономическое управление, осуществляющее борьбу с крупными хищениями и взяточничеством [2, с. 60].

Поиск новых форм борьбы с экономической преступностью приводил к решению о создании специализированных подразделений. Учитывая, что в 1930 гг. преступления в сфере экономики чаще стали совершаться организованными преступными группами, часто действующими в условиях строгой конспирации, а так же то, что раскрытие и расследование преступлений в сфере экономики предполагает особые познания и навыки, приказом НКВД СССР от 16 марта 1937 г. в составе Главного управления рабоче-крестьянской милиции

был образован Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляции – ОБХСС. В обязанности подразделения ОБХСС входила борьба с хищениями социалистической собственности, спекуляцией, фальшивомонетничеством, вредительством в торговых, кооперативных, заготовительных организациях. Аппараты ОБХСС представляли собой новый род милицейской службы и быстро доказали необходимость и преимущество специализации в борьбе с экономической преступностью [1, с. 9].

В дальнейшем данная служба с учетом времени претерпела некоторые изменения, которые выразились также в её переименовании: в январе 1991 года служба БХСС МВД РСФСР была переименована в подразделение по борьбе с преступностью в сфере экономики службы криминальной милиции (БЭП СКМ МВД РСФСР). Приказом МВД РФ № 35 от 10 февраля 1992 г. Бюро по преступности в экономике криминальной милиции МВД СССР и БЭП МВД РСФСР были слиты. Новое подразделение МВД получило наименование «Главное управление по экономическим преступлениям МВД России (ГУЭП МВД России). С 1997 года служба носит наименование «Главное управление по борьбе с экономическими преступлениями МВД России. (ГУБЭП МВД России). С 1 марта 2011 года вступил в силу Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3 –ФЗ «О полиции».

С 2011 года ГУЭБ МВД России было поручено проводить работу по борьбе с коррупцией. Изменилось название ГУЭБ на ГУЭБ и ПК (противодействие коррупции). В контексте антикоррупционных мер задача по борьбе с системной коррупцией стала одним из приоритетных направлений работы Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции наряду с защитой бюджетных средств от преступных посягательств, снижением доли теневой экономики и декриминализацией жилищно-коммунального хозяйства, топливно-энергетического и оборонно-промышленного комплексов.

На протяжении веков менялись виды экономических преступлений, менялось название служб, призванных бороться с экономической преступностью, постоянно меняется обстановка, в которой приходится работать сотрудникам данных служб, так как экономические

преступления, это преступления особой категории, совершаемые лицами зачастую высокообразованными, обладающими специальными знаниями и навыками, а также техническими возможностями для совершения «своих» преступлений. Число способов воплощения криминальных замыслов в реальность постоянно увеличивается и совершенствуется, от простого обмана, выразившегося когда-то в банальном обвешивании покупателей, до схем мошенничества, разрабатываемых преступниками в настоящее время (мошенничества в сфере кредитования, мошенничества в сфере страхования, мошенничества в сфере хранения и переработки компьютерной информации) заставляющих ломать головы не один десяток учёных мужей. Все это выделяет экономические преступления в отдельную группу, требующую особого повышенного внимания правительства страны, направленного на финансирование, сильное материально-техническое обеспечение ГУБЭП и ПК, обучение сотрудников, несущих службу в данном подразделении, чтобы последние могли дать достойный отпор высокоинтеллектуальным преступникам и с честью охранять экономическую безопасность страны.

Список использованной литературы

1. Кудрявцев С.М. Служба БХСС – БЭП УВД Амурской области: от поколения к поколению. Благовещенск: Типография непосредственно подчинённая УВД Амурской области, 2007.
2. Курносенко А.А. На страже экономических интересов государства ОБХСС ГУРКМ НКВД СССР – ГУЭБиПК МВД России. Акционерное общество «Издательство «Просвещение» Москва 2017.
3. Сахаров А.Н. История России с древнейших времен до XX в. Москва: АСТ, 1996.

Ольга Владимировна Ковальчук
старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной
и административной деятельности
Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России, г. Владивосток

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ КАК ПРИЗНАКА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

В статье исследуются различные точки зрения на суть признака административного правонарушения «общественная опасность». Автор обосновывается позиция официального признания признака общественной опасности в любом административном правонарушении, в том числе в области дорожного движения.

Ключевые слова: административное правонарушение, безопасность, вред, дорожно-транспортное происшествие, общественная опасность, правила дорожного движения, признак.

Мнения о первостепенной значимости общественной опасности среди других признаков правонарушения придерживается целый ряд ученых-правоведов [2, с. 84; 7, с. 92; 13, с. 64].

Правильность их точки зрения подтверждается результатами анализа уголовного законодательства. В ст. 14 УК РФ закреплено понятие преступления – это виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания. Из которого вытекает, что преступлением являются не все общественно опасные деяния, а только их определенная часть. Следовательно, имеется еще другой вид общественно опасных деяний, а именно административные правонарушения.

Если бы такие правонарушения не представляли опасности для личности, общества, государства, то за их совершение не надо было бы устанавливать юридическую ответственность, а также создавать

органы исполнительной власти, специально предназначенные для борьбы с ними.

По мнению Л.В. Коваля, отделять от административного правонарушения такой его признак как «общественная опасность» нельзя, поскольку данная категория не является исключительно уголовно-правовой. Объем данного понятия позволяет включать в него и понятие «общественная вредность» [4, с. 24; 8, с. 17].

Вместе с тем вопрос о том, опасно или вредно административное правонарушение, либо вообще не является ни тем, ни другим, все еще остается неразрешенным.

В.П. Лозбяков отмечает, что основное подтверждение наличия или отсутствия общественной опасности, вредности административного правонарушения дают результаты сравнительного анализа составов преступления и смежного с ним административного правонарушения [5, с. 18].

В качестве примера можно привести причинение вреда здоровью граждан умышленно (ст. 112 УК РФ) или по неосторожности (ч. 2 ст. 12.24. КоАП РФ). Наиболее часто применяемым критерием разграничения преступления и административного правонарушения является размер причиненного деянием ущерба. Так, выбор между ст. 12.24. КоАП РФ или ст. 264 УК РФ проводится по тяжести причинения вреда здоровью потерпевшего водителем транспортного средства, виновным в дорожно-транспортном происшествии. Таким образом, точка зрения на то, что определенные административные правонарушения отличаются от преступлений лишь меньшей степенью общественной опасности, является бесспорной. Однако не стоит забывать, что большая часть административных правонарушений, включенных в главу 12 КоАП РФ, с преступлениями напрямую не связана.

Таким образом, традиционный подход к определению возможности наличия негативности административного правонарушения для общества дает возможность сделать вывод об обоснованности существования двух противоположных точек зрения по данному вопросу. Согласно одной из них признак общественной опасности административного правонарушения среди других его признаков присут-

ствует, а в соответствии с другим мнением – нет. При этом сторонники как одной, так и другой точки зрения в обоснование своей позиции предъявляют логически совершенные правовые и научные положения [1, с. 524; 11, с. 62-80].

Объяснить отсутствие в законодательном определении административного правонарушения, как понятия общественной опасности, так и понятия общественной вредности, можно двумя факторами.

Суть первого фактора состоит в том, что до сегодняшнего дня ученые – административисты не пришли к единой точке зрения по данному вопросу, поэтому с их стороны нет конкретных предложений в адрес законодателя по изменению или дополнению соответствующей статьи КоАП РФ. Специалисты – практики также воздерживаются официально обращаться с таким предложением в законодательный орган. Брать же на себя инициативу по введению того или другого понятия в текст ст. 2.1. КоАП РФ современный законодатель не считает необходимым, поскольку ни в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях (ст. 7), ни в КоАП РСФСР (ст. 10), названный признак отражен не был.

Сущность второго фактора заключается в том, что основная задача КоАП РФ – это защита соответствующих общественных отношений, но никак не безусловное разграничение неправомерных деяний на преступления и административные проступки.

На общественную опасность административного правонарушения в области дорожного движения законодатель указывает также посредством установления мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях (например, отстранение от управления транспортным средством, задержание транспортного средства и другие).

Следует сказать, что специалисты в сфере уголовного права вопрос о наличии общественной опасности в административном правонарушении давно закрыли. Наука уголовного права разделяет смежные составы противоправных деяний именно по степени общественной опасности, где большую опасность имеют преступления, а мень-

шую – представляют собой административные правонарушения. Меньшую, но все-таки опасность!

В этой связи возникает вопрос, как быть с административными правонарушениями, негативные последствия которых видны отчетливо. В качестве примера можно привести нарушение Правил дорожного движения, повлекшее вред здоровью потерпевшего (ст. 12.30 КоАП РФ), блокирование транспортных коммуникаций (ст. 12.33 КоАП РФ).

Из данного общего вопроса возникает ряд вопросов частного характера. Почему общественная опасность увязывается с последствиями деяния, а не тем, что посягает ли оно на жизненно важные отношения или нет? Имеется ли разница между совершением дорожно-транспортного происшествия в состоянии алкогольного или иного опьянения с тяжкими последствиями либо без таковых? Согласиться с тем, что такая разница имеется – это значит признать то, что случайные факторы, по сути, определяют признак общественной опасности.

По нашему мнению, административное правонарушение в области дорожного движения всегда общественно опасно, поскольку для него особо характерным является перерастание случайности в закономерности, приводящей к тяжелым последствиям. Такие последствия неизбежно наступают, так как сила удара автомобиля даже при небольшой скорости движения является чрезвычайно высокой из-за его большой массы. Именно данный фактор обуславливает то, что транспортное средство является средством повышенной опасности.

В этой связи негативный результат административного правонарушения в области дорожного движения может проявляться как в фактическом вреде материального характера, так и в создании реальной угрозы наступления общественно опасных последствий.

Мы согласны с мнением О.Э. Лейста, который по данному вопросу пишет: «Любое правонарушение, даже если оно и не возымело осязательных вредных последствий, приносит вред правопорядку, причиняя урон общественному правосознанию, внося беспорядок в урегулированные правом отношения. Особенно вредны правонарушения, оставшиеся безнаказанными» [12, с. 596.].

В качестве примера можно назвать частое превышение водителем транспортного средства установленной скорости движения. Изначально такая манера вождения автомобиля рассматривается водителем как эпизодичная, а в дальнейшем признается им как нормальная. Другое косвенное указание законодателя на общественную опасность административного правонарушения в области дорожного движения можно усмотреть в статье 1079 ГК РФ «Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих» [3], которая предписывает возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, в том числе связанного с использованием транспортного средства.

Сам законодатель неоднократно использует понятия, которые являются производными от слова «опасность», в частности, «опасность для движения», «опасное вождение» [10].

Таким способом государство указывает, что фактически признает административное правонарушение в области дорожного движения общественно опасным деянием.

Также нельзя не признать общественной опасности административных правонарушений в области дорожного движения, которая наглядно проявляется в статистических данных о погибших и раненых в дорожно-транспортных происшествиях.

Только за 2016 год на территории Приморского края произошло 3017 дорожно-транспортных происшествий, в которых погибло 244 и ранено 3826 человека; Хабаровского края: 1909 – 150 – 2333; Амурской области: 1249 – 100 – 1663; Сахалинской области: 790 – 92 – 1019; Камчатского края: 551-69-729; Магаданской области: 265 – 31 – 351 соответственно случаев ДТП, погибших и раненых [9].

В связи с этим нельзя не поддержать позицию А.Е. Лунева, согласно которой «любой вид юридической ответственности, используемый государством, оправдан в тех случаях, когда противоправное деяние имеет определенную (большую или меньшую) степень общественной опасности. При отсутствии общественной опасности в действии или бездействии человека его не надо ни за что привлекать к ответственности» [6, с. 11].

По нашему мнению, из данных слов А.Е Лунева логично вытекает ответ на вопрос о том, какое практическое значение имеет официальное признание признака общественной опасности в любом административном правонарушении, в том числе в области дорожного движения.

Следует отметить, что согласно данным ГИАЦ МВД России, органами внутренних дел за 2016 год на территории субъектов Российской Федерации, входящих в ДВФО, возбуждено свыше 2140000 млн. дел об административных правонарушениях в области дорожного движения. Такое большое число административных правонарушений создает реальную угрозу безопасности личности и государства, поскольку каждое из них в той или иной мере является общественно опасным деянием.

В этой связи считаем целесообразным закрепление признака общественной опасности административного правонарушения в официальном определении административного правонарушения в области безопасности дорожного движения на федеральном уровне. Реализовать данное предложение можно через введение в него термина «общественная опасность (вредность)».

Список источников и литературы

1. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право: Учебник для вузов. 2-е изд. М., 2005.
2. Васильев Э.А. Общественная опасность – основной критерий отграничения административных правонарушений от преступлений // Государство и право. 2007. № 4.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017 г.) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9027703> (дата обращения: 17.05.2017).
4. Коваль Л.В. Административно-правовое деликтное отношение. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1979.

5. Лозбяков В.П. Криминология и административная юрисдикция милиции. М., 1998.
6. Лунев А.Е. Воспитательное и правоохранительное значение административной ответственности. М., 1983.
7. Медведев А.М. Разграничение преступлений и административных проступков // Советское государство и право. 1990. N 6.
8. Моргун О.И. Административно-правовые средства борьбы с правонарушениями в сфере охраны морских биологических ресурсов: по материалам Дальневосточного региона: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2004.
9. Показатели состояния безопасности дорожного движения по России [Электронный ресурс] // URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 12.05.2017).
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 мая 2016 № 477 «О внесении изменений в Правила дорожного движения Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 06.06.2016, № 23, ст. 3325.
11. Севрюгин В.Е. Теоретические проблемы административного проступка: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994.
12. Теория государства и права. Учебник / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2001.
13. Шишов О.Ф. О разграничении преступлений и административных проступков в советском праве // Советское государство и право. 1991. N 6.

Валерия Андреевна Кулик

курсант 3 курса

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России, г. Владивосток

Научный руководитель – Кулицкая Лидия Ивановна, к.ю.н.,
доцент кафедры оперативно-разыскной и административной
деятельности ВФ ДВЮИ МВД России

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Для современной России актуальной темой является развитие социального предпринимательства. Наиболее острой проблемой, которая мешает развитию данного вида деятельности, является отсутствие должного правового регулирования, которое в свою очередь порождает ряд других проблем. Количество социальных предпринимателей постепенно возрастает, но чтобы число их роста не уменьшалось, их деятельность необходимо урегулировать отдельным законом.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, правовое регулирование, социальная проблема, некоммерческая организация, социальная поддержка.

Социальное предпринимательство – это достаточно новое направление деятельности хозяйствующих субъектов нашей страны, которое отличается тем, что основной целью деятельности таких предпринимателей выступает решение социальных проблем населения, а не извлечение выгоды. Однако, понимая всю необходимость и значимость социального предпринимательства, Россия всё же находится в стадии его становления, поскольку для быстрого и эффективного развития необходима государственная поддержка, а прежде всего поддержка органов законодательной власти [1].

Законодательного закрепления социального предпринимательства в России нет, однако нашей стране оно необходимо, поскольку только законодательный акт может закрепить ответственность, а также

значительный круг прав и обязанностей субъектов малого и среднего предпринимательства в указанной сфере деятельности. На сегодняшний день основным содержательным документом, определяющим подход государства к социальному предпринимательству, является Приказ Минэкономразвития России от 01.07.2014 N 411 «Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2014 году предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации» [2]. Также, хотелось бы отметить, что в 2016 году была принята дорожная карта «по развитию доступа негосударственного сектора к предоставлению услуг в социальной сфере». Она позволяет расширить участие негосударственного сектора экономики в оказании услуг в социальной сфере, способствует созданию условий для повышения качества и доступности таких услуг [3]. Говоря о существующих нормативных правовых актах в России видно, что государство заинтересовано в развитии социального предпринимательства. Однако, почему же в России до сих пор не принят отдельный закон? Возможно, это объясняется тем, что социальное предпринимательство - новая сфера деятельности для нашей страны и нашему государству необходимо время, чтобы принять и осознать все его плюсы.

Несмотря на отсутствие нормативно-правового регулирования социального предпринимательства, значительное влияние и поддержку оказывает на молодых социальных предпринимателей такой крупный фонд, как «Наше будущее». Он является некоммерческой организацией, которая ставит перед собой цель – развитие социального предпринимательства в России. С 2008 года по настоящее время фонд проводит ежегодно всероссийский конкур «Социальный предприниматель», по итогу которого победитель получает финансовую помощь в виде беспроцентных займов. Так, наконец, 2016 года зарегистрировано 173 проекта из 49 регионов страны на сумму около 420 миллионов рублей. По праву можно считать, что с появлением фонда «Наше будущее» началось развитие социального предпринимательства в России [4].

Благодаря фондам, которые поддерживают начинающих социальных предпринимателей можно наблюдать положительный момент в развитии социального предпринимательства в России. С каждым годом количество социальных предпринимателей возрастает и их работа становится заметна, поэтому именно сейчас необходимо принять решительные меры на издание закона о социальном предпринимательстве. Так, с 2013 года начал широко обсуждаться вопрос о разработке и принятии данного закона. Однако только в 2016 году закон о социальном предпринимательстве был вынесен на общественное обсуждение. После общественного обсуждения и последующей критики его пришлось серьезно дорабатывать [5]. Критика, прежде всего, связана с тем, что до сих пор так и не ясно, кто может быть субъектом социального предпринимательства? Если субъектами предпринимательского права выступают зарегистрированные в установленном законом порядке физические лица, коммерческие и некоммерческие организации, государство, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования [6, с. 87], то возникает вопрос, все ли они могут быть субъектами социального предпринимательства? И чем отличается статус социального предпринимателя от статуса субъекта предпринимательского права? Эти вопросы можно решить только с принятием отдельного законодательного акта.

Заместитель министра экономического развития России Олег Фомичев заявил, что Госдума осенью 2017 года может принять закон о социальном предпринимательстве в России [7]. В июле 2017 года Президент России В.В. Путин сообщил, что пакет законов о социальном предпринимательстве должен быть принят в России в осеннюю сессию. Также Президент отметил, что уже подготовлены два законопроекта. В одном определяется понятие «социального предпринимательства», которого до сих пор нет в российском законодательстве, и это является главной проблемой в решении вопроса о необходимости развития социального предпринимательства в нашей стране. Поскольку данная сфера деятельности развивается, а понимание о том, что это за деятельность, и на что она направлена, у многих граждан отсутствует. Во втором законопроекте освещаются вопросы меха-

низма реализации социального предпринимательства. В.В. Путин указал, что закон необходимо срочно принимать, ведь благодаря правовому регулированию социальные предприниматели получают определённые ориентиры и стандарты [8].

Таким образом, говоря о проблеме правового регулирования социального предпринимательства в России необходимо отметить, что интерес к данному виду деятельности возрастает. На 2017 год крупные фонды России оказали огромную поддержку молодым социальным предпринимателям, которые начали работу с такими острыми проблемами, как безработица, помощь людям с ограниченными возможностями, помощь больным детям и их реабилитация. Необходимо понимать, что закон о регулировании социального предпринимательства станет отправной точкой для быстрого и эффективного развития. 2017 год должен стать годом перемен в сфере социального предпринимательства.

Список использованной литературы

1. Сайт Новый Бизнес. Социальное предпринимательство. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nb-forum.ru> / (дата обращения 14.11.2017).

2. Приказ Минэкономразвития России от 01.07.2014 N 411 "Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2014 году предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации". // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> / (дата обращения 15.11.2017).

3. Сайт Правительство России. Об утверждении «дорожной карты» «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru> / (дата обращения 14.11.2017).

4. Сайт Наше будущее. Реализованные проекты. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nb-fund.ru> / (дата обращения 15.11.2017).

5. Сайт Газета. Законопроект о социальном предпринимательстве [Электронный ресурс]. URL: [https://www.gazeta.ru_/](https://www.gazeta.ru/) (дата обращения 15.11.2017).

6. Кулицкая Л.И. Предпринимательское право. Владивосток. Издат-во: ДВФУ. 2017. 190 с.

7. Сайт РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: [https://ria.ru /](https://ria.ru/) (дата обращения 14.11.2017).

8. Сайт Правда. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravda.ru/> (дата обращения 15.11.2017).

Валерия Андреевна Кулик,

Кристина Константиновна Горковенко

курсанты 2 курса

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России, г. Владивосток

Научный руководитель – Волгина Татьяна Львовна

доцент кафедры гуманитарных дисциплин

ВФ ДВЮИ МВД России, кандидат медицинских наук, доцент

МОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Статья посвящена проблеме морального выбора сотрудника органов внутренних дел. Авторами отмечается, что сотрудник органов внутренних дел – это лицо представителя власти, и от его выбора зачастую зависит не только его собственная жизнь, а жизнь общества, которое он призван защищать. Делается акцент на том, что выбор сотрудника влияет и на сознание общества, из поступков работников правоохранительных органов формируется уровень доверия граждан к правоохранительной системе нашей страны.

Ключевые слова и словосочетания: моральный выбор, конфликт, моральная ответственность, моральная свобода, «меньшее зло», цели и средства.

Профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел подробно урегулирована законом. Соблюдение принципов справедливости, законности и гуманизма деятельности означает, что все действия должностных лиц должны строго соответствовать нормам права. В случае нарушения закона сотрудником ОВД будет восприниматься как безнравственный поступок с его стороны.

С нашей точки зрения, работники правоохранительных органов, прежде всего, призваны защищать жизнь, права и свободы человека и гражданина, поэтому их моральный выбор рассматривается обществом ни как поступок обычного гражданина, а как поступок представителя органа власти. Именно из их действий или бездействий у граждан складывается мнение о правоохранительной системе нашего государства, поэтому сотрудник ОВД должен проявлять высокий уровень профессионализма в своей деятельности, строго руководствуясь предписанным нормам, регулирующим его поведения. Значит ли это, что сотруднику не нужно делать выбор, ведь вся его деятельность урегулирована законом?

А как же быть с тем, что в некоторых случаях, следуя только закону, сотрудник ОВД оказывается в ситуации, когда у него в моральном сознании возникают противоречия, в связи, с чем ему приходится выбирать между предписанными нормами и личными стойкими моральными убеждениями? Для того чтобы разобраться с этим вопросом, рассмотрим сущность морального выбора работника правоохранительных органов.

Моральный выбор в деятельности сотрудников ОВД – осознанное предпочтение сотрудником ОВД того или иного варианта поведения в соответствии с профессиональными и личными моральными установками [1, 244].

Работники органов внутренних дел при принятии решения должны исходить из таких основных этических требований как:

- отвержение, непримиримость к различным нарушениям закона;
- противостоять преступности, бороться с ней;
- реализация профессионального долга как нравственного императива;

– не относиться с равнодушием и безразличием к судьбе другого человека;

– не принимать поспешных решений.

Возвращаясь к последнему пункту, хотелось бы отметить, что сотрудникам правоохранительных органов приходится сталкиваться с некоторыми сложностями, так как борьба с преступностью сама по себе влечет за собой ряд задач, главной среди которых является: принятие быстрого и точного, правильного решения в ситуации риска, когда просто нет времени изучить все возможные варианты выбора.

Правоохранительная деятельность связана с противоборством, нестандартными ситуациями, что и создает условия проблемы выбора в условиях риска. В связи с этим многие частные и случайные обстоятельства, несмотря на волю действующего лица, изменяют смысл поступка, тем самым поступок сотрудника может быть в оценках окружающих не совсем положительным.

Рассматривая проблему морального выбора, хотелось бы обратить внимание на вопрос: «Какой ответственности подвергаются правоохранительные органы и их сотрудники за совершенные ими действия?» Суть этого вопроса состоит в следующем: в каком размере, объеме и за что они могут и должны нести ответственность. В своей работе сотруднику ОВД приходится каждый день среди множества вариантов поведения выбрать только один, который бы, по его мнению, был наиболее правильным.

Моральная ответственность сотрудника полиции присутствует:

– перед обществом за справедливое применение правового инструмента;

– перед государством и профессиональным сообществом за свое положение, статус;

– перед собой в качестве морального спокойствия и удовлетворения за выполненную работу.

Существует выражение: «свобода – это объективная возможность выбора». Если такой выбор отсутствует, то акт поведения является однозначным и обусловлен внешней необходимостью, а именно морально-психологическим давлением коллектива. Поэтому некоторые

сотрудники ОВД, принимая и осуществляя какое-либо безнравственное решение, оправдывают себя тем, что они вынуждены были так поступить под воздействием коллектива, который заставил его принять такое решение [2, 25].

Но, настоящий юрист во всех ситуациях обязан принимать ответственные решения, так как свобода выбора данного поведения всегда имеется, если в своих действиях основываться на нормах права и морали. Но, принимая во внимание свободу выбора сотрудников правоохранительных органов, следует учитывать, что полицейские призваны защищать здоровье, жизнь людей. Поэтому для них этические нормы приобретают строго обязательный характер, не дают права выбора, закрепляются в служебных документах и обеспечиваются правовыми санкциями. Они становятся должными, то есть обязательными для исполнения.

Также трудность моральной ответственности состоит в том, что сотруднику органов внутренних дел зачастую приходится совершать такие действия, которые недопустимы нормами морали, но их совершение необходимо для достижения общественно-полезной цели. Данная проблема рассматривается учёными, как выбор «меньшего зла». Профессия полицейского связана с противодействием большему злу путём причинения меньшего. Для них постоянная рефлексия о том, что действия, входящие в круг его профессиональных обязанностей, представляют собой зло, была бы серьёзной проблемой для оперативного выполнения стоящих перед ними задач. Поэтому во всех подобных случаях логика меньшего зла оказывается вписана в содержание нормативно-правовых актов, задающих видоизменённые разграничения между допустимым и недопустимым, включающих такую переформулировку общих моральных понятий, которая снижает их требовательность. Более того, понятие меньшего зла начинает воплощаться в уставах, федеральных законах, регулирующих повседневную практику профессионалов [3, 4].

Несмотря на то, что вся деятельность сотрудников органов внутренних дел урегулирована различными нормативными правовыми актами, нередко возникают ситуации, которые подвергают работника

правоохранительных органов нравственному конфликту. Мы думаем, что причиной этого является противоборство с преступлениями с помощью использования специфических сил и средств.

Конфликты возникают в связи с присутствием противоположного вида мотивов, в ситуации когда субъекту приходится мысленно «взвешивать» общественную необходимость, выраженную в требованиях долга и личных планах, осознанные мотивы и идущие вразрез с ними желания и т.д.

Среди конфликтов, имеющих значение для сотрудников правоохранительных органов, необходимо выделить основные их виды: внешние и внутренние конфликты. Внешние конфликты возникают в нравственных противоречиях между людьми (личностей, социальных групп и общества). Сущность внутренних конфликтов другая. Источником является сложность, борьба сторон непосредственно мотивов личности, преобладающая в подчинении и соподчинении друг другу. Выбор поведения человека при разрешении данного конфликта в основном зависит от направленности личности, ее ориентации на те или иные ценности.

Практика показывает, что среди сотрудников правоохранительных органов с учётом их ценностной ориентации можно выделить несколько типов личности, которые при наличии конфликтной ситуации помогут сделать одинаковый этим ориентациям выбор.

Так, сотрудники, ориентирующиеся на правовые ценности, при столкновении норм в первую очередь будут склоняться к требованиям законов и приказов.

Человек, для которого нормы нравственности являются высшими ценностями, при разрешении конфликта будет исходить из соблюдения принципов справедливости и гуманизма, он не сможет пожертвовать своими нравственными убеждениями ради чьих бы то ни было интересов.

Тип личности, склоняющийся на профессиональные ценности, чаще всего, отдаст предпочтение служебной целесообразности. Главным мотивом деятельности такого сотрудника является служение государству, профессиональный долг.

Прагматик при разрешении конфликта на первое место поставит наиболее эффективное достижение стоящих перед ним целей.

Сотрудник, для которого большой вес имеют исполнительские черты, будет ориентироваться на указания руководства [4, 47].

Понятно, что направленность личности характеризует типичное поведение человека. Но в правоохранительной деятельности нередко возникают случаи с чрезвычайными, нестандартными ситуациями, которые могут влиять на поведение людей, что ведет к нестандартным для них поступкам. Очевидно, что при любой направленности личности, при наличии тех или иных предпочтений, в любых ситуациях сотрудник правоохранительных органов в первую очередь обязан исходить из интересов личности, общества и государства, на защите которых он стоит. Приоритеты добра, справедливости, профессионального долга должны являться основой при разрешении любых служебных ситуаций, какими бы сложными и конфликтными они ни были.

Один из важных критериев разрешения конфликта является правильность соотношения цели и средств в работе сотрудников органов внутренних дел. Цель – это сформированный человеческим мышлением наилучший результат, ради которого осуществляется деятельность и который играет роль её внутреннего побудительного мотива. Сотрудники правоохранительных органов относительно деятельности, которую выполняют, могут стремиться к достижению различных целей в своей работе, но всё же эти отдельные цели подчиняются общей – поддержание правопорядка, законности в обществе. Средства – это определённые действия для достижения данной цели [5, 33].

С учётом выше сказанного, мы считаем, что для сотрудника правоохранительных органов должно действовать строгое правило: достижение цели возможно только законными средствами.

Рассмотрим ситуацию соотношения целей и средств в работе сотрудников ОВД. Цель, которую должен преследовать каждый полицейский – борьба с преступностью. Данная цель имеет большое значение, так как несёт в себе гуманистическую направленность по отношению к обществу. Но это вовсе не означает, что любая цель, которую преследуют полицейские, принимает положительное нрав-

ственное содержание. Как правило, содержание зависит от соблюдения законности, уровня правовой культуры, методов, применяемых в работе. Следовательно, в каждой ситуации необходимо заново оценивать возникающую цель [6, 28].

Однако в работе сотрудников органов внутренних дел часто возникают ситуации, когда для достижения благородной цели необходимо использовать средства, которые связаны с ограничением прав и свобод человека и гражданина. Совершенно точно, что осуждению подвергаются те поступки, для достижения которых заведомо выбираются негативные средства, хотя иногда и самые результативные. Труднее, когда обстоятельства представляют лишь такие средства, которые нельзя однозначно признать нравственными, положительными. Если причинённый вред от используемых средств превосходит нравственную ценность цели, то необходимо отказаться от достижения этой цели.

Моральный выбор признаётся правильным, если человек учтёт все или хотя бы наиболее важные последствия, которые может предвидеть человек, выбирающий это средство. Совершая какой-либо поступок, необходимо учитывать, прежде всего, его последствия, так как они имеют значения не только для самого человека, но и для других людей.

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, мы считаем, что вопрос о моральном выборе сотрудника ОВД остаётся спорным, потому что должностные лица правоохранительной системы призваны защищать закон, а не нарушать его, но в свою очередь правовые нормы, к сожалению, ставят сотрудника в такие ситуации, когда возникают противоречия между моралью и законом.

Список использованной литературы

1. Кикоть В.Я. Профессиональная этика и служебный этикет. Учебник – М.: Изд-во ЮНИТИ, 2012.
2. Ладыкина Т.А. Юридическая этика. Учебное пособие – Омск: Изд-во Омская юридическая академия, 2010.

3. Прокофьев А.В. Понятие меньшего зла: содержание, критерии, условия применения // Институт философии РАН. – 2008. - №15.
4. Дубов Г.В., Опалев А.В. Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов: учебное пособие – М.: Изд-во ЩИТ-М, 2000.
5. Кобликов А.С. Юридическая этика: учебник - М.: Изд-во Норма, 2000.
6. Кукушин В.М. Твоя профессиональная этика: учебник – М.: Изд-во Кодекс, 1994.

Наталья Вячеславовна Ляскина

аспирант 1 курса

Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток

Научный руководитель – Шабельникова Наталья Алексеевна,

доктор исторических наук, профессор

**ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СЛУЖБЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПО БОРЬБЕ С ДЕТСКОЙ
БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ И ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье рассматривается исторический этап становления основной службы профилактики в системе ОВД – подразделения по делам несовершеннолетних ОВД Российской Федерации, ее взаимодействия с другими субъектами профилактики по воспитанию подрастающего поколения.

Ключевые слова: несовершеннолетние, воспитание, субъект профилактики, профилактика правонарушений, комиссии для несовершеннолетних, специально-воспитательные учреждения.

Одна из важнейших задач, которая стоит перед органами внутренних дел Российской Федерации, заключается в поддержании общественного порядка и обеспечении общественной безопасности стра-

ны. На всех этапах развития государственности в России особое внимание уделялось вопросам охраны детства и материнства, обучения, воспитания и развития духовно-нравственного потенциала у подрастающего поколения.

Сегодня государство в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. определяет, что «приоритетной задачей в сфере воспитания детей является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины». Воспитание детей рассматривается как «стратегический общенациональный приоритет, требующий консолидации усилий различных институтов гражданского общества и ведомств на федеральном, региональном и муниципальном уровнях» [7].

Законодатель в Стратегии четко разъясняет, что воспитательный процесс детей в современных условиях состоит в комплексном и системном подходе, включающий в себя следующие основные компоненты: гражданское, патриотическое, духовное и нравственное, трудовое, экологическое воспитание, воспитание детей на основе российских традиционных ценностей, приобщение детей к культурному наследию, популяризацию научных знаний среди детей, профессиональное самоопределение.

Политические процессы, происходящие в нашей стране, приводят к социально-экономическим, демографическим изменениям, а смена идеологической составляющей государства – к деформации общественного сознания общества, трансформации жизни людей, к негативным последствиям духовно-нравственного, культурного созревания молодых людей.

В России рост массовой беспризорности и преступности приходится на переломные периоды отечественной советской истории, а именно на 20–30-е, 40–50-е и 90-е годы XX столетия [4]. В эти тяжелые кризисные для страны годы, государство создает и реформирует субъекты профилактики, формирует и развивает нормативно-право-

вую базу в данной области, направляет все усилия для борьбы с преступностью, беспризорностью и антиобщественным поведением малолетних и несовершеннолетних правонарушителей.

Вопрос о необходимости создания «детской милиции» обсуждался еще в январе 1918 года. Принятый на I Всероссийском съезде по охране детства Декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) «О комиссиях для несовершеннолетних» от 14 января 1918г. упразднял суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних; создавал комиссии, которые выполняли судебные функции. Несовершеннолетние до 17 лет, совершившие общественно-опасные деяния направлялись в комиссии, которые принимали меры: либо освобождали от уголовной ответственности несовершеннолетнего либо направляли его в «одно из убежищ» такие как, детский дом, коммуна, приют или приемник Народного Комиссариата общественного презрения в зависимости от характера и степени тяжести деяния [2].

Как отмечает А.А. Беженцев «вступление в юридическую силу Декрета СНК «О комиссиях для несовершеннолетних» заложило основу правовой регламентации советского социалистического строя по вопросам уголовной ответственности несовершеннолетних и применение к не достигшим совершеннолетия правонарушителям принудительных мер воспитательного воздействия». Одна из основных идей коммунистической партии состояла в переходе от системы наказания, применяемых к несовершеннолетним правонарушителям, к системе мер воспитательного характера.

С изданием в 1919г. «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР» комиссия при назначении наказания учитывала возраст правонарушителя и его осознанность при совершении деяния. В первую группу входили несовершеннолетние до 14 лет – они не подлежали суду и наказанию, к ним применялись меры воспитательного характера: профилактические беседы, цель которых заключалась в разъяснении ребенку противоправности его поведения, недопустимости совершения антиобщественного поведения в будущем.

Ко второй группе относились несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет «действующие без разума», но поддающиеся медико-

педагогическому воздействию, к ним применялись аналогичные меры, что и к первой группе правонарушителей.

Третью группу составляли несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, «действующие с разумением», т.е. совершившие деяние с прямым умыслом, осознанно, к данной категории подростков суд применял меры уголовного наказания. Позже, в марте 1920г. с изданием Декрета СНК «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных деяниях» повышается возраст не достигших совершеннолетия лиц до 18 лет, материалы которых рассматривала комиссия по делам несовершеннолетних.

В мае 1920 года на Всероссийском съезде по борьбе с детской беспризорностью было предложено использовать термин «детская социальная инспекция». Положение о ней было утверждено Декретом СНК №506 от 23 сентября 1921 г. [3].

В 1920 г. в связи с изданием Инструкции, утвержденной Постановлением Народным комиссариатом просвещения, Народным комиссариатом юстиции, Народным комиссариатом здравоохранения, происходит расширение профилактических и принудительных мер воздействия, принимаемых комиссией в отношении детей с девиантным поведением. В состав губернских комиссий входили представители губернского отдела народного образования, губернского здравоохранения, губернского суда. Такой же состав имели и уездные комиссии. В их распоряжении имелись приемники-распределители, трудовые колонии, детские дома для беспризорных детей [8].

В 1920 г. в губернские комиссии было направлено постановление Наркомобразования, в котором говорилось о необходимости создания специальной детской милиции и других специальных организаций для несовершеннолетних правонарушителей.

Происходит формирование системы специальных воспитательных учреждений для трудновоспитуемых и педагогически запущенных подростков, создание педагогических учреждений с целью подготовки кадров для работы с такими детьми. В ведение Народного комиссариата просвещения передаются все учреждения Наркомата социального обеспечения, занимавшиеся воспитанием трудновоспитуемых под-

ростков (детские колонии, трудовые коммуны, институты трудового воспитания). В 1921 г. в Наркомате просвещения вместо сектора социального воспитания создается Главное управление социального воспитания и политехнического образования, а при нем открывается отдел социально-правовой охраны несовершеннолетних [5].

Весомый вклад в развитие отечественной советской педагогики по воспитательной работе с беспризорными детьми, несовершеннолетними правонарушителями внес педагог-практик А.С. Макаренко. Его опыт работы в колонии и коммуне для несовершеннолетних правонарушителей основан на превентивной педагогике и психологии, профилактике правонарушений среди несовершеннолетних. Отмечая важность социальных условий, роль семьи и детского коллектива в воспитании ребенка, А.С. Макаренко обращал внимание и на условия воспитания, складывающиеся в школе, а также утверждал, что «воспитание правонарушителей не является, по существу, какой-то особой задачей, отличающейся от воспитания всех остальных детей».

Интересен такой факт, что согласно Приказу Наркомиссариата внутренних дел РСФСР от 06.12.1922г. № 574 «О борьбе с детской беспризорностью и правонарушениями», милиция занималась правонарушителями старше 14 лет. Все остальные, в том числе беспризорники незамедлительно передавались в ближайший детский приемный пункт или местный отдел народного образования. Данный приказ разрешил привлекать милиционеров-женщин для борьбы с беспризорностью, административными правонарушениями и преступлениями, не освобождая их при этом от исполнения основных обязанностей [3].

Спецификой развития дальневосточной территории в конце 20-х – начале 30-х годов была активизация процесса заселения и хозяйственного освоения Дальневосточного края. Расположение на территории Дальнего Востока страны каторги (Николаевск, Камчатка, Сахалин), а в советское время лагерей ГУЛАГа, оказало влияние на формирование контингента населения, большую долю которого составляли бывшие заключенные, что вносило дополнительные сложности в организацию воспитательного процесса [3]. В начале 1923 г.

на Дальнем востоке была образована Центральная комиссия по борьбе с детской беспризорностью и преступностью. В целях борьбы с детской беспризорностью было принято решение всемерно содействовать Отделу охраны материнства и младенчества, отделу социального воспитания в деле открытия новых домов ребенка, яслей, детских домов, детских садов и площадок. На основе использования опыта детских трудовых колоний на Дальнем Востоке в системе НКВД стали создаваться новые учреждения – трудовые дома, которые также играли роль в перевоспитании подростков [8]. В марте 1924 г. пленум Дальдеткомиссии образовал Дальневосточное общество друзей детей (ДОДД). В борьбе с детской беспризорностью, бродяжничеством были мобилизованы комсомол, печать, общественность, рабочие и школьные коллективы [9].

В начале 1930-х гг. в Российском государстве проблема изучения трудновоспитуемости, педагогической запущенности, организации работы с несовершеннолетними заняло второстепенное значение. В советском государстве, как считалось, такой проблемы не должно было быть, и поэтому дальнейшее изучение психолого-педагогических проблем, связанных с семейным воспитанием, диагностическим изучением несовершеннолетних, выявлением причин и условий, способствующих совершению антиобщественных и противоправных действий, практически прекратились, в связи с изданием в 1936 г. Постановления «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» [5].

В стране после гражданской войны в условиях разрухи и голода, остро встал вопрос о детской безнадзорности и преступности; на улицах насчитывалось более 5 млн. детей-беспризорников, оказавшихся без попечения родителей. В 1929 г. СНК РСФСР принимает решение о возложении на органы милиции обязанностей по предупреждению и пресечению правонарушений среди несовершеннолетних, и уже через несколько лет они становятся основными субъектами профилактики.

В 1931 г. утверждено новое Положение о комиссиях по делам о несовершеннолетних, основной задачей которых являлось охрана

прав и интересов детей, борьба с беспризорностью, правонарушениями путем применения к ним мер медико-педагогического характера, а отсутствие реальных мер к подросткам в зависимости от тяжести совершенного правонарушения привело к ослаблению их работы. 31 мая 1935 г. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» в структуре Главного управления рабоче-крестьянской милиции были созданы детские комнаты милиции, и этим же постановлением были ликвидированы комиссии по делам несовершеннолетних, созданные в 1918 г. С даты подписания Постановления начинается история становления службы профилактики в ОВД – ПДН, 31 мая официально признан Днем подразделений по делам несовершеннолетних ОВД Российской Федерации.

Полномочия комиссий перешли в новую службу – в детскую комнату милиции. На должности работников назначались лица, имеющие педагогическое образование или опыт работы с детьми. Детские комнаты милиции, при осуществлении своих полномочий, опирались на актив общественности, народные дружины (ДНР), родительские комитеты и т.д. [6]. Граждане страны принимали активное участие в работе по предупреждению преступлений, оказывали помощь правоохранительным органам. «Опыт предупредительной деятельности тех лет получил международное признание, нашел отражение в документах ООН и ее специализированных структур» [1].

Таким образом, на всем историческом пути становления и развития службы, начиная с детской комнаты милиции, инспекции по делам несовершеннолетних, подразделений по делам несовершеннолетних, сотрудники этих подразделений ОВД занимались предупреждением беспризорности, безнадзорности, предупреждением правонарушений, антиобщественных действий несовершеннолетних; выявлением и устранением причин и условий, способствующих этому; социально-педагогической реабилитацией несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, а также выявлением и пресечением случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и других противоправных антиобщественных действий.

Список использованной литературы

1. Аминов Д.И., Жариков Ю.С., Ревин В.П. Предупреждение преступлений: отечественный и зарубежный опыт (криминологическое и уголовно-правовое исследование) / Под ред. Заслуженного деятеля науки РФ, доктора юрид. наук, профессора В.П. Ревина. М.: Изд-во СГУ, 2010. 227 с.
2. Беженцев А.А. Историческое развитие государственных органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в советский период. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, №2 (50), 2011. С. 56-63.
3. Жаркова А.А. Исторический опыт борьбы с беспризорностью и правонарушениями несовершеннолетних на Дальнем Востоке России (20-30е г.г. XX века): дис. ...канд.ист.наук, Хабаровск, 2006.
4. Жилиева С.К. Организационно-правовые основы борьбы Орловской милиции с детской преступностью и преступностью в годы Великой отечественной войны и послевоенный период (1941-1951г.г.) (историко-правовое исследование): дис. ...канд.юр.наук, Орел, 2004.
5. Кочин А.А. Педагогическая профилактика асоциального поведения несовершеннолетних в процессе деятельности органов внутренних дел МВД России: дис. ...доктор пед.наук. Санкт Петербург, 2007.
6. Педагогическая энциклопедия т.1 А-Е. «Издательство «советская энциклопедия», М.,1994, с.831.
7. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // «Российская газета», № 122, 08.06.2015.
8. Шабельникова Н.А. Деятельность дальневосточной милиции по борьбе с социальными видами преступности в 1920-е годы// Вестник Сибирского юридического института МВД России № 3(7). 2010. С. 59-68.
9. Шабельникова Н.А. Милиция Дальнего Востока России (1922-1930 гг.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000, 236 с.

Ксения Юрьевна Максимова

студентка 5 курса

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
Научный руководитель – Кораблин Константин Климентьевич,
кандидат юридических наук, профессор

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ПОРЯДКА УЧЁТА И АНАЛИЗА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

В статье рассматриваются актуальные вопросы обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации. Масштабность и сложность этой проблемы, с учётом современных темпов развития транспортных средств, требуют совершенствования методов анализа и учёта дорожно-транспортных происшествий и выбора эффективных мер, направленных на повышение безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: безопасность, транспорт, дорожное движение, дорожно-транспортные происшествия, аварийность, анализ, учёт.

В современной России безопасность дорожного движения выступает в числе приоритетных задач развития страны. Сегодня аварийность на автомобильном транспорте прочно заняла одно из ведущих мест в ряду важнейших социально-экономических и демографических проблем и представляет угрозу национальной безопасности России. Негативные последствия от автомобильных аварий многократно превышают ущерб от железнодорожных катастроф, пожаров и других несчастных случаев. Последние резонансные автокатастрофы отразили многочисленные проблемы, связанные с организацией дорожного движения, с состоянием дорог, с ответственностью участников движения.

Актуальность данной темы растёт с каждым годом, так как сложившееся положение с аварийностью в городах показывает, что традиционные подходы к решению проблемы обеспечения безопасности дорожного движения недостаточны, чтобы добиться желаемого эф-

фекта. Масштабность и сложность этой проблемы с учетом современных темпов развития транспортных средств, требуют совершенствования методов анализа и учёта дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) и выбора эффективных мероприятий по повышению безопасности дорожного движения.

В 1995 году в Российской Федерации был принят Федеральный закон «О безопасности дорожного движения», основными задачами которого стали: охрана жизни, здоровья и имущества граждан, защита их прав и законных интересов, а также защита интересов общества и государства путем предупреждения дорожно-транспортных происшествий, снижения тяжести их последствий [1].

Дорожно-транспортное происшествие – событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы либо причинен иной материальный ущерб (ст. 2 Федерального закона «О безопасности дорожного движения»).

Тожественное определение понятия «дорожно-транспортное происшествие» содержится в п. 1.2 Правил дорожного движения РФ, утвержденных Постановлением Совета Министров – Правительством РФ от 23.10.1993 г. № 1090 [2].

Понятие ДТП раскрывается и в правилах учёта и анализа дорожно-транспортных происшествий на автомобильных дорогах Российской Федерации, утвержденных руководителем Федеральной дорожной службы России 29 мая 1998 года. В приложении 3 к указанному документу дается аналогичное определение понятия ДТП: «дорожно-транспортным происшествием (ДТП) называется событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или были ранены люди, повреждены транспортные средства, груз, сооружения» [3].

Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 октября 2013 года была утверждена федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах», целью которой является сокращение случаев смертности от ДТП к 2020 году на 8 тыс. человек (28,82 %) по сравнению с 2012 годом.

Основными задачами Программы по обеспечению безопасности дорожного движения являются: создание системы пропаганды с целью формирования негативного отношения к правонарушениям в сфере дорожного движения; формирование у детей навыков безопасного поведения на дорогах; повышение культуры вождения; развитие современной системы оказания помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях; повышение требований к подготовке водителей на получение прав на управление транспортными средствами и требований к автошколам, осуществляющим такую подготовку [4].

Однако на практике, несмотря на принятую Программу, кардинального улучшения ситуации на дорогах не происходит.

Так, по данным Главного управления по обеспечению безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, за 2015 год в России произошло 184 000 дорожно-транспортных происшествия, в результате которых погибло 23 114 человек, 231 197 человек получили травмы, 24 794 дорожно-транспортных происшествия произошло с участием детей, в результате которых 1 028 детей погибло и 26 838 – ранено [5].

По итогам 2016 года в России произошло 173694 ДТП (уменьшение по сравнению с 2015 годом составило на 5,6 %), в которых погибло 20308 человек (снижение по сравнению с 2015 годом на 12,14 %). В 2016 году в ДТП погибло пешеходов 5931 (снижение по сравнению с 2015 годом на 16,9 %).

В удельных показателях уменьшение очень заметное: на 100 тысяч населения погибло 13,9 человек (для сравнения: в 1991 году – 25,3 чел.; в 2003 году – 24,6 чел.; в 2015 году – 15,8 чел.); на 100 тысяч транспортных средств падение ещё более заметно: в 2016 году 47 погибших (для сравнения: в 1990 году – 411 погибших; в 2003 году – 160 погибших; в 2015 году – 55 погибших (т.е. сокращение почти в 9 раз с 1990 года) [6].

В Хабаровском крае в 2014 году произошло 1 930 дорожно-транспортных происшествий, в которых было ранено 2 383 человека, погибли 170 человек. В 2015 году отмечается снижение показателей,

так в период с января по ноябрь было зафиксировано 1 403 аварии, в которых было ранено 1 788 человек, погибло 156. В 2016 году снова происходит прирост аварийности: 1699 аварий, из которых ранено – 2065; погибло – 137 [7].

Исходя из приведённой статистики, можно сделать вывод о том, что для снижения аварийности, которая существует сегодня на дорогах России, органы внутренних дел Российской Федерации должны стремиться к созданию и совершенствованию различных форм и методов административной деятельности в области обеспечения безопасности дорожного движения, в том числе, используя современные подходы к учёту и анализу ДТП.

Учёт ДТП – это сбор сведений о дорожно-транспортном происшествии с последующим внесением в карточку учёта ДТП, а анализ состояния аварийности заключается в выявлении причин их возникновения.

С 18 мая 2015 года применяются новые рекомендации по учёту и анализу ДТП (ОДМ 218.6.015–2015), которые были утверждены распоряжением Росавтодора от 12.05.2015 г. № 853-р. Рекомендации определяют единый порядок, а также формы учёта и анализа ДТП владельцами автомобильных дорог общего пользования федерального значения, регионального или межмуниципального значения, местного значения, владельцами частных автомобильных дорог, а также балансодержателями улиц и дорог городов и сельских поселений. Рекомендации были подготовлены взамен Правил учёта и анализа дорожно-транспортных происшествий на автомобильных дорогах Российской Федерации, введённых в действие с 1 августа 1998 года приказом Федеральной дорожной службы РФ от 23.07.1998 г. № 168 [8].

Проблема обеспечения безопасности дорожного движения неразрывным образом связана с качеством и объективностью учёта и анализа дорожно-транспортных происшествий. Безопасность дорожного движения в первую очередь обеспечивается нормальным функционированием всех составляющих в комплексе: человек, автомобиль, дорога, окружающая среда. Любая недостаточная надёжность одного из составляющих приводит к дорожно-транспортному происшествию.

Главной задачей учёта и анализа дорожно-транспортных происшествий является изучение причин и условий их возникновения и принятие соответствующих мер по их устранению. Без полного и объективного учёта ДТП, всестороннего их анализа невозможно выполнение этой задачи.

Важно также отметить, что качество и эффективность управленческих решений в области обеспечения безопасности дорожного движения находятся в прямой зависимости от глубины и полноты учёта и анализа данных о ДТП, от выявления объективной картины причин и условий их возникновения. Учёт и анализ ДТП является составной частью работ по оценке качества дорожного движения и основой для разработки мер по повышению безопасности движения.

В ходе работы над вышеуказанной темой исследования нами были выявлены следующие проблемы и разработаны предложения и рекомендации по разрешению выявленных противоречий:

1. Ввиду загруженности подразделений ГИБДД МВД России, отсутствия чётко определенной в функциональных обязанностях сферы ответственности конкретных должностных лиц, а также из-за слабой технической вооруженности сотрудников полиции современной аппаратурой, вызывает сомнение качество сбора и анализа данных о ДТП. В связи с этим предлагаем, при оформлении протокола осмотра места происшествия и схемы к нему, а также протокола осмотра транспортных средств привлекать специалиста, обладающего специальными познаниями в области автотехнической экспертизы, что значительно повысит качество первичных материалов, которые лягут затем в основу принимаемого решения по факту совершённого ДТП.

2. Существует проблема учета «лёгких» аварий, участники которых (или собственники автомобилей) договариваются между собой о возмещении ущерба и не обращаются в полицию. В связи с этим, «теряется» полнота учёта аварий, которая в дальнейшем не способствует качественному анализу аварийности на дорогах. Решение данной проблемы возможно в усилении взаимодействия деятельности сотрудников ГИБДД МВД России со страховыми компаниями, а так-

же создании административно-координирующего органа, деятельность которого будет направлена на организацию данного взаимодействия. Формирование единой информационной базы данных, также могло бы облегчить учёт и дальнейший анализ аварий.

3. Аварийность на дорогах Российской Федерации остается одной из самых высоких в мире, что является важнейшей демографической и социально-экономической проблемой государства, представляющей собой реальную угрозу национальной безопасности страны. Предлагаем, помимо привлечения специалистов, разработать и ввести новые методы анализа ДТП, создать и использовать новую программу пространственного анализа ДТП, что позволило бы сотрудникам ГИБДД МВД России визуально представлять участки концентрации ДТП, с включением в неё всех существующих методов анализа, и с введением в неё баз данных карточек учёта ДТП.

4. Исходя из практики работы сотрудников ДПС ГИБДД МВД России, выявлено, что нарушение ПДД является основной проблемой при совершении ДТП. Соответственно мерой их предотвращения может стать ещё большее ужесточение наказания за нарушения ПДД. Так, например, в 2016 году штрафы за нарушения ПДД выросли на 20–30 %.

5. Ещё одно направление деятельности по повышению безопасности дорожного движения, где ГИБДД МВД России должна приложить максимальное количество усилий, – это повышение уровня квалификационных требований при сдаче экзаменов на право вождения транспортных средств. Необходимо исключить выдачу водительских удостоверений лицам, которые показали слабые знания ПДД.

6. Сегодня необходимо взять курс на широкое внедрение в практическую деятельность сотрудников ГИБДД МВД России инновационных технологий. В частности, применение системы ГЛОНАСС/GPS может существенно улучшить качество учёта ДТП, поскольку не секрет, что сотрудникам ДПС очень часто приходится производить замеры рулетками, а схемы рисовать вручную. Фиксация координат каждого ДТП должна осуществляться с помощью системы ГЛОНАСС/GPS для того, чтобы в автоматическом режиме статистически достоверно вычислять аварийно-опасные участки дорог и улиц.

7. Что касается совершенствования правового регулирования безопасности дорожного движения, в рамках утверждённых Постановлением Правительства РФ от 29.07.1995 № 676 Правил учёта дорожно-транспортных происшествий [9], а также в целях повышения качества организации работы подразделений ГИБДД МВД России по учёту, сбору и анализу сведений о ДТП, 19 июня 2015 года был подписан приказ МВД России № 699 «Об организации учёта, сбора и анализа сведений о дорожно-транспортных происшествиях», который обязывает сотрудников ГИБДД МВД России использовать в своей служебной деятельности «Рекомендации по учёту и анализу дорожно-транспортных происшествий на автомобильных дорогах Российской Федерации» [10].

8. По нашему мнению, также необходимо постоянно совершенствовать профилактическую работу среди населения по повышению безопасности дорожного движения. В этой связи, Правительством РФ было принято решение о продлении действия целевой Программы по обеспечению безопасности дорожного движения на период 2013 – 2020 годов. В частности, на втором этапе Программы (2016 – 2020) мероприятия преимущественно будут направлены на снижение аварийности на российских дорогах и преодоление дисбаланса в ситуации с аварийностью в регионах. Также они будут основываться на дифференцированном подходе к задачам по снижению дорожно-транспортного травматизма для каждого субъекта Российской Федерации и экономически выгодных механизмах софинансирования предпринимаемых мер по обеспечению безопасности дорожного движения за счёт средств федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации [11].

Таким образом, полный и объективный учёт дорожно-транспортных происшествий, а также всесторонний их анализа позволяют с достаточной степенью точности выявить общие закономерности возникновения ДТП, их причины, определить уровень аварийности и травматизма и, с учётом этого, разработать профилактические мероприятия для предупреждения ДТП или снижения тяжести их последствий.

Список использованной литературы

1. О безопасности дорожного движения : федер. закон от 10.12.1995 г. № 196-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 50. Ст. 4873. ; 2016. № 27 (ч. 1). Ст. 4229.
2. О правилах дорожного движения : постановление Правительства РФ от 23.10.1993 г. № 1090 (ред. от 24.03.2017) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 47. Ст. 4531 ; Российская газета. – 2017. – № 64.
3. Отрохов А. Дорожно-транспортное происшествие (ДТП). Понятие и виды. Омск : Правовой центр "Логос", 2015 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://logos-pravo.ru/articles/dorozhno-transportnoe-proisshestvie-dtp-ponyatie-i-vidy> (дата обращения: 01.06.2017).
4. О федеральной целевой программе "Повышение безопасности дорожного движения в 2013 – 2020 годах" : постановление Правительства РФ от 03.10.2013 г. № 864 (в ред. от 11.10.2016) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 41. Ст. 5183 ; 2014. № 46. Ст. 6364 ; 2015. № 45. Ст. 6257 ; 2016. № 24. Ст. 3525.
5. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Российская газета. 2015. 24 марта. № 6929 (61) [Электронный ресурс] // Режим доступа : <https://rg.ru/2016/03/24/ombudsman-doklad-dok.html> (дата обращения: 01.06.2017).
6. Опубликована статистика ДТП и смертности за 2016 год [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.yaplakal.com/forum3/topic1556176.html> (дата обращения: 01.06.2017).
7. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения по Хабаровскому краю [Электронный ресурс] // Режим доступа : <http://habstat.gks.ru> (дата обращения: 15.03.2017).
8. Об издании и применении ОДМ 218.6.015–2015 "Рекомендации по учету и анализу дорожно-транспортных происшествий на автомобильных дорогах Российской Федерации (вместе с "ОДМ 218.6.015–2015. Отраслевой дорожный методический документ...") : распоряжение Росавтодора от 12.05.2015 г. № 853-р (ред. от 31.01.2017) [Элек-

тронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» // Режим доступа : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.06.2017).

9. Об утверждении Правил учёта дорожно-транспортных происшествий : постановление Правительства РФ от 29.07.1995 г. № 676 (ред. от 04.09.2012) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 28. Ст. 2681 ; 2012. № 37. Ст. 5002.

10. Об организации учёта, сбора и анализа сведений о дорожно-транспортных происшествиях : приказ МВД России от 15.06.2015 г. № 699 [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «Консультант Плюс» // Режим доступа : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.03.2017).

11. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах» : распоряжение Правительства РФ от 27.10.2012 г. № 1995-р // Собрание законодательства РФ. 2012. № 45. Ст. 6282.

Сергей Владимирович Мальцев

преподаватель кафедры надзорной деятельности

Дальневосточная пожарно-спасательная Академия МЧС России – филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, г. Владивосток;

Вадим Викторович Антонченко

заместитель начальника по учебной и научной работе,

Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России г. Владивосток

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОЖАРНОГО НАДЗОРА КАК АСПЕКТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена анализу деятельности правоохранительных органов при проведении контрольных и надзорных мероприятий в сфере пожарной безопасности. По мнению автора, устранение государ-

ства в лице органов Государственного пожарного надзора от активной и целенаправленной деятельности в сфере пожарно-профилактической работы недопустимо, поскольку подобная политика в сфере пожарного надзора ослабляет состояние защищённости личности, имущества, общества и государства от пожаров, как эффективного механизма реализации государственной политики в области укрепления национальной безопасности страны. При подготовке статьи использованы материалы интервьюирования граждан, предпринимателей, инспекторов Государственного пожарного надзора МЧС России.

Ключевые слова: пожар, пожарная безопасность, профилактика пожаров, пожарный надзор, противопожарные мероприятия.

Мировой опыт свидетельствует о том, что от уровня обеспечения пожарной безопасности зависит, в первую очередь, зависит национальная безопасность страны, её независимость, стабильность общества и уровень его благосостояния.

Пожары наносят громадный материальный ущерб и нередко влекут за собой гибель людей [1]. Поэтому защита от пожаров является важнейшей общегосударственной задачей. Совокупность сил и средств, а также мер правового, организационного, экономического, социального и научно-технического характера образуют систему обеспечения пожарной безопасности. В основе обеспечения пожарной безопасности лежат меры пожарной профилактики как комплекса мероприятий, направленных на предупреждение пожара или уменьшение его последствий. Пожарная профилактика имеет своей целью реализацию наиболее эффективных, экономически и технически обоснованных способов, и средств предупреждения пожаров и их ликвидации с минимальным ущербом.

Основными элементами системы обеспечения пожарной профилактики и защиты являются органы государственной власти, органы местного самоуправления, предприятия и граждане, принимающие участие в обеспечении пожарной безопасности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Ответственность за нарушение требований пожарной безопасности в соответствии с действующим законодательством несут: собственники имущества; лица, в установленном порядке назначенные ответственными за обеспечение пожарной безопасности; должностные лица в пределах их компетенции. Перечисленные выше лица и иные граждане за нарушение правил пожарной безопасности, а также за иные правонарушения в области пожарной безопасности могут быть привлечены к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности в соответствии с действующим законодательством [2].

Пожарно-профилактическую работу можно рассматривать на двух ее уровнях: организации (осуществления) мер по защите от пожаров и контроля (надзора) за выполнением этих мер.

Первый (и основной) уровень – это организация (самоорганизация), осуществляемая на предприятиях, в учреждениях, а также по месту жительства людей. Должное функционирование противопожарного механизма на этом уровне было обеспечено в условиях отраслевой системы управления народным хозяйством, примером которой была советская экономика [3]. В учреждениях и организациях директивными указаниями руководящих министерств и ведомств формировались (и «насаждались») правила пожарной безопасности, создавались финансовые, материально – технические и организационные условия для их выполнения. Выполнение этих правил жестко контролировалось в командно-административном порядке, а их нарушение немедленно каралось. Если организация противопожарных мероприятий и контроль за ними были недостаточно эффективными, то это происходило вследствие недобросовестности конкретных исполнителей, а не порочности системы.

Второй уровень пожарно-профилактической работы – это территориальный контроль органами Государственного пожарного надзора (ГПН) за результатами работы на первом уровне. Должностные лица органов управления и подразделений ГПС при осуществлении пожарного надзора обладают правами, которые определены действующим законодательством и нормативно-правовыми актами. При осу-

шествии надзорных мероприятий должностные лица ГПС в целях обеспечения безопасности людей вправе частично или полностью приостанавливать эксплуатацию зданий, сооружений, помещений, находящихся в пожароугрожаемом состоянии.

В этом году система органов государственного пожарного надзора празднует свой 90-летний юбилей. 18 июля 1927 г. Правительством РСФСР было утверждено «Положение о государственном пожарном надзоре», в котором впервые законодательно были закреплены основополагающие функции ГПН.

Органы ГПН призваны поддерживать высокий уровень пожарной безопасности в стране путём проведения обследований и проверок противопожарного состояния населённых пунктов, предприятий и организаций, однако сегодня ГПН МЧС России – это достаточно дорогостоящая, но не всегда эффективная система предупреждения и профилактики пожаров, реализации эффективных мер по защите населения и материальных ценностей от огня.

В основном работа на этом уровне сводится к проведению плановых и внеплановых проверок. Предметом проверки является соблюдение на объекте защиты, используемом (эксплуатируемом) организацией в процессе осуществления своей деятельности, на лесных участках, на подземных объектах, при ведении горных работ, при производстве, транспортировке, хранении, использовании и утилизации взрывчатых материалов промышленного назначения требований пожарной безопасности.

Общие правила деятельности надзорно-контрольных органов при проведении контрольных и надзорных мероприятий установлены Федеральным законом «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [4].

С разрушением системы отраслевого управления народным хозяйством, возникновением предприятий разных форм собственности, не подчиняющихся каким-либо вышестоящим (государственным) органам управления, первый уровень пожарно-профилактической работы перестал существовать. Предприятия и учреждения стали организо-

вызывать пожарно-профилактическую работу в соответствии со своими представлениями о ее необходимости и своими возможностями: финансовыми, организационными и т.д. Зачастую предприниматели не видят целесообразности в выполнении требований пожарной безопасности, технической эффективности от применения дорогостоящих мер (правила ПБ требуют одно – горит от другого); тем более предприниматель не видит экономической эффективности от навязываемых ему, как он считает, правил ПБ. В подавляющем большинстве случаев это привело к полному прекращению этой работы. По наблюдению сотрудников ГПН, организацией противопожарных мероприятий на своем предприятии занимается, как правило, лишь тот предприниматель, который ранее «уже горел». Указанное характерно, прежде всего, в отношении предприятий малого и среднего бизнеса.

Органы ГПН продолжают проверять соблюдение требований пожарной безопасности, однако сегодня эти проверки носят, в основном, формальный характер. При отсутствии у предпринимателей заинтересованности и, соответственно, отсутствии реальной и эффективной пожарно-профилактической работы на предприятии, в указанной сфере сложился некий консенсус: государственный пожарный инспектор (посторонний на предприятии человек) проверяет соответствие объекта требованиям законодательства в сфере пожарной безопасности; предприниматель, в свою очередь, по возможности скрывает недостатки. Как правило, все заканчивается актом с перечнем недостатков, которые должны быть устранены, и штрафом, величина которого напрямую зависит от того, как предприниматель справился со своей «задачей», т.е. как он скрыл недостатки либо «договорился» с инспектором.

Иными словами, сейчас предприниматели борются не с пожарами и их причинами, а с пожарными инспекторами и их предписаниями.

С другой стороны, даже выполнив все предписания государственного инспектора, предприниматель получает ложное чувство защищенности, утрачивая при этом мотив к дополнительным мерам (и затратам) по совершенствованию пожарной безопасности на предприятии.

Результатом сложившейся ситуации является существенное ухудшение противопожарной защиты государства и общества в целом.

Есть и еще одна проблема, связанная с тем, что государство, борясь с коррупцией и, в частности, с взятками пожарным инспекторам, а также следуя некоей общей идее «либерализации» законодательства, последовательно ограничивает органы и должностных лиц подразделений ГПН в правах и, как следствие, в возможностях осуществлять надзор.

Механизм контроля и надзора за пожарной безопасностью действует в соответствии с Федеральным законом «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» [5]. Одним из элементов этого механизма является независимая оценка пожарного риска (аудит пожарной безопасности), которую могут осуществлять организации, аккредитованные при МЧС. При этом расчёты по оценке пожарного риска могут выполняться любыми физическими и юридическими лицами без аккредитации МЧС.

В случае установления соответствия объекта защиты требованиям пожарной безопасности, установленным федеральными законами о технических регламентах и нормативными документами по пожарной безопасности, путём независимой оценки пожарного риска, собственник получает Заключение о независимой оценке пожарного риска на срок не более 3 лет.

Сегодня в городах России зарегистрированы сотни компаний, предоставляющих услуги по проведению пожарного аудита, который заменяет традиционный государственный пожарный надзор.

Автором был проведен эксперимент, в ходе которого он, представившись по телефону предпринимателем, обратился в несколько компаний, предоставляющих услуги по проведению пожарного аудита в одном из крупных краевых центров. Во всех случаях представитель компании заверил, что за умеренную плату «фирма» готова найти способ решения любого вопроса, связанного с несоответствием предприятия требованиям противопожарного законодательства, иными словами – обойти требования закона. Например, при необходимости оборудования отсутствующего пожарного эвакуационного выхода компания

готова сделать «специальный расчет пожарных рисков», который обоснует, что помещение не нуждается в таком выходе. Компания выдаст документ, пожарный выход станет ненужным, и предприниматель сам в это поверит! По мнению автора, эта практика изначально и неустранимо порочна. Действительно, ни один предприниматель не будет платить деньги за услугу, которую он может получить бесплатно (и более качественно) в подразделении ГПН МЧС России, следовательно, если он обращается за такой платной услугой, то никакой «частный» инспектор не напишет предпринимателю за плату такое же предписание, какое ему может бесплатно написать инспектор государственный. Платить деньги за то, что можно получить бесплатно, предприниматели будут только в том случае, когда за свои деньги они получают что-то еще, некий «бонус». В нашем случае этим бонусом является справка, позволяющая заказчику сэкономить на мерах, которые могли бы реально повысить пожарную безопасность объекта, не принимать этих мер, не выполнять требования, которые мог бы при проверке предъявить инспектор ГПН.

Таким образом, реальный пожарный надзор сегодня подменяется его имитацией, а вместо реальной проверки состояния пожарной безопасности объектов мы получаем массовую профанацию, успокаивающую общество, но не обеспечивающую безопасность.

Основная часть пожаров, около 80% происходит в быту и разного рода жилых помещениях, на объектах жилого сектора. Только около 20 % пожаров случаются на производственных объектах и в помещениях, не относящихся к жилым. Однако именно на них приходится вся тяжесть административного давления. Представляется, что государственным органам необходимо выработать систему мер, принципы надзора за обеспечением пожарной безопасности людей в жилых домах, т.е. тех местах, где они преимущественно находятся.

С 2007 г. органы пожарного надзора отстранены от участия в согласовании проектов строительства, надзора за ходом стройки и приемки законченных строительством объектов. Сегодня функция надзора за выполнением требований пожарной безопасности при строительстве возложена на федеральные и региональные органы государ-

ственного строительного надзора, задачей которого является предупреждение, выявление и пресечение нарушений законодательства о градостроительной деятельности. При этом, например, отсутствие пожарных проездов либо невозможность их использования вследствие неправильной планировки, конструктивные недостатки самих зданий, существующие во множестве и бросающиеся в глаза даже не специалистам, свидетельствуют о том, что как при проектировании жилых зданий, так и при их строительстве требования пожарной безопасности не соблюдаются.

Жилые помещения относятся к объектам низкого пожарного риска. Точнее, категорирование помещений по пожарной безопасности выполняется для складов, цехов, производств и прочих промышленных объектов. Для жилых объектов, где взрывоопасные вещества, легковоспламеняющиеся жидкости и материалы не хранят, такой расчет не проводится, в связи с чем органами ГПН данные объекты не проверяются вообще.

Как результат: подъезды к домам заблокированы припаркованными машинами, пожарные лестницы и выходы отсутствуют, перегорожены или закрыты на замки, в жилых домах отсутствуют системы автоматической противопожарной защиты либо они неисправны, ответственных за исправность таких систем возложена на неопределенное число собственников жилых помещений, равно как и нет системы обеспечения ее исправности и системы контроля – это лишь незначительная часть грубейших нарушений пожарной безопасности в жилых многоквартирных (и не только) домах повышенной этажности и высотных домах.

Немаловажным является то, что жилые помещения – это самая тяжело профилактируемая категория объектов. ГПН может осуществлять проверку только мест общего пользования (коридоры, подвалы, чердаки, и т.п.). В само жилище сотрудники ГПН не могут войти в него без разрешения собственника или владельца, поскольку действующее законодательство, прежде всего Конституция РФ, гарантирует право на его неприкосновенность. Только в исключительных случаях, по судебному постановлению и с судебными приставами (и,

как правило, при силовой поддержке правоохранительных органов) сотрудники надзорных органов могут войти в жилище без разрешения проживающих в нем людей. Давно ушли в прошлое времена, когда инспектор, заметив (вне плана и рамок проверки) грубое нарушение правил пожарной безопасности, делал замечание домовладельцу, и его требование было обязательным к устранению.

Есть и еще одна причина, по которой государственный пожарный надзор не привлекает жилой сектор как сфера, где пожары случаются наиболее часто: жильцы многоквартирных домов в отличие от предпринимателей и юридических лиц в большинстве своем не являются состоятельными. Вместе с тем, жилище человека всегда было пожароопасным, а если в многоквартирном доме проживают множество семей и сотни человек, то его пожарная опасность возрастает в разы.

Существенной проблемой является также большое количество различных нормативов, устанавливающих множество требований в сфере пожарной безопасности, обоснованность и экономическая эффективность которых вызывает сомнения как у специалистов, так и у поднадзорных лиц.

Сегодня техническая проблема предупреждения пожаров и пожарного надзора превратилась в проблему экономическую, а в рамках дискуссии о защищенности предпринимателей от «произвола контролирующих органов» и противодействию коррупции – в политическую. Общество сталкивается с имитацией деятельности в области надзора за пожарной безопасностью – как со стороны государства, так и со стороны поднадзорных лиц. Эта имитация не имеет никакого отношения к реальному обеспечению пожарной безопасности. Более того, она ухудшает состояние в данной сфере.

Эффективность надзорно-профилактической работы в сфере пожарной безопасности снижается также вследствие уменьшения числа подготовленных, опытных и мотивированных на достижение результата специалистов среди сотрудников ГПН. Так, если в 2004–2006 гг., штат сотрудников ГПН, например, в Приморском крае, составлял около 500 ед., то спустя десятилетие, в 2016 г., служба ГПН Приморья имеет менее 200 штатных единиц, сокращение численности тер-

риториальных отделов в три раза. При этом перманентная «оптимизация» данных органов не позволяет сотрудникам планировать службу и карьеру на годы вперед, что естественным образом не может не сказаться на мотивации к выполняемой работе и отношению к добросовестному выполнению обязанностей.

Представляется, что уход государства из сферы контроля за состоянием пожарной безопасности объектов, перекладывание этого контроля на бизнес-структуры, главной целью которых является получение прибыли, серьезно ослабляет состояние защищённости личности, имущества, общества и государства от пожаров.

Список использованной литературы

1. Пожар в Сбербанке Владивостока: Девять человек погибли// URL: <http://www.kp.ru/daily/23993/77429/> (дата обращения: 15.02.2017).

2. О пожарной безопасности / Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 26.12.1994, № 35, ст. 3649.

3. Жуков В.В. Опять «двойка» (о проблемах пожарной безопасности) / Право и безопасность. № 4 (37). 2010.

4. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля / Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6249.

5. Технический регламент о требованиях пожарной безопасности / Федеральный закон от 22.07.2008 N 123-ФЗ // Собрание законодательства РФ", 28.07.2008, № 30 (ч. 1), ст. 3579.

Алексей Михайлович Нименький

курсант 4 курса

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России, г. Владивосток

Научный руководитель – Прудникова Ирина Викторовна
преподаватель кафедры оперативно-разыскной
и административной деятельности ВФ ДВЮИ МВД России

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПРОС»

Статья посвящена оперативно-разыскному мероприятию «опрос». Характеризуются виды опроса, раскрываются элементы его организации, а также проблемы, возникающие при проведении оперативно-разыскного мероприятия.

Ключевые слова: оперативно-разыскное мероприятие, опрос, до-
ставление, дистанционные способы проведения опроса.

Опрос – это одно из оперативно-розыскных мероприятий по сбору информации в процессе непосредственной беседы сотрудника оперативного подразделения (лица, действующего по его поручению или заданию) с гражданами, которые осведомлены или могут знать о лицах, фактах и обстоятельствах, представляющих интерес для решения задач оперативно-разыскной деятельности (далее ОРД)[4]. Опрос, фактически, представляет собой обычную беседу. Беседа это основной способ получения информации для сотрудников органов внутренних дел, для других сотрудников правоохранительной системы, а также для обычных людей. Опрос так же один из способов получения информации в психологии. Несмотря на такую обширность применения опроса, существует множество проблем его применения. Тактика проведения опроса, психологические основы являются непонятными для многих сотрудников. Как говорит один из оперативных сотрудников, при проведении опроса нет необходимости для использования

какой-либо тактики, несмотря на то, что результативностью опроса он недоволен.

Результаты научных исследований и практика применения исследуемого мероприятия позволяют выделить следующие виды опроса

- с зашифровкой цели и без таковой;
- гласным и негласным;
- с подготовкой и без подготовки;
- без применения технических средств, с их применением и с использованием полиграфа;
- а также при необходимости легендированным.

Различные виды опроса могут сочетаться в рамках одного действия и представлять собой различные оперативные комбинации, образуя самостоятельные подвиды осмотра.

Опрос – это сложное оперативно-разыскное мероприятие (далее ОРМ), которое условно можно разделить на три стадии: начало беседы, получение информации и выход из беседы [7]. Несмотря на наличие трех обязательных стадий проведения исследуемого мероприятия, не стоит так же забывать, о подготовке к проведению опроса, которая в некоторых ситуациях не менее важна, чем получение информации, особенно при опросе несовершеннолетних. На первый взгляд может показаться, что самой важной стадией ОРМ является получение информации, но это является только целью опроса, достичь которую без начала беседы невозможно. А в связи с тем, что в большинстве случаев возникает необходимость повторения опроса, необходимо грамотно выйти из беседы, чтобы у человека не возникло негатива к опрашивающему лицу.

Следует помнить, что деятельность оперативных подразделений носит строго законодательно регламентированный характер. В связи с этим многие проблемы данной деятельности в законодательных нормах находят свое отражение только через большой промежуток времени.

В практике существует множество случаев, когда человек, представляющий оперативный интерес, покидал свой город, а возможно

край или область, но, несмотря на это, оперативным подразделениям всё равно необходимо провести ОРМ. В такой ситуации в настоящее время существуют только два метода решения: во-первых, это командирование оперативного сотрудника к месту пребывания лица, во-вторых, - направление запроса в соответствующий орган, того региона, где на данный момент находится интересующий человек [5].

При необходимости проведения ОРМ, на территории другого региона, чаще всего решают отправить оперативного сотрудника в командировку. Отправка оперативного сотрудника в командировку имеет ряд преимуществ:

Осуществление оперативно-разыскной деятельности субъектом, которое владеет всей информацией о лице, он полностью ознакомлен с материалами и оперативной информацией.

Заинтересованность лица в положительном исходе. Несмотря на общую цель – пресечение преступлений, статистика раскрытых преступлений ведется за каждым сотрудником. Поэтому каждый сотрудник заинтересован в разрешении своих дел, а не помощи коллегам.

В свою очередь, отправка в командировку также имеет и свои недостатки: во-первых, отправка сотрудника в командировку требует больших финансовых затрат (оплата проезда в место проведения ОРД, оплата суточных, съема жилья и др.).

Во-вторых, командировка сотрудника в другой регион отрицательно складывается на других делах оперативного сотрудника, так как невозможно параллельно проводить оперативно-разыскные мероприятия по разным делам оперативного учета, или лицам, которые находятся в разных городах [8].

Помимо отправки запроса в соответствующий орган и отправки в командировку сотрудника, существует еще один способ проведения опроса дистанционно, который является интеграцией первого и второго способа – опрос при помощи видеоконференц-связи. Возможность использования видеоконференц-связи в судебной системе законодательное закрепление нашло еще в 2011 году путем внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации:

«Свидетель и потерпевший могут быть допрошены судом путем использования систем видеоконференц-связи»[3].

В остальные сферы правоохранительной деятельности возможность использования систем видеоконференц-связи на данный момент законодательно еще не закреплена, но и норм, прямо запрещающих данное действие тоже нет. Опрос при помощи видеоконференц-связи, на наш взгляд, необходимо рассматривать как опрос с использованием технических средств, который не требует санкционирования. Тем не менее, следует указать в рапорте о том, что применялись технические средства, вид и тип технических устройств, используемых при проведении ОРМ, условия производимой записи и текст беседы [6].

Обратим внимание на проведение опроса в отделе полиции зачастую имеет тактическую необходимость:

1. Опрос в отделе полиции оказывает на граждан психологическое воздействие, придает официальность данному действию, тем самым побуждая гражданина давать правдивые показания.

2. Когда причастность лица фактически установлена, но юридических оснований для привлечения к уголовной ответственности недостаточно. В ходе опроса и проведения профилактической беседы, возможно склонение лица к даче правдивых показаний. Тогда будет удобнее, если лицо после дачи правдивых показаний сразу же будет допрошено следователем в качестве свидетеля, а после подозреваемого.

Несмотря на такие значимые плюсы при проведении опроса в отделе полиции, законодательно оснований такого опроса практически нет, поэтому на практике сотрудники вынуждены использовать иные основания доставления лица в отдел полиции и лишь после этого проводить опрос.

Оснований доставления граждан в отдел полиции на данный момент всего два. Во-первых, это общее право сотрудников полиции: «доставлять граждан, то есть осуществлять их принудительное препровождение, в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение в целях решения вопроса о задержании гражданина (при невозможности решения данного вопроса на месте);

установления личности гражданина, если имеются основания полагать, что он находится в розыске как скрывшийся от органов дознания, следствия или суда, либо как уклоняющийся от исполнения уголовного наказания, либо как пропавший без вести; защиты гражданина от непосредственной угрозы его жизни и здоровью в случае, если он не способен позаботиться о себе либо, если опасности невозможно избежать иным способом, а также в других случаях, предусмотренных федеральным законом»[2].

Во-вторых, это право дается в рамках административного производства: «Доставление, то есть принудительное препровождение физического лица в целях составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, если составление протокола является обязательным, осуществляется» [1].

Таким образом, на данный момент проведение опроса на расстоянии, в другом субъекте Российской Федерации или в другом городе решается либо отправкой в командировку сотрудника, либо отправлением запроса на проведение ОРМ. Предлагаемый нами способ проведения опроса с помощью видеоконференц-связи, по аналогии с судебной деятельностью, позволит существенно сократить финансовые затраты на его проведение и, самое главное, временные. Полагаем возможным закрепить данный способ и в законе «Об оперативно-розыскной деятельности».

Список используемой литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.10.2017) // Российская газета, № 256, 31.12.2001
2. О полиции от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Российская газета, № 25, 08.02.2011
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 03.04.2017)//Российская газета, № 249, 22.12.2001.

4. Алгазин И.И., Бакланов Л.А. и др. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности. М, 2014.
5. Дубоносов Е.С.. Основы оперативно-розыскной деятельности. Учебное пособие /под ред. Проф. Г.К. Синилова. М, 2012
6. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» /постатейный комментарий Вагин О.А., Исиченко А.П., Чечетин А.Е. М.: "Деловой двор", 2013. С. 84-93.
7. Чуфаровский Ю.В. Опрос как метод получения информации в оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов // Юрист. № 1. 1999. С. 22-24.
8. Чуфаровский Ю.В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности. М. Проспект, 2015.

Елена Сергеевна Орлова

курсант 4 курса

Владивостокский филиал Дальневосточного
юридического института МВД России, г. Владивосток
Научный руководитель – Шадрина Анна Николаевна
преподаватель кафедры государственно-правовых
и гражданско-правовых дисциплин ВФ ДВЮИ МВД России

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Статья посвящена анализу зарождения, становления и развития российского уголовного законодательства начиная с Древней Руси и заканчивая современным Уголовным Кодексом Российской Федерации 1996 года.

Ключевые слова: Уголовный закон, кодекс, законодательство, Русская Правда, Соборное Уложение, Россия.

Российское уголовное законодательство имеет длительную историю, изучение которой является одним из важнейших элементов для

понимания его современного состояния и определения путей и перспектив его дальнейшего развития и совершенствования.

Процесс появления и развития российского уголовного законодательства был трудным, постепенным и достаточно длительным. Уголовное законодательство имеет богатую историю, тесно взаимосвязанную с историей становления Российского государства в целом. Становление российского законодательства формировалось на протяжении многих столетий и прошло путь от обычая уголовного права, существовавшего в устной форме, до современного Уголовного Кодекса Российской Федерации, который был принят в 1996 году.

Наука уголовного права прослеживает переход и усовершенствование российских уголовных законов от принципа талиона «око за око, зуб за зуб» до принципов гуманизма, становление интересов личности выше интересов общества и государства, неприменения смертной казни, которая очень приветствовалась во времена средневековья [1].

Самым ранним российским письменным сборником законов является Русская Правда, относящаяся к XI-XII вв. В ней наиболее полно отражены нормы уголовного права [2].

В Русской Правде закреплялся целый ряд древнейших народных юридических обычаев. Наряду с обычаем, источником Русской Правды послужили уставы князей и решения судов. Также одним из источников стали нормы византийское право, которые проникли вместе с принятием христианства на Руси. Нормы уголовного закона в соответствии с Русской Правдой представляли собой совокупность конкретных деяний и раскрывали негативные последствия для лица, совершившего какое-либо из указанных в Русской Правде деяний [3].

Такой термин как «преступление» в Русской правде не упоминается, вместо него используется термин «обида». Под преступлением (или обидой) было принято понимать причинение физического, материального или морального ущерба конкретному человеку, его личности, имуществу. На наш взгляд хоть вышеназванное понятие преступления существенно отличается от современного, данного в ст. 14 Уголовного Кодекса Российской Федерации, однако отражает суть

деяния, именуемого преступлением, поскольку преступление всегда тесно связано с причинением различного рода вреда.

Характерной чертой права времени Русской Правды являлось отсутствие каких-либо существенных различий между уголовными и гражданскими правонарушениями.

Субъектами преступления в обществе времени действия Русской Правды выступали феодалы, городской люд и зависимые крестьяне. Холопы, т.е. лично зависимые крестьяне за свои преступления подлежали ответственности иного рода, иными словами отсутствовал принцип равенства перед законом и судом. В соответствии с Русской правдой холопа, нанёсшего удар свободному человеку, разрешалось убить [4].

Преступления не были систематизированы, Русская Правда знала лишь две категории: против личности – убийство, телесные повреждения, оскорбление действием и пр.; против имущества – кража (татьба), поджог, конокрадство, потрава посевов, использование чужого имущества и др.

Преступления против государства и против церкви, а также должностные преступления на указанном этапе развития уголовного законодательства еще не выявлялись [5].

Вплоть до конца XIV века Русская Правда признавалась действующим законодательным актом, но с течением времени она постепенно стала утрачивать своё значение.

В XV в. уголовное законодательство подверглось значительным изменениям, это было вызвано усилением классовых противоречий. Основные идеи уголовного законодательства того времени нашли своё отражение в Судебнике 1497 года, а вслед за ним появился и Судебник 1550 года.

Судебник 1497 года или Судебник Ивана III. Принятие единого свода законов и введение единой системы суда послужили основными причинами его появления. Впервые за всю историю отечественного права указанный акт был кодифицирован и внёс единообразие в судебную практику [6].

Многие учёные отмечают, что в Судебнике 1497 года преобладали нормы процессуального права, и лишь изредка можно было встретить нормы материального права.

Если в Русской Правде под преступлением – «обидой» понималось причинение материального или морального ущерба, то в данном судебнике на первом месте стояла защита общественного и правового порядка. Под преступлением понималось нарушение установленных норм и вместе с тем воли государя, которая как считалось, была тесно связана с интересами государства и общества в целом, но конкретного понятия преступления в Судебнике закреплено не было.

Усиление власти царя и как следствие укрепление позиций абсолютизма обусловило развитие форм внесудебной расправы.

Важной особенностью уголовного права того времени было то, что возраст преступника, его пол, социальная принадлежность, но на наш взгляд самое главное виновность лица имели прямое и непосредственное значение для назначения преступнику наказания. Особое влияние на утверждение практики привлечения к уголовной ответственности с 7 лет оказали нормы канонического (религиозного) права, поскольку с этого возраста человек получал разрешение причащаться. Уголовная ответственность в полном объеме наступала для женщин с 12 лет, а для мужчин с 14 лет, данная особенность Судебника была напрямую связана с достижением так называемой «гражданской и семейной» зрелости, поскольку с достижением этого возраста лицо в полной мере могло нести имущественную ответственность [7].

Как уже было указано ранее «виновность преступника была обязательным элементом привлечения к уголовной ответственности».

На наш взгляд с появлением Судебников 1497 и 1550 годов отечественное уголовное законодательство вышло на более высокую ступень развития, поскольку в отличие от первого памятника права Русской Правды, Судебники были кодифицированы, наказания были систематизированы, был установлен минимальный возраст уголовной ответственности и возраст, по достижении которого лицо несло уголовную ответственность в полной мере, а установление виновности

лица в являлось важным элементом для привлечения его к уголовной ответственности.

Следующим этапом в развитии российского уголовного законодательства принято считать Соборное Уложение 1649 года [8].

Необходимо отметить, что в Судебнике 1649 года особое внимание законодатель уделил нормам Общей части. Впервые в истории преступления делились на умышленные, неосторожные и случайные. Появились такие уголовно-правовые понятия как необходимая оборона и крайняя необходимость, лица различались по степени участия в деянии на инициатора, исполнителя, пособника и укрывателя, иными словами фактически сформировался институт соучастия.

Субъектами преступления признавались как отдельные лица, так и группа лиц. Судебник делил их на основных и второстепенных. Соучастие могло быть физическим (содействие, практическая помощь) либо интеллектуальным (например, подстрекательство к убийству в ст. 7 гл. XXII). Если раньше холоп не признавался полноценным субъектом преступления, то по Соборному Уложению Субъектом мог нести самостоятельную уголовную ответственность [9].

Государство, церковь, семья, личность и нравственные ценности признавались объектами преступного посягательства. Впервые в истории отечественного законодательства «в светскую кодификацию были включены преступления против религии, которые ранее находились в юрисдикции церкви».

Основная цель наказания существенно отличалась существенно отличалась от ранее существовавших. Наказание преследовало задачу устрашения, а также преследовались цели обезвреживания преступника. Данные цели перекликаются с задачами современного уголовного права, поскольку на сегодняшний день одной из первостепенных задач, стоящих перед современным уголовным кодексом является необходимость сделать лицо, совершившее преступление безопасным для социума [10].

Соборное Уложение 1649 года являлось действующим законодательным актом вплоть до начала XVIII века.

Российское законодательство не стояло на месте, а стремительно развивалось. Главным источником уголовного права России XVIII века стал Наказ Екатерины II, изданный 30 июня 1767 года.

К уголовному праву относилось 227 статей, и главной его целью было обеспечение законности и правосудия в России.

Изучая историю отечественного уголовного законодательства нельзя не остановиться на уголовно-правовых актах эпохи Николая I. Главными задачами времени его правления были систематизация и упорядочивание российского законодательства, без изменения его сути [11].

В 1835 году вступил в силу Свод законов Российской империи, включавший в себя нормы уголовного права. Свод отменил Уложение 1649 года, Артикул воинский Петра I и все указы, изданные с 1649 г. Уголовно-правовые нормы впервые были разделены на материальные и процессуальные.

Свод содержал Общую и Особенную части. Общая часть называлась «О существе преступлений и разных родах казней и наказаний» и включала в себя 181 статью, Особенная – 584 статей.

Свод законов собрал воедино действующее уголовное законодательство России и стал действующим источником уголовно-правовых норм.

После издания свода законов был издан еще один законодательный акт, содержащий уголовно-правовые нормы – уголовное Уложение. Он вступил в силу 1 мая 1846 года.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных дает законодательное определение преступления, «преступлением или проступком признается как самое противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания уголовного или исправительного законом предписано. Преступлением признавалось как действие, так и бездействие. Разграничение преступлений и проступков проводилось по объекту посягательства, хотя и не очень четко».

Впервые был определен минимальный возраст уголовной ответственности. Юридически он устанавливался с 7 лет, но фактическим возрастом уголовной ответственности признавалось 10 лет.

Уложение не содержит четких целей и задач наказания, устанавливая при этом сложную казуальную систему.

Уголовное уложение 1903 года стало следующим этапом в развитии отечественного законодательства. Новое уложение значительно отличалось от предыдущего своей краткостью. Общая часть содержала лишь одну главу, которая именовалась «О преступных деяниях и наказаниях вообще [12].

Вина по Уложению 1903 года делилась на умысел и неосторожность.

Уголовное уложение полностью так и не было введено в действие, в последующем изменялось и дополнялось. Но в целом юридический уровень данного документа был высок. Уложение отражало все основные понятия уголовного права, причем они достаточно разработаны даже на сегодняшний день. Уголовное уложение 1903 года действовала вплоть до 1917 года.

После октябрьской революции народные суды руководствовались декретами рабоче-крестьянского правительства и «социалистической совестью».

В декабре 1919 г. были приняты Руководящие начала по уголовному праву РСФСР и были своего рода прототипом будущей Общей части УК. Данный законодательный акт, можно сказать, положил начало развитию советского уголовного законодательства.

Первым же кодексом нового советского государства стал УК РСФСР 1922 г. Это был самый краткий из всех известных мировой истории кодекс: всего 218 статей. Одну четверть занимали нормы Общей части[13].

Понятие преступления носило классовый характер: «Преступлением признается всякое опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времен»[14].

Следующий УК РСФСР был принят 22 ноября 1926 г. и введен в действие с 1 января 1927 г. Наиболее важным в Уголовном кодексе 1926 было развитие материального признака преступления, в которое было включено такое понятие как малозначительность деяния.

Последним из кодексов времени существования СССР стал уголовный кодекс РСФСР 1960 года. Как и предшествующие кодексы советского периода, он предусматривал своей задачей защиту государственного строя и социалистической собственности, личности и прав граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств[15].

Следующий этап развития уголовного законодательства ознаменовался принятием в 1996 году ныне действующего Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Таким образом, уголовное законодательство России прошло довольно длительный путь развития. Начиная с Русской Правды, в которой под совершением преступного деяния понималось «нанесение обиды» до современного Уголовного Кодекса Российской Федерации 1996 года – совершенного уголовно-правового акта, отвечающего требованиям современного общества и государства.

Список источников и литературы

1. История государства и права России / Под ред. Ю.П. Титова. М. 2013.
2. Российское законодательство XX веков; В 9 т. / Под общ.ред. О.И. Чистякова. Т. В.; Законодательство Древней Руси. М. Наука, 2010.
3. Алихаджиева И.С., Даурова Т.Г., Лиценбергер О.А. Уголовное право: история и современность. Вопросы общей части: Учебное пособие / Под ред. Т.Г. Дауровой. Саратов, Академия права, 2010.
4. Российское уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова, М., Норма, 2010.
5. Юткин В. Судебник Ивана III - первый кодифицированный правовой акт на Руси // Российская юстиция. 2016. №7. С. 47.
6. Рогов В.Л. Проблемы истории Русского уголовного права: Автореф, дис. ... д-ра юрид.наук. М., 2005.
7. Очерки истории государства и права России с древнейших времен до 1917 года: Учебное пособие / Под ред. И.А. Исаева. М., Юридическая литература, 1992.

8. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года // Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. / Под общ.ред. О.И. Чистякова. Т. 3: Акты Земских соборов. М., Наука, 2008.
9. Российское уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред, В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М., Норма, 2015.
10. Российское законодательство XX веков: В 9 т./Под общ.ред. О.И, Чистякова. Т. 3: Акты земских соборов. М., Наука, 2009.
11. Коняхин В.П. Предпосылки законодательного закрепления общей части российского уголовного права (К 170-летию принятия Свода законов Российской империи) //Государство и право. 2017. № 4.
12. Российское уголовное право. Общая часть: Учебник/ Под ред. В.Н. Кудрявцева и Л.В. Наумова. М., Норма, 2014.
13. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство XX веков; В 9 т./ Под общ ред. О.И. Чистякова. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. М., Наука. 2015.
14. Российское законодательство XX веков: В 9 т. / Под общ.ред. О.И. Чистякова, Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. М., Наука, 2014.
15. Пашковская А.Б. К 150-летию Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Государство и право. 2016. № 11.

Наталья Эдуардовна Павленко

аспирантка 2 курса

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

**ОСОБЕННОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ
(90-е годы XX в.)**

В статье рассмотрены исторические аспекты становления предпринимательства в Дальневосточном регионе в период 90-х годов XX века, которое происходило в сложной социально-экономической

обстановке, сложившейся в российском государстве в целом. Рассматриваются региональная специфика развития дальневосточной экономики в условиях перехода к рыночной экономике. Выявлены основные проблемы в сфере предпринимательской деятельности на Дальнем Востоке в 90-е годы XX века.

Ключевые слова: предпринимательство, реформирование, незаконное предпринимательство, перестройка, приватизация, собственность.

С конца 80-х – 90-х гг. XX века в России были предприняты попытки глубокого реформирования хозяйственного механизма, изменения отношений собственности и перехода к рыночным отношениям. Уже первые шаги к достижению цели привели экономику к кризису, что было обусловлено, в том числе, острой политической борьбой. На очередном XXVI съезде М.С. Горбачев сформулировал основные направления политики реформ, названной впоследствии перестройкой. Реформы были нацелены на совершенствование управления сферой производства и законодательства. В 1988 г. вышел Закон «О кооперации в СССР», который, с одной стороны, окончательно разрушал сложившуюся в течение многих десятилетий экономическую систему, а, с другой, он фактически создавал основы для частного предпринимательства. В этих условиях удалось лишь создать предпосылки для функционирования рыночных основ экономики и ее структурной перестройки, а также сформировать во многих регионах страны и слоях общества психологию предпринимательства. Совершенствовалась правовая основа предпринимательства.

В Конституции Российской Федерации 1993 г. содержались основные положения, гарантирующие свободу экономической деятельности, система налогообложения, некоторые критерии по проблемам собственности. С одной стороны, это составляло основу для перехода на рыночную экономику, а, с другой, четкого определения понятия предпринимательской деятельности не было. Вначале предпринимательство рассматривалось как «самостоятельная инициативная деятельность, направленная на получение прибыли». Ст. 2 Гражданского

Кодекса РФ содержала иную трактовку, согласно которой «предпринимательской деятельностью является осуществляемая на свой риск деятельность, направленная, на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицам, заинтересованным в этом качестве услуг в установленном законом порядке» [1, с.31, 101].

Экономические реформы 90-х годов и потребность в осуществлении более эффективной защиты прав и законных интересов потребителей и государства в условиях перехода к рыночным отношениям привело к первой в постсоветской России попытке создать систему норм, направленных на защиту предпринимательской деятельности. Это повлияло на принятие Закона РФ от 1 июля 1993 г., который включил в УК РСФСР 1993 г. статью 162.4 о незаконном предпринимательстве. Она предусматривала три различных вида незаконного предпринимательства и уголовную ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии). Частью 2 ст. 162.4 вводился квалифицированный вид незаконного предпринимательства – самовольное осуществление предпринимательской деятельности, разрешенной исключительно государственным предприятиям [2].

В новых условиях особое место и роль в развитии экономики отводились Дальневосточному региону, спецификой которого являлись удаленность от центра, недостаточная степень освоения, огромные запасы природных ресурсов и малонаселенность.

Новые законодательные акты, а также позиция правительства, нацеленная на ускорение процесса формирования нового типа хозяйствования, способствовали вовлечению активной и деловой части населения в предпринимательскую среду.

Нельзя сказать, что путь к правовому и общественному признанию частной собственности был простым. Резкий переход к рыночным отношениям предполагал необходимость определенных изменений в психологии людей, в отношениях между властью и обществом, а также готовность власти предупреждать и пресекать проявления преступлений различного рода. В этих условиях проявился вполне зако-

номерный интерес к истории дореволюционного предпринимательства, его традиций, форм организации и правового регулирования. Особая роль отводилась также образованию различных государственных и общественных организаций. В 1991 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял Постановления «Вопросы перестройки юридического образования в РФ» и «О подготовке молодых предпринимателей» которые были нацелены на подготовку молодых юристов и предпринимателей с целью повышения профессионализма в этой сфере [3, с.300]. Был создан также «Российский союз молодых предпринимателей», создавались «Школы молодых предпринимателей». Министерство иностранных дел РСФСР и Министерство внешнеэкономических связей РСФСР содействовали обучению и стажировок в иностранных фирмах и учебных заведениях преподавателей и слушателей школ молодых предпринимателей.

Большую роль сыграло введение во многих университетах спецкурсов «Основы предпринимательской деятельности». Все это способствовало тому, что предпринимательство в России постепенно принимало необратимый процесс.

В конце октября 1991 г. в России была обнародована программа радикальных экономических преобразований, содержащей методы «шоковой терапии», авторами которой была группа экономистов во главе с Е.Т. Гайдаром. Особенностью программы было заимствование идей у западных государств. По замыслу авторов приватизация должна была способствовать превращению России в демократическое, правовое и социальное государство. Этому способствовало введение свободных цен на товары и услуги, конкуренцию между отраслями промышленности и предприятий, освобождение от государственного контроля внутренней и внешней торговли, а также приватизацию и акционирование основных средств, принадлежащих государству. Что касается промышленности и сельскохозяйственного производства, то здесь предусматривалось «разгосударствление».

В целом этот процесс предусматривал превращение широких народных масс в собственников и предпринимателей. Согласно законам РСФСР от 31 октября и 24 декабря 1990 г. на Дальнем Востоке

создавались комиссии для осуществления контроля и содействия процессу разгосударствления и приватизации. Одним из условий разгосударствления являлась максимальная защита социальных прав работников предприятий, что постоянно нарушалось. Только во втором полугодии 1992 г. в Приморском крае приватизировалось 668 магазинов, кафе, столовых. Было продано 129 таких объектов в частную собственность, выплату многим разрешили в течение трех лет. В бюджет края должно было поступить 2 млрд. 155 млн. рублей, однако деньги так и не поступили. Происходило также незаметное перераспределение пакета акций, которые шли директорам предприятий – членам ПАКТ. В целом в Приморском крае хищение государственного и общественного имущества возросло с 370 случаев в 1985 г. до 9344 в 1991 г. [4, с. 88, 89].

Таким образом, разгосударствление в экономике России произошло по многим признакам формально, главная цель приватизации – формирование «эффективного собственника» не могла быть достигнута.

С началом 1990-х годов предпринимательство повсеместно стало инструментом осуществления частной хозяйственной деятельности в Российской Федерации. Первой частью Гражданского Кодекса РФ были определены основные организационно-правовые формы осуществления предпринимательской деятельности. Таковыми стали – предпринимательская деятельность граждан, осуществляемая без образования юридического лица (или – «индивидуальное предпринимательство») и предпринимательская деятельность юридических лиц – коммерческих организаций, зарегистрированных в разнообразных правовых формах, наиболее распространенными из которых стали «общество с ограниченной ответственностью» и «акционерное общество» [5].

Процесс становления и развития нового российского предпринимательства, а также реализация программы приватизации сопровождались кризисными явлениями, что привело к увеличению, а, зачастую, и появлению целого ряда новых экономических преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Одна из причин этого явления заключалась в том, что государство, провозгласив переход к

рыночной экономике, не обеспечило этот процесс должной программой поддержки и развития предпринимательства, а также явилось естественным следствием разрушения национальной экономики и денежно-финансовой системы, проявлением слабости власти на всех уровнях общественного управления – государственном, региональном и местном. Особенно негативно это отразилось на Дальневосточном регионе в силу слабых экономических связей, как с центральными районами России, так и между регионами Дальнего Востока. В результате предпринимательская деятельность принимала специфические незаконные формы («рыбная мафия», «лесная мафия», «строительная мафия» и др.), что значительно затрудняло развитие предпринимательства в целом.

Список использованной литературы

1. Жилинский С.Э. Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности). М.: Изд-во НОРМА, 2003. 912 с.

2. О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с упорядочением ответственности за незаконную торговлю: закон РФ от 1 июля 1993 г. №5304 – 1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1993. 12 авг. №23, ст. 1231.).

3. Предпринимательская деятельность в России: сборник законодательных и нормативных актов / сост. В.А. Берзин, Е.В. Давыдов, В.Г. Смольков, В.М. Федин. М., 1991. С. 295-313.

4. Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 2006. 348с.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10164072/>

Александра Альбертовна Пилтоян

курсант 2 курса

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России, г. Владивосток

Научный руководитель – Шадрина Анна Николаевна
преподаватель кафедры гражданско-правовых
и государственно-правовых дисциплин ВФ ДВЮИ МВД России

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА РОССИИ

В данной статье рассматриваются история развития и правовое положение коренных малочисленных народов, проживающих на Севере России. Обозначены основные принципы организации управления инородцев, а также представлены разнообразные формы общественной самоорганизации коренных малочисленных народов

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера России, инородцы, образ жизни, положение.

Коренные малочисленные народы Севера России исторически стремились независимо устанавливать образ жизни и типы своей хозяйственной деятельности. На протяжении большого периода времени коренные малочисленные народы Севера России практически не взаимодействовали с государственными организациями, что предоставило им вероятность независимо устанавливать типы своей организации и правила, которые должны были соблюдать практически все проживающие на северных территориях.

Россия до начала XIX века не оказывала внимания к формированию на заселенных территориях специальных органов власти и управления государства. Более того, российское государство стремилось сохранять на территориях, заселенных этими народами, сложившуюся там феодально-племенную систему. Оно удовлетворялось тем, что здешние правители стали целиком подчиненными от определяемых центральной властью чиновников.

Положение северных народов России регламентировалось на основании «Устава об управлении инородцев» 1822 года, созданного под руководством М.М. Сперанского [1, ст. 355].

В данном документе все северные народы были названы «инородцами». Они подразделялись на оседлых, кочевых и бродячих. К оседлым причислялись инородцы, которые обладали устойчивой оседлостью, проживали деревнями или в городах, вспыхивали землю, занимались торговлей и промыслом. Кочевыми инородцами признаются те, которые имеют оседлость, хотя устойчивую, но по временам года изменчивую и не живут поселениями. И, в конце концов, к бродячим инородцам относятся те, которые, не обладая никакой оседлостью, передвигаются с одной точки на другую по рекам, по лесам для промысла некоторыми народами или семействами.

Также в Уставе были установлены и основные принципы организации управления инородцев. Старосты избирались во всяком стойбище оленеводов и охотников. Немного стойбищ соединялось под подчинением инородной управы, вверху которой были голова и выборные лица. Губернские управы стали осуществлять общее руководство инородцами с середины XIX века. Тем не менее, в соответствии с уставом и опубликованным на его основе прочим правительственным актам определялось, что бродячие и кочующие обязаны были вести управление «по их личным законам и обычаям», каковые до знакомой степени проверялись местной государственной властью. «На основе племени свойственных» самими инородцами обязаны были разрешаться некоторые аспекты обладания землей.

Несомненно, положение коренных малочисленных народов в России на протяжении XVIII–XIX веков не оставалось неизменным, постепенно оно ухудшалось, а их права ограничивались.

Понемногу начал увеличиваться приток русского населения на территории, на которых традиционно проживали коренные народы. Начинала развиваться несправедливая меновая политика. Переселенцы занимали земли, на которых традиционно расселялись коренные народы. «Инородцев» начали насильственно крестить в православие,

которое во многих местах ограничивалось и не оказывало должного влияния на духовность северных народов.

По показаниям этнографов, в конце позапрошлого века положение инородцев, также включая сибирских, было достаточно тяжелым. В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона в конце XIX века отмечалось: «Воздействие государственной власти на быт инородцев исчерпывалось надзором за их самоуправлением, подчинением их русскому уголовному суду за более тяжкие преступления, ограждением их от некоторых зловредных влияний (от спаивания этноторговцами, закабаления под видом найма, захвата земель), некоторым содействием их промыслам (казенная продажа пороха и др. припасов). Но все эти меры недостаточны для борьбы с экономической безопасностью инородцев. Вымирание инородцев, по крайней мере, сибирских и самоедов – факт, не подлежащий сомнению»[2, с. 189].

А в настоящее время действует большое количество разнообразных форм общественной самоорганизации коренных малочисленных народов, чьей целью является защита их прав и законных интересов, решение проблем социально-культурного и экономического развития этих народов, роста национального самосознания и повышения жизненного уровня [3, с. 75].. Наиболее значимыми из них являются: Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, Международный фонд развития малых народов и этнических групп, Лига малочисленных народов и этнических групп, Фонд малочисленных народов Севера и др.

Список использованной литературы

1. Коркунов И.М. Русское государственное право Т.–1. Введение в общую часть. СПб, 1908. 406 с.
2. Энциклопедический словарь Т. XIII Брокгауз. М, 1894. 235 с.
3. Вестник УИЭУиП. №4(5). 2015.119 с.

Александра Альбертовна Пилтоян

курсант 3 курса

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института
МВД России, г. Владивосток

Научный руководитель – Волгина Татьяна Львовна,

доцент кафедры гуманитарных дисциплин

ВФ ДВЮИ МВД России, кандидат медицинских наук, доцент

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ДЕТЬМИ И ПОДРОСТКАМИ – ЖЕРТВАМИ И СВИДЕТЕЛЯМИ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

Статья посвящена социально-правовым, психологическим проблемам проведения следственных действий с детьми и подростками, ставшими жертвами или свидетелями сексуального насилия. Проводится анализ правовой базы, регламентирующей проведение следственных, оперативных мероприятий в ситуации преступлений против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних и малолетних Российской Федерации и некоторых европейских государств, в которых в настоящее время активно внедряются новые формы проведения следственно-оперативных мероприятий с детьми и подростками, подвергшимися сексуальному насилию.

Ключевые слова: преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, допрос, опрос, несовершеннолетний потерпевший или свидетель, психолог/педагог.

В Российской Федерации на сегодняшний день не существует детально-разработанной правовой регламентации проведения опроса и допроса детей и подростков, ставших жертвой или свидетелем сексуального насилия. Повторные встречи, беседы, опросы и допросы в процессе проведения следственно-оперативных мероприятий с посторонними взрослыми людьми, часто – противоположного пола, наносят существенный вред психике ребёнка, усугубляют уже име-

ющиеся психические расстройства. Даже психологи и педагоги, не имеющие специальной подготовки могут нанести вред психике несовершеннолетних и малолетних.

В связи с вышесказанным нарушается Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений, заключенная в г. Лансароте 25 октября 2007 года (ратифицированная Федеральным законом от 7 мая 2013 года № 76-ФЗ), предусматривающая специальные условия для допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.

С начала 90-х годов активно обсуждаются в психиатрической и медицинской литературе проблемы пренебрежения детьми и жестокого обращения с ними. С 2009 по 2016 год существенно возросло как число преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, так и их удельный вес среди всех преступлений в отношении несовершеннолетних.

На фоне совершения преступлений против половой неприкосновенности у несовершеннолетних появляются психические проблемы. Наиболее частыми последствиями сексуального насилия являются развитие эмоциональных расстройств тревожного и депрессивного спектра, острого реагирования на стресс, посттравматического стрессового расстройства.

Необходимо определить правовые источники, регламентирующие защиту половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Международные правовые источники: Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 г, которая посвящена защите детей; Конвенция ООН о правах ребенка от 16 августа 1990 г. (Ратифицирована Россией 24 сентября 2013 г)

Основным источником права в Российской Федерации является Конституция, которая, согласно ч. 1 ст. 22, устанавливает: «каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность» [1, ч.1 ст.22].

Орудием осуществления уголовно-правовой политики России в сфере сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних детей является Уголовный кодекс РФ, он же устанавливает санкции,

за совершение таких преступлений (глава 18 УК РФ ст. 131, ст. 132, ст. 133, ст. 134).

Особенности допроса несовершеннолетних в России регламентируются согласно ст. 191 УПК РФ. В ч.1 этой статьи сказано, что при проведении допроса с участием потерпевшего, который или не достиг возраста 16 лет, или достиг этого возраста, но отстает в психическом развитии или страдает психическим расстройством, участие психолога либо педагога обязательно. При производстве указанного следственного действия, в котором принимает участие несовершеннолетний, достигший возраста шестнадцати лет, психолог или педагог приглашается на усмотрение следователя [2, ст. 191].

К сожалению, чаще всего в такой ситуации педагог просто наблюдает за процессом.

Подбор и постановку вопросов, планирование допроса производит следователь, не всегда имеющий достаточное количество знаний о детской психологии, ставящий перед собой задачу минимизировать травматизацию ребенка и обладающий навыками общения с детьми.

В последующем на протяжении следственных действий и в суде сопровождение несовершеннолетнего потерпевшего осуществляет законный представитель, чаще всего являющийся ближайшим родственником. Для него ситуация правонарушения также была травматичной, и он не всегда может оказать необходимую поддержку [3].

Далее необходимо остановиться на законодательных актах иностранных государств.

В соответствии с УПК Латвии, допрос несовершеннолетних должен производиться в присутствии психолога или педагога. Педагог или психолог, которые присутствуют на допросе, могут задавать вопросы с разрешения прокурора или дознавателя, а также знакомиться с содержанием протокола допроса и делать в нем соответствующие замечания о правильности и полноте протокола (письменно), и, конечно же, подписывать протокол [4, с. 5].

Статьей 226 УПК Украины от 13 апреля 2012 года устанавливаются особенности проведения допроса несовершеннолетних, а именно:

1) допрос проводится в присутствии психолога, педагога или законного представителя, а при необходимости – врача; 2) допрос не может продолжаться без перерыва более одного часа, а в целом – более двух часов в день; 3) законный представитель, педагог или психолог, а при необходимости – врач обязаны присутствовать при допросе, а также имеют право возражать против вопросов и задавать вопросы.

Первым государством из содружества стран СНГ, внедрившим опыт зарубежных коллег, стала Белоруссия, где в 2000 году было создано общественное объединение «Понимание». На данный момент это уже международное объединение, имеющее свои отделения не только в Белоруссии, но и в Литве и Украине.

Международное общественное объединение реализует проект «Внедрение модели Барнахюс в Беларуси» при поддержке Всемирного фонда детства (Швеция), в рамках которого осуществляется система мер психологической поддержки детей, оказавшихся в непростой жизненной ситуации. Данная система мер включает в себя открытие специализированных комнат опроса детей – жертв насилия. Первая подобная комната появилась в Минске в 2009 году.

Описанные комнаты опроса могут называться в различных государствах «дружественными комнатами», «зелеными комнатами».

В России так называемые «Зеленые комнаты» создаются на базе социально-реабилитационных центров. Первая «Зеленая комната» была открыта в Перми, следом за ней в Кировской области, далее в Кунгуре, Соликамске и Хабаровске. Данные комнаты укомплектовываются игрушками, а также различным оборудованием для релаксации, чтобы опрос ребенка, подвергшегося насилию, был проведен в максимально комфортных для него условиях. В специальных «Зеленых комнатах» с ребенком работают профессиональные детские психологи, а за их работой и реакцией малыша в смежном помещении наблюдают сотрудники следственного комитета.

Проведение опроса ребенка, являющегося потерпевшим или свидетелем в уголовном производстве, осуществляется в специально оборудованном для этих целей помещении с применением методики «Зеленая комната», которая также имеет применение на Украине.

Методика «Зеленая комната» применяется к детям пострадавших вследствие совершения преступлений против половой свободы и неприкосновенности, в возрасте от 4 до 14 лет, а по усмотрению следователя или суда – и в возрасте от 14 до 16 лет.

Законодательство Молдовы (наиболее совершенно из стран СНГ): пункт 5 статьи 60 УПК Молдовы от 14 марта 2003 года предусматривает, что несовершеннолетний, который считается потерпевшим, в возрасте до четырнадцати лет допрашивается как свидетель по уголовным делам о преступлениях сексуального характера только в том случае, если для этого необходимо удовлетворить интересы или правосудия, или самого несовершеннолетнего потерпевшего.

Статья 110-1 определяет специальные условия, в соответствии с которыми допрашивается несовершеннолетний свидетель:

1) допрос несовершеннолетнего свидетеля не должен негативно влиять на его состояние психики;

2) при необходимости психолог/педагог может переформулировать вопросы, способные травмировать несовершеннолетнего свидетеля;

3) обвиняемый, подозреваемый, их защитник, прокурор и потерпевший задают вопросы судье, который в свою очередь с помощью средств видео- и аудиозаписи передает их психологу/педагогу;

4) психолог/педагог и несовершеннолетний свидетель находятся в помещении, отделенном от судьи и от других сторон, которые участвуют в данном процессуальном действии;

5) допрос несовершеннолетнего свидетеля, находящегося в возрасте до 14 лет, по уголовным делам о насилии в семье, о торговле детьми или о преступлениях сексуального характера, производится судьей по уголовному преследованию в специальных обустроенных помещениях, которые оснащены средствами видео- и аудиозаписи, с участием психолога/педагога [5, ст. 110-1].

Проанализировав законодательные положения международных актов, УПК и подзаконных актов РФ, УПК иностранных государств, научные позиции юристов и психологов, мы считаем необходимым внести поправки в законы и другие нормативные правовые акты, регламентирующие проведение следственных действий и оперативно-

розыскных мероприятий при расследовании уголовных дел, связанных с совершением насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних и малолетних.

Внести изменения в ст. 191 УПК РФ «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего». Часть 4 данной статьи изложить в следующей редакции: «Проведение допроса, очной ставки, опознания с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста четырнадцати лет, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, торговле детьми или о насилии в семье проводить в отдельных специально обустроенных помещениях, оснащенных средствами аудио- и видеозаписи при участии психолога, прошедшего специальную подготовку».

Наряду с введением изменения ст. 191 УПК РФ, необходимо принятие ряда подзаконных актов, регламентирующих выделение помещений, их оборудования для проведения в них следственных действий с участием несовершеннолетних.

Список использованной литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Уголовно–процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174–ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. №52. (Ч. 1). Ст. 4921. С изм. и доп. на 12.04.2017.

3. Нуцкова Е.В. Сопровождение психологом несовершеннолетних – жертв сексуального насилия [Электронный ресурс] // Портал психологических изданий Московского государственного психолого-педагогического университета. 2012 // Режим доступа <http://psyjournals.ru/files/55254/Нуцкова.pdf>(дата обращения:10.05. 2017 г.).

4. Романцова С.В. Особенности допроса детей, пострадавших от сексуального насилия: сравнительный анализ. // Сравнительно-аналитическое право. № 3-1. Ужгород. 2013.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова № 122 от 14.03.2003.

Дарья Геннадьевна Пляс

преподаватель кафедры Уголовного права и криминологии
Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России, г. Владивосток

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В БОРЬБЕ С ПОЛУЧЕНИЕМ СЕКСУАЛЬНЫХ УСЛУГ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена сравнительному анализу норм уголовного законодательства России, Китая и Дании, предусматривающих ответственность за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего, лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста. Рассматриваются перспективы применения положений уголовных законов зарубежных стран для корректировки диспозиции ст. 240.1 УК РФ, с целью ее эффективного применения и оправдания цели ее принятия.

Ключевые слова: проституция несовершеннолетних, получение сексуальных услуг, сексуальная эксплуатация, зарубежное уголовное законодательство.

Сексуальная эксплуатация несовершеннолетних в современном мире обозначена как одна из серьезных проблем, носящих международный характер. В целях борьбы с ней мировым сообществом принят ряд нормативно-правовых актов, положения которых, обязательны к исполнению во всех государствах их ратифицировавших. В этой связи, положения национального законодательства, должны соответствовать требованиям международного права, касающегося охраны детей и подростков от посягательств сексуального характера, в любых их проявлениях. Данное негативное социальное явление многогранно и проявляется в раз-

личных формах. Одной из форм сексуальной эксплуатации является получение сексуальных услуг несовершеннолетнего лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста. Уголовная ответственность за совершение данного противоправного деяния, предусмотрена уголовным законодательством России и зарубежных стран. Исследуя правовые аспекты привлечения к ответственности за преступное получение сексуальных услуг несовершеннолетнего по российскому уголовному законодательству, предварительно необходимо изучить способ решения обозначенной проблемы в зарубежном уголовном законодательстве.

Необходимость проведения сравнительного анализа норм российского и зарубежного законодательства, касающегося ответственности за получение сексуальных услуг несовершеннолетних, обусловлено тем, что формулировка ст. 240.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего» вызывает существенное количество проблемных вопросов у правоприменителей и на сегодняшний день является малоэффективной. Правовой анализ уголовного законодательства зарубежных стран позволяет изучить различные подходы к пониманию ряда категорий и институтов уголовного права иностранных государств и рассмотреть возможность их использования для совершенствования норм российского уголовного законодательства[1].

В статье, будут рассмотрены такие нормы зарубежного уголовного законодательства, которые, по нашему мнению, являются наиболее конкретизированными и имплементация положений которых возможна в российском уголовном законе.

Так в §8 УК Китайской народной республики «Преступления, связанные с организацией, принуждением, вовлечением в занятие проституцией, предоставлением помещений для этой цели и сводничеством» включена ст. 360 «занятие проституцией или развратом лицом, заведомо знающим о своем заболевании сифилисом, гонореей и другими венерическими заболеваниями, – наказывается лишением свободы на срок до 5 лет, арестом или надзором и дополнительно – штрафом. Связанные с проституцией действия сексуального характера в отношении малолетней, не достигшей 14 лет, – наказываются

лишением свободы 5 и более лет со штрафом». В связи с тем, что покупка сексуальных услуг в Китае карается в соответствии с административным законодательством, уголовно-правовые запреты, на получение сексуальных услуг имеет более узкую сферу действия. Как видно из формулировки уголовно-правовой нормы, ее применение связано с выполнением определенных условиями. В Китае «клиент» проститутки наказывается в двух случаях: 1) если он, пользуясь услугами проститутки (вступая с ней в сексуальную связь), был болен венерическим заболеванием и знал об этом; 2) за пользование услугами проститутки, не достигшей четырнадцати лет. При этом субъектами ответственности могут быть как мужчины, так и женщины [2].

Уголовный кодекс Дании действующий с 1 января 1933 г. в гл. 24 «Половые преступления», предусматривает две нормы об ответственности потребителей сексуальных услуг. «Любое лицо, которое в качестве клиента вступает в половое сношение с лицом, не достигшим возраста 18 лет, зарабатывающим себе на жизнь полностью или частично проституцией, подлежит штрафу или простому заключению под стражу, или тюремному заключению на любой срок, не превышающий двух лет» (§ 223а). «Положения статей 216-220 и Статей 222-223а должны аналогично применяться в связи с сексуальными отношениями с лицами того же пола» (§ 225). Вместе с тем, законодателем предусмотрена поощрительная норма, предусматривающая возможность освобождения от наказания, за действия, подлежащие ответственности по § 223а. «Наказание, подлежащее назначению в соответствии со ст. 216-224 или 226 настоящего Закона, может быть отменено, если лица, вступившие в недозволенные сексуальные отношения, впоследствии заключили брак друг с другом» (§ 227) [3].

Рассмотрение нами положений уголовных законов именно этих стран обусловлено тем, что цель приятия ст. 240.1 УК РФ была определена как борьба с такой формой сексуальной эксплуатации, как проституция несовершеннолетних. Однако формулировка вышеуказанной статьи является достаточно размытой и даже всеобъемлющей, из нее не следует, что привлекать к ответственности следует конкретно «клиентов» несовершеннолетних проституток, что приводит к не-

верному толкованию и впоследствии неправильному применению или неприменению вовсе ст. 240.1 правоохранительными органами РФ. Цель принятия данной статьи не реализовывается. Именно поэтому, необходимо внести коррективы в ст. 240.1 УК РФ со ссылкой на положения уголовного законодательства Дании и Китая и указать, что к ответственности следует привлекать совершеннолетних, пользующихся сексуальными услугами несовершеннолетних проституток.

Список использованной литературы

1. Полянская М.П. Уголовно-правовая охрана общественной нравственности в сфере половой морали: Монография / М.П. Полянская. Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2010.
2. Уголовный кодекс Дании. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
3. Уголовный кодекс Китая. СПб.: Юридический центр Пресс, 2014.

Елена Вячеславовна Полищук

курсант 3 курса

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России, г. Владивосток

Научный руководитель – Шелеметьева Елена Владимировна
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии

ВФ ДВЮИ МВД России

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Статья посвящена анализу норм уголовного законодательства России о принудительных мерах воспитательного воздействия. Раскрываются виды, характеристики и особенности применения данных мер, а также реализация концепции гуманного отношения к несовершеннолетним в вопросах уголовной ответственности и наказания.

Ключевые слова: несовершеннолетний, принудительные меры, воспитание, наказание, Уголовный кодекс РФ.

Современное состояние российской действительности характеризуется разрушительными процессами в жизни общества и государства (социальное неравенство, экономический кризис, изменение моральных устоев общества и т.д.), которые оказывают непосредственное влияние на динамику преступности среди несовершеннолетних. Недостаточная социальная защищенность несовершеннолетних, ослабление основного института – семьи, упадок культуры молодого поколения – факторы, которые непосредственно влияют на девиантное поведение личности.

Согласно данным статистики в России за 2015 г. было выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления – 55365, за 2016 г. – 48023, за январь – февраль 2017 г. – 5747. В Приморском крае за 2015 г. было выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления – 1198, 2016 г. – 1141, за январь – февраль 2017 г. – 146 [2].

Тем не менее, несмотря на показатели преступности, в УК РФ законодателем реализуется концепция гуманного отношения к несовершеннолетним в вопросах уголовной ответственности и наказания. Так, в ст. 61 УК РФ содержится указание на то, что «несовершеннолетие виновного» является смягчающим обстоятельством. Также в Общей части в главе 14 УК РФ содержатся ряд положений, которые регламентируют особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних.

Несовершеннолетним по УК РФ «признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет» [8]. В теории уголовного права принято дифференцировать возраст самих несовершеннолетних на «младших несовершеннолетних» – 14-15 лет и «старших несовершеннолетних» – 16-18 лет [4, с. 10-11].

К несовершеннолетним, совершившим преступления, могут быть применены:

- 1) принудительные меры воспитательного воздействия;
- 2) назначено наказание;
- 3) при освобождении судом от наказания – помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Необходимо отметить, что первое место в перечне мер уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних занимают принудительные меры воспитательного воздействия, а не наказание, и это правильно. Ведь в первую очередь суды обязаны добиваться реализации целей уголовно-правового воздействия через применение таких мер, которые не связаны с наказанием. То есть, законодательно закреплён приоритет воспитательных мер перед репрессивными (карательными) [7, с. 51].

Принудительные меры воспитательного воздействия – альтернативные меры уголовно-правового принуждения, применяемые в рамках уголовного закона судом от имени государства к несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой, средней тяжести, когда исправление этих лиц возможно при помощи мер педагогического характера без назначения наказания или без привлечения к уголовной ответственности в целом [5, с. 139-140].

Принудительные меры воспитательного воздействия сочетают в себе воспитательный и принудительный характеры. Воспитательный характер основывается на принципе убеждения, т.е. несовершеннолетний должен осознать недопустимость совершения преступления и неотвратимость наказания со стороны государства. Принудительный характер означает, что назначить данные меры могут органы, наделённые властными полномочиями (суды).

Исправление несовершеннолетнего, совершившего преступления небольшой или средней тяжести, может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия [8]:

- 1) предупреждение;
- 2) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа;
- 3) возложение обязанности загладить причиненный вред;

4) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Рассмотрим особенности принудительных мер воспитательного воздействия. Согласно УК РФ предупреждение состоит в разъяснении несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием, и последствий повторного совершения преступлений [8]. Данная мера предусматривает оказание психологического воздействия на несовершеннолетнего, которое не связано с возложением обязанностей на него. Безусловно предупреждение не может быть применено к лицу, ранее совершившему преступление, в качестве самостоятельной меры.

В научной литературе предупреждение оценивается невысоко. По мнению одних авторов, данная мера может иметь значение лишь в сочетании с другими мерами, усиливая их воспитательное воздействие, по мнению других, необходимо исключить предупреждение из числа принудительных мер воспитательного воздействия [1, с. 248].

Передача под надзор состоит в возложении на родителей или лиц, их заменяющих, либо на специализированный государственный орган обязанности по воспитательному воздействию на несовершеннолетнего и контролю за его поведением [8]. При применении данной меры несовершеннолетний в правах не ограничивается, а лица, на которых возлагается контроль, наделяются определенными обязанностями. Передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих возможно, в случае если совершено преступление невысокой общественной опасности, а также при наличии у них, реальной возможности контролировать поведение несовершеннолетнего и влиять на него.

УК РФ также содержит возможность передать несовершеннолетнего под надзор специализированного государственного органа. Специализированным государственным органом, которому в соответствии со статьей 90 УК РФ может быть передан под надзор несовершеннолетний, а также органом, который вправе обращаться в суд с представлением об отмене принудительной меры воспитательного воздействия в случаях систематического ее неис-

полнения несовершеннолетним, является комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав [6].

Возложение обязанности загладить причиненный вред закреплено в п. «в» ч. 2 ст. 90 УК РФ и состоит в том, что несовершеннолетний может своими силами устранить причинен им вред или возместить ущерб (в денежном или ином выражении). Но данную меру невозможно применить к каждому несовершеннолетнему, так как при назначении наказания судом должно учитываться имущественное положение лица (наличие заработной платы, стипендии, имущества в собственности и т.д.). Согласно ГК РФ несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет самостоятельно несут ответственность за причиненный вред на общих основаниях. В случае, если у несовершеннолетнего нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда, вред должен быть возмещен полностью или в недостающей части его родителями (усыновителями) или попечителем, если они не докажут, что вред возник не по их вине [3].

Мера воспитательного воздействия, закрепленная в п. «г» ч. 2 ст. 90 УК РФ – ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. При ее назначении суд, посредством ограничений (запрет посещения определенных мест, использование определенных форм досуга и т.д.), оказывает воздействие на поведение несовершеннолетнего. Перечень требований, указанный в ч. 4 ст. 91 УК РФ, не является исчерпывающим и может быть дополнен судом. Указанные ограничения, в первую очередь, призваны оградить несовершеннолетнего от возможного негативного влияния окружения, которое способствовало совершению преступления.

Практика применения в России уголовного закона показывает, что наказание, в виде лишения свободы на определенный срок является самой распространенной мерой воздействия, назначаемой несовершеннолетним (в среднем 22 % от общего количества принятых решений по уголовным делам в отношении несовершеннолетних с 2010 по 2015 г.). Принудительные меры воспитательного воздействия при

освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания назначаются крайне редко, и не превышает 5 % от общего количества судебных решений.

Таким образом, необходимо отметить, что при общей гуманизации законодательства в отношении уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, государство должно адекватно реагировать на преступность. И в каждом конкретном случае индивидуально подходить к назначению наказания, соблюдая разумное сочетание воспитательных и карательных мер уголовно-правового воздействия на них.

Список использованной литературы

1. Бахвалова Л. А. Актуальные проблемы эффективности системы мер уголовно-правового воздействия, применяемых в отношении несовершеннолетних по УК РФ / Вестник Омского университета. Омск, 2012. № 2.

2. Генеральная прокуратура РФ портал правовой статистики [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://crimestat.ru/21> (дата обращения: 10.05.2017 г.).

3. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017 г.) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/9027703> (дата обращения: 15.05.2017 г.).

4. Давыденко А.В. Дифференциация уголовной ответственности несовершеннолетних в зависимости от возраста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 206 с.

5. Носикова Н.И. Принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним, как альтернатива наказания в отечественном Уголовном праве // Территория науки. Воронеж, 2013. № 1.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания

несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант. Режим доступа: <http://base.garant.ru/12182757/> (дата обращения: 11.05.2017 г.).

7. Туктарова И.Н. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних в свете изменений уголовного законодательства // Общество. Культура. Преступность. Саратов, 2004. № 6.

8. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17.04.2017 г.) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/9017477> (дата обращения: 12.05.2017 г.).

Юлия Андреевна Проценко

курсант 3 курса

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России, г. Владивосток

Научный руководитель – Волгина Татьяна Львовна,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин

ВФ ДВЮИ МВД России, кандидат медицинских наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

В работе затрагиваются особенности правовой регламентации прав человека в многонациональном государстве. Проведя исследование, автор приходит к выводу о том, что, права различных народов закреплены в нормативно-правовых документах РФ и обеспечивают развитие, сохранение традиций, обычаев этнических общностей. Государство помогает оказывать целенаправленное и эффективное воздействие на социальные, национальные, межнациональные связи и отношения, на процессы формирования и функционирования национальной идентичности.

Ключевые слова: национальная идентичность, многонациональное государство, коллективные права, индивидуальные права.

Проблема прав народов остаётся одной из самых актуальных проблем любого многонационального государства. Все очевиднее становится факт, что мир состоит не только из государств, а прежде всего – из народов, которые все настойчивее заявляют о себе и о своих правах. Это в полной мере касается и Российской Федерации, в которой проживает более 190 народов.

В истории российского государства, даже когда оно было унитарным, допускались различные формы самоуправления отдельных его частей как национальных, так и не имевших национальной специфики.

Современная федерация, сложившаяся в постсоветский период под воздействием множества факторов, явилась следствием, кроме прочего, наличия в ее составе автономий, которые были сохранены в целях обеспечения единства государства, а также удовлетворения интересов, населяющих его народов. В этой связи важно понимать значение и цели двух основных форм автономии:

- национально-территориальной (политической и административной);
- экстратерриториальной (культурной).

Автономия в России является одной из форм национально-территориального существования народов и этнических меньшинств, компактно проживающих в ряде регионов, которая позволяет обеспечить возможность самоуправления и реализации прав меньшинств, а также решения национальных вопросов [1, 6].

Этническая составляющая (а также культурная и, реже, конфессиональная), лежат в основе выделения автономии как одной из конституционно-правовых гарантий прав народов в многонациональном государстве.

Основой России, костяком ее власти и демократических институтов является многонациональный народ как единая общность.

Особое внимание уделяется проблеме реализации воли многонационального народа Российской Федерации (т.е. народа, состоящего

из множества наций) в федеративном государстве. Она проявляется в остром противоречии между единством суверенитета народа России и множественностью национальных суверенитетов народов Российской Федерации. Такое положение явилось следствием непростого развития российской государственности в XX веке. В начале становление суверенного Российского государства, наряду с бывшими территориями Российской Империи, в составе СССР как его части. Затем, фактически, после разрушения СССР – становление суверенного Российского государства, имеющего в своем составе национально-государственные и территориальные образования, претендующие на обретение своего собственного суверенитета.

Современное право отдает предпочтение правам индивидуальным, несмотря на постепенное усиление роли коллективных прав. Одним из видов коллективных прав этнических общностей, является право на национальную идентичность. В науке сложилось мнение, что право на национальную идентичность есть «коллективно заявленное право на непохожесть» в широком смысле – как собственной модели существования и развития [2, 108].

О коллективной природе права говорит фраза «в сообществе с другими представителями народа». Этим особо подчеркивается, что даже коллективные по своей природе права осуществляются индивидуально, посредством действий индивидов, а не абстрактных сообществ. Однако для «этнических» прав главным является не действие, а его результат, например, сохранение самобытности, языка, культуры их развитие и утверждение.

Понятно, что единичными действиями индивидов этих целей не достигнуть. Вряд ли можно говорить о самобытности индивида вне самобытности этнической общности, к которой он принадлежит. Именно защита самой этнической общности и ее самобытности, т.е. реализация ее коллективных «этнических» прав в их совокупности, позволит в полной мере реализовать индивидуальные «этнические» права [3, 104].

В процессе реализации коллективных прав этническим общностям, государство оказывает целенаправленное и эффективное воздействие на социальные, национальные, межнациональные связи и

отношения, на процессы формирования и функционирования национальной идентичности. Национальная и этническая идентичности являются частями общего процесса самоидентификации личности.

Границу этнической и национальной идентичностей можно провести и на том основании, что этническая идентичность более тесно связана с культурными процессами, а национальная с понятием государства и концепцией гражданина. В связи с этим, национальная идентичность является более широким понятием, так как национальная идентичность включает в себя людей различного этнического происхождения, и она устанавливает параметры отличия граждан одного государства от другого, одновременно позволяя людям одной этнической общности определять себя как граждан разных государств и членов различных национальных образований. Российское государство построено, как нам представляется, сплочением развитых этнических общностей, в результате чего возник синтез двух типов идентичности, в менталитете всего многонационального народа Российской Федерации [4, 21].

Сохранение национальной идентичности, требует признания коллективных прав общностей, а соответственно и нормативного закрепления права на национальную идентичность. В связи с этим, представляется интересным формулировка права народа на национальную/этническую идентичность.

Регламентации прав народов и их национальной идентичности в тексте Конституции Российской Федерации посвящено несколько норм [5]. Так, право на самоопределение приведено как общепризнанный принцип в преамбуле и в пункте 3 статьи 5 (где изложены принципы федеративного устройства Российской Федерации), право каждого определять свою национальную принадлежность изложено лишь как право индивида в статье 26, национальные меньшинства и этнические общности упоминаются в статье 71 и 72, где определяются предметы ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации, говоря о правах народов, отражает лишь права коренных малочисленных народов и нацио-

нальных меньшинств. А.Б. Габоев нашел этому следующее объяснение: «Конституция Российской Федерации определяет права человека, в том числе и как представителя той или иной национальности, через исключение дискриминации по национальному признаку при реализации универсальных прав человека и общегражданских прав» [6, 61].

При этом понятие «право народа» рассматривается через призму прав и свобод человека и гражданина. Как самостоятельное понятие категория «право народа» упоминается только в пункте 3 статьи 5, где говорится о равноправии и самоопределении народов».

Таким образом, А.Б. Габоев утверждает, что содержащаяся в Конституции РФ неполная регламентация прав человека (в вопросах национальной идентификации) и прав народов, определена стремлением вывести концептуальную задачу государства в этом вопросе исключение дискриминации в обществе по национальному признаку. Развивая тему отражения права на национальную идентичность в Конституции Российской Федерации, следует отметить, что право на национальную идентичность не тождественно праву каждого определять свою национальную принадлежность. Содержанием последнего является возможность определять и указывать свою национальную принадлежность независимо от этнического и национального происхождения, и данное право является личным (гражданским) правом только индивида [6, с. 62].

Процессы федерализации современного Российского государства, требуют закрепление в уставах и конституциях всех субъектов Российской Федерации со сложным этническим составом прав народов на национальную идентичность. Следует также обратить внимание на закрепление права, на этническую идентичность, как юридическое обеспечение сохранения и развития традиционной культуры и самобытности индивида и народа.

В связи с вышесказанным представляется необходимым обратить внимание на новеллу Устава Пермского края, предлагающую иное решение вопроса сохранения и развития малочисленных народов «как этносов с уникальными самобытными культурами, являющимися-

ся частью российского и мирового наследия» (статья. 42). Устав Пермского края вводит категорию «этническая идентичность коми-пермяцкого народа». При конституционном и уставном оформлении, право на этническую идентичность будет выступать как юридическое обеспечение не только самоопределения локального сообщества, но и консолидации российского общества в целом, как право каждого на национальную идентичность [7].

Таким образом, право на национальную идентичность должно быть правом на развитие, оно должно представлять собой единство коллективного и индивидуального права народа и право человека на национальную идентичность, что предполагает наличие права на самобытное существование и развитие, как у народа, так и у отдельно взятого индивида в их сочетании.

Список использованной литературы

1. Ульянищев П.В. Автономия как конституционно-правовая гарантия прав народов в многонациональном государстве [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/avtonomiya-kak-konstitutsionno-pravovaya-garantiya-prav-narodov-v-mnogonatsionalnom-gosudars/>

2. Напсо М.Б. « Этнические» коллективные одним и индивидуальные права идентичности выбор между таким правами народов своем и культурными правами одним индивида //Известия являетс Российского государственного национального педагогического университета идентичности им. А.И. Герцена. 2008. № 50. беспечение

3. Винников А.Ю. Декларация о языках народов России 1991 как реализация прав народов на самоопределение // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 29.

4. Палчаев А.Н. Взаимосвязь прав человека и коллективных прав в многонациональном государстве // Власть (Москва).2013. № 1.

5. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от

30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

6. Михайлович И.Д. К вопросу о праве народов на национальную идентичность // Социально-политические науки. 2012. №3.

7. Устав Пермского края от 27 апреля 2007 года N 32-ПК (в ред. Законов Пермского края от 29.06.2010 N 653-ПК, от 28.06.2012 N 52-ПК, от 09.07.2012 N 69-ПК, от 27.11.2012 N 134-ПК, от 05.09.2014 N 369-ПК) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/911516853>

Алексей Александрович Прутков

студент

Владивостокский государственный университет экономики
и сервиса, г. Владивосток

Научный руководитель – Верещагина Алла Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, КВАЛИФИЦИРУЕМЫХ ПО Ч. 3 СТ. 264 УК РФ

В статье рассмотрены вопросы, связанные с профилактикой дорожно-транспортных преступлений, квалифицируемых по ч. 3 ст. 264 УК РФ, а так же возможные меры по уменьшению смертности на дорогах.

Ключевые слова: дорожно-транспортные преступления, ДТП, профилактика ДТП.

Профилактика преступлений в сфере дорожного движения, является чрезвычайно важной для сокращения деяний, квалифицируемых по ч. 3 ст. 264 УК РФ [1].

Такой профилактикой в настоящее время занимаются государство и различные общественные объединения. Профилактика дорожно-транспортных преступлений является сложным и многогранным про-

цессом, одной «из сфер социального управления, воздействующей на причины и условия и на саму преступность с целью предотвращения ее самодетерминации» [2].

Системный подход к профилактике преступлений, в том числе квалифицируемых по ч. 3 ст. 264 УК РФ предполагает комплексность проводимых мероприятий, а также взаимодействие субъектов, осуществляющих профилактику, которое достигается путем планирования профилактической деятельности.

Профилактика дорожно-транспортных преступлений имеет определенные особенности. Так, например, возникают затруднения с распределением профилактических мероприятий, направленных на потенциальных потерпевших и потенциальных преступников. Это связано с тем, что в наши дни практически любой человек может быть пешеходом, через час водителем, а на следующий день – пассажиром. В связи с этим необходимо оказывать воздействие на общество в целом, а не на отдельные группы.

Так же одной из особенностей профилактики, рассматриваемых преступлений является необходимость воздействия на все элементы системы «человек – автомобиль – дорога». В связи с этим, помимо мер, обеспечивающих водителями соблюдение правил дорожного движения, необходимо проводить меры, обеспечивающие безопасное передвижение всех участников дорожного движения, в том числе, меры, направленные на предупреждение и устранение условий возникновения аварийных ситуаций, зависящих от состояния транспортных средств и дорог.

Таким образом, профилактика ДТП должна включать в себя решение различных задач общества: идеологических, управленческих, социальных, воспитательных и иных.

Необходимо помнить, что рассматриваемое преступное деяние по своей природе является неосторожным, в связи с этим, можно предположить, что значительная роль при профилактике должна быть отведена техническим мероприятиям.

Одним из главных направлений является обустройство автомобильных дорог. Стоит отметить, что в данное время значительная

часть дорог в населенных пунктах находится в плохом состоянии, практически повсеместно в дорожном покрытии имеются неровности и выбоины. При анализе состояния междугородних трасс ДВФО бросается в глаза, что в нормальном состоянии находятся только федеральные дороги. Дороги, находящиеся в ведении органов местного самоуправления зачастую вообще не имеют асфальтного покрытия.

Словосочетание «обустройство дорог» подразумевает под собой не только укладку самого дорожного покрытия, так же сюда необходимо отнести нанесение дорожной разметки, строительство пешеходных переходов, установку лееров, техническое оснащение дорог, включающее в себя установку светофоров, информационных табличек и освещения. Данные работы производятся соответствующими дорожно-эксплуатационными службами. Кроме того, следует увеличивать количество станций технического обслуживания, на которых можно устранить любую неполадку вдалеке от крупных населенных пунктов.

Так же кроме постройки качественной дорожной системы необходимо уделять большое внимание на разработку и утверждение на законодательном уровне современных стандартов безопасности транспортных средств, находящихся в эксплуатации. Так, например, необходимо ввести обязательное наличие подушек безопасности, которых в легковых автомобилях нет, пожалуй, только в отечественных авто, примером может служить «Лада 4x4» [3]. Стоит отметить, что обязательные стандарты безопасности необходимо вводить постепенно и обдуманно. Так, примером необдуманных действий законодательных органов является обязательная установка системы «Эра Глонасс», без которой невозможно поставить поддержанный иностранный автомобиль на учет, что выразилось в скоплении 10 000 автомобилей на таможенных складах, а также бурной деятельности перекупщиков систем «Эра Глонасс» [4].

Кроме названных мер, профилактическое воздействие может оказывать внедрение новых камер, а так же воздушных дронов, фиксирующих нарушения правил дорожного движения. Современные технические средства следует сочетать с уже существующими. Следует

отметить роль автомобильных видеорегистраторов, благодаря которым потенциальные нарушители правил дорожного движения вынуждены придерживаться приемлемого поведения.

Одно из главных мест в профилактике ДТП занимает законодательная регламентация условий движения транспорта. К сожалению, в настоящее время соответствующие правовые нормы разбросаны по различным отраслям российской правовой системы, различных нормативно-правовых актах, в связи с чем, их применение несколько затруднено.

Применительно к рассматриваемой нами теме, можно сказать, что граждане, нарушившие соответствующие правовые нормы подвергаются административной, либо уголовной ответственности.

Кроме того, на профилактику автотранспортных преступлений оказывают влияние различные государственные программы, а также программы органов местного самоуправления, цель которых заключается в повышении уровня правосознания среди участников дорожного движения.

Большое значение для профилактики ДТП так же имеют:

- контроль за соблюдением правил безопасности дорожного движения;
- пресечение нарушений правил дорожного движения, которые из административных правонарушений могут перерасти в деяния, квалифицируемые по ч. 3 ст. 264 УК РФ;
- проведение воспитательных работ с участниками дорожного движения (в том числе допустивших ранее нарушения ПДД).

Что касается субъектов профилактики дорожно-транспортных преступлений, то они не многочисленны. Наиболее значимым субъектом, занимающимся профилактической деятельностью является Государственная автомобильная инспекция, следящая за соблюдением различными участниками правил дорожного движения, а также выявляющая лиц, допустивших нарушения ПДД. Так же субъектами профилактики дорожно-транспортных преступлений являются следственные органы, привлекающие к уголовной ответственности лиц, совершивших рассматриваемые деяния.

Не следует умалять роль населения в профилактической работе, так как участие активных граждан дает правоохранительным органам дополнительные возможности в предупреждении преступлений. Активные граждане могут самостоятельно воздействовать на урегулирование криминогенных жизненных ситуаций, кроме того, общественное мнение эффективно влияет на укрепление законопослушного поведения участников дорожного движения. Особое внимание следует обращать на работу с детьми школьного и дошкольного возраста, повышать их правовую культуру как участников дорожного движения.

Немаловажную роль в предупреждении дорожно-транспортных преступлений должны играть средства массовой информации. В современном мире, информация, получаемая из различных источников гражданами, способствует формированию особой поведенческой линии. Наибольшим влиянием на нашу жизнь обладают средства теле-радио вещания, у молодых граждан преобладает использование социальных сетей («Вконтакте», «Инстаграмм»). Последние очень эффективны в связи с крайне быстрым распространением информации среди пользователей. В считанные часы или даже минуты можно узнать о совершенном ДТП, количестве пострадавших и иных обстоятельствах произошедшего. На наш взгляд, необходимо массово распространять видеозаписи реальных ДТП, так как это наглядно показывает, к каким печальным последствиям приводят нарушения правил дорожного движения. Думается, что демонстрация таких роликов может эффективно способствовать снижению уровня правового нигилизма у водителей, пассажиров, пешеходов.

Кроме того, необходимо введение социальной рекламы, направленной на пропаганду соблюдения правил дорожного движения. Такая социальная реклама может быть выражена в рекламных видеороликах на телевидении, изображениях соответствующего характера на рекламных щитах, аудиодорожках на радио. Так же данную рекламу следует распространять в учебных заведениях и на предприятиях. Профилактике ДТП может способствовать периодическая печать, однако, её аудитория стремительно уменьшается.

Для преступлений, квалифицируемых по ч. 3 ст. 264 УК РФ, где погибшими являются пешеходы огромное значение имеет виктимологическая профилактика. То есть, профилактика, направленная на потерпевших, она должна способствовать устранению причин виктимного поведения. Примером виктимного поведения может являться поведение пешехода согласно идеи «Я на пешеходном переходе главный и все обязаны уступить мне дорогу». При этом пешеход забывает о возможной невнимательности со стороны водителя, отказе тормозной системы, других факторах риска, слепо идет по пешеходному переходу и попадает под колеса.

Таким образом, первоочередными задачами подразделений, занимающихся, обеспечением безопасности дорожного движения являются: правовое регулирование транспортной безопасности, анализ уровня уязвимости объектов транспортной инфраструктуры, разработка, а также реализация мер по обеспечению транспортной безопасности и иные.

На наш взгляд, государство недостаточно эффективно противодействует совершению ДТП на дорогах, впоследствии превращающихся в дорожно-транспортные преступления. Для дальнейшего улучшения ситуации с неосторожными преступлениями, квалифицируемыми по ч. 3 ст. 264 УК РФ необходимо значительно улучшить качество работ дорожных служб. Введение жестких санкций за нарушение технологического процесса укладки дорог, их чистки, поддержания дорожного полотна в должном состоянии сможет изменить существующую действительность в лучшую сторону.

Список использованной литературы

1. Уголовный кодекс: по сост. на 7 июня 2017 года [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

2. Быргэу М.М. Опыт системного исследования профилактики преступлений: современное состояние проблемы / М. М. Быргэу. – М.: Юркнига, 2004. – 158 с.

3. Лада urban 5 дв. [Электронный ресурс] // Официальный сайт LADA. – Режим доступа: <http://www.lada.ru/cars/4x4/urban5/prices.html>

4. ЭРА-ГЛОНАСС в Приморье продают по завышенной цене [Электронный ресурс] // Информационный ресурс. – Режим доступа: <http://www.newsvl.ru/vlad/2017/04/27/158745/>

Ольга Игоревна Садова

курсант 2 курса

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России, г. Владивосток

Научный руководитель – Якимова Зоя Владимировна,

доцент кафедры гуманитарных дисциплин

ВФ ДВЮИ МВД России, кандидат психологических наук

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье приведены результаты представлений о специфике профессиональной деятельности сотрудников ОВД на примере курсантов Дальневосточного юридического института МВД России (Владивостокский филиал). Исследование проведено с помощью методов ассоциативного эксперимента и семантического дифференциала.

Ключевые слова: образ профессии, ассоциативный эксперимент, семантический дифференциал, сотрудник органов внутренних дел.

В Федеральном законе от 7 февраля 2011 года №3-ФЗ «О полиции» в статье 9 указано, что «...общественное мнение о деятельности полиции является одним из основных критериев оценки их работы, оно связано с имиджем органов внутренних дел и отражает степень доверия граждан к органам власти...» [1]. Соответственно, роль органов внутренних дел в обществе требует не только формирование позитивного имиджа системы в целом, но и отдельно взятого сотруд-

ника. Положительный образ сотрудника ОВД важен для государства, вузов МВД России и личности сотрудника. В связи с этим, встает проблема формирования положительного образа сотрудников ОВД на всех этапах их профессионального становления, включая, в первую очередь, процесс профессионального образования в вузах системы МВД России.

Проведённый анализ тематической литературы показал, что процесс формирования имиджа сотрудников ОВД носит стихийный характер. При этом отсутствует целостная система его создания, а педагогическая составляющая в формировании позитивного образа – практически не рассматривается. Это обосновывает актуальность заявленной темы и необходимость поиска путей формирования положительного образа на этапе профессиональной подготовки специалистов в вузах МВД России.

Образ сотрудника ОВД, сложившийся у граждан, достаточно противоречив. Так, например, в своих исследованиях Каданцева Н.П. приводит следующие результаты опроса: «...положительный образ характеризуется как образованный, ответственный, интеллигентный, вежливый, внимательный работяга, а отрицательный – самодовольный, наглый, считающий себя всемогущим, безответственный лодырь». Участники опроса отмечают, что им часто приходится сталкиваться с «безразличными к своей работе и равнодушными к людям носителями мундира, не способными и не желающими заняться ничем другим». 74% опрошенных считают, что работа сотрудников ОВД дает ее сотрудникам власть над людьми, которая зачастую используется ими для получения личной выгоды и обуславливает существование коррупционных отношений с населением. Подобное отношение к своей работе, по мнению респондентов, обусловлено в первую очередь личностными характеристиками конкретного сотрудника органов внутренних дел [2].

За последние годы средства массовой информации (СМИ) значительно усилили свое влияние на мировоззрение людей и структуру их повседневной жизни. Потoki негативной информации, однобоко информирующие о событиях в стране, мире, формируют пессимистиче-

ские настроения и установки граждан. В частности, как показал опрос общественного мнения, репортажи СМИ на криминальную тему вызывают у населения чувство страха, личной незащищенности, перед преступным миром, а также возмущение по поводу неэффективной работы органов внутренних дел [3].

Эффективное выполнение сотрудником ОВД его функциональных обязанностей требует наличия определенных психологических качеств, умений и способностей, например, способности решать профессиональные задачи в ситуациях, сопровождающихся высокой степенью личного риска и опасности для жизни; способности к интенсивной межличностной коммуникации с криминальными элементами; высокой психофизиологической выносливости, связанной с отсутствием фиксированного рабочего времени; способности выдерживать длительное эмоциональное напряжение, чувство страха, неопределенности, неуверенности, невозможности поделиться своими сомнениями с близкими и т.п.; способности к длительному напряжению сенсорных систем в условиях монотонии (например, скрытое наблюдение за объектом, его сопровождение, ожидание и пр.); необходимости постоянной интенсивной интеллектуальной активности (анализ непрерывно меняющейся оперативной информации, удержание в памяти большого количества фактов, принятие решений в условиях дефицита времени и информации); умения быстро и достоверно объяснить критическую ситуацию другому, скрыв тем самым истинные намерения.

В связи с этим, в процессе профессионального обучения, перед курсантам поставлена сложная задача, заключающаяся не только в необходимости освоить основы профессиональной деятельности, но и в необходимости сознательно сформировать и развить в себе качества, позволяющие быть эффективным и социально полезным в условиях повышенной сложности. Все это и является основой для формирования позитивного образа сотрудника органов внутренних дел в глазах общественности.

Хотелось бы отметить, что «...в последние годы в России все же наметилась тенденция к укоренению идеи о необходимости развития

добровольной сертификации профессиональных квалификаций как процедуры определения и документального подтверждения независимой организацией соответствия профессиональной компетенции работников требованиям профессиональных стандартов...» [5].

С целью выявления отношения к службе в ОВД в рамках проводимого исследования были опрошены курсанты 2 курса ВФ ДВЮИ МВД России по направлению подготовки «Национальная безопасность». Выборка составила 25 человек, возрастной диапазон составил от 18 до 21 года. Из 25 человек: 60% составили парни, а 40 % – девушки. Данное исследование проводилось в октябре 2017 года.

В качестве методов исследования применялся ассоциативный эксперимент и семантический дифференциал. Исследование проводилось в бланковом формате.

В контексте проведенного исследования применялся классический вариант метода свободных ассоциаций, когда от респондента требуется в ответ на предъявленное слово (стимул) как можно быстрее проговаривать первые пришедшие на ум слова (реакции - ассоциации). Любая необычная реакция (пауза, смех, бормотание, жалобы, объяснения ненужности или неуместности реакции, поведенческие и вегетативные проявления и т.п.) свидетельствует о проявлении психологических защит и должно анализироваться отдельно [4].

В ассоциативном эксперименте использовалась следующая инструкция: «Напишите, пожалуйста, 20 ассоциаций на стимул «работа в ОВД». Пожалуйста, отвечайте максимально искренне и указывайте те слова /фразы, которые первые приходят Вам в голову, не задумывайтесь долго над ответом. Ассоциациями могут быть любые части речи (существительные, прилагательные, глаголы и т.д.) ассоциация так же может состоять из нескольких слов».

Суть метода семантического дифференциала заключается в том, что респонденту предлагается оценить значение того или иного понятия с помощью предложенных наборов шкал антонимов. В контексте проведенного исследования проводился специализированный семантический дифференциал шкалированный набор антонимов. Респондентам была дана следующая инструкция: «Перед Вами список по-

парно сгруппированных прилагательных, выражающих качественно противоположные характеристики работы в ОВД. Обведите в кружок цифру (из ряда 3210123), которая, по Вашему мнению, наиболее точно определяет степень выраженности данного конкретного качества /характеристики, при условии, что 0 – качество не выражено; 1 – слабо выражено; 2 – средне выражено; 3 – сильно выражено. Выбор необходимо сделать по каждой паре».

Результаты исследования обрабатывались с помощью программы EXCEL. Наиболее часто встречающиеся ассоциации были систематизированы и оформлены в семантическое поле. Итак, по результатам ассоциативного эксперимента, профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел может быть охарактеризована как: ответственная, помогающая, интересная, опасная, интеллектуальная, стабильная, коллективная, активная, сложная, квалифицированная, востребованная, перспективная, престижная, ненормированная, профессиональная.

Результаты проведенного исследования с применением семантического дифференциала, показали, что более 75% опрошенных респондентов считают, что работа: квалифицированная, сложная, высокоответственная, помогающая, связанная с людьми, легальная, социальная, официальная, ответственная, обязательная, профессиональная, стабильная, настоящая.

Так же, необходимо отметить, что некоторые пары противоположных характеристик набрали равнозначное количество выборов. Данный факт может свидетельствовать о диффузном, рассеянном представлении о специфике профессиональной деятельности сотрудников ОВД, что может быть детерминировано наличием многоплановых профессиональных задач, выполняемых в рамках различных структурных подразделений. Так, например, у курсантов разделилось мнение, что работа в ОВД является одновременно: неэмоциональной – эмоциональной; комфортной – некомфортной; инструментальной – не инструментальной; не технической – технической; нормированной – ненормированной; подчиненной – начальствующей; изменяющейся – неизменной; не офисной – офисной.

Нельзя не отметить, что часть курсантов считают, что коллективность сильно выражена, а есть те, кто считает, что такие качества как коллективность и индивидуальность вообще не выражены. Ненормированность и нормированность труда разделилась пропорционально количеству опрошенных.

Подводя итоги, следует отметить, что, несмотря на то, что образ сотрудника ОВД вызывает у граждан противоречивые чувства, будущие сотрудники ОВД – курсанты ВФ ДВЮИ МВД России имеют положительно сформированный образ как сотрудника ОВД, так и служебной деятельности в целом. В связи с этим, на наш взгляд, и в дальнейшем образовательная функция должна включать педагогическую составляющую, ориентированную на формирование, поддержание и развитие формирования положительного образа сотрудника. Именно от того, какие кадры придут на службу в ОВД, и то как на их самосознание повлияет образовательный и педагогический процесс будет зависеть отношение граждан к деятельности полиции в целом.

Список использованной литературы

1. Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О полиции» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/e7c614ce1bd99c8818480414640005cb291d048/

2. Каданцева Н.П. Формирование имиджа сотрудника органов внутренних дел в процессе профессионального образования в вузах МВД России: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.08 / Каданцева Надежда Петровна; [Место защиты: С.-Петербург. ун-т МВД РФ].- Санкт-Петербург, 2013. 190 с.

3. Каданцева Н.П. Имидж сотрудников органов внутренних дел России: история и направления развития. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России №3 (55). 2012. С.184.

4. Серкин В.П. Методы психологии субъективной семантики психосемантики. - М.: Издательство ПЧЕЛА, 2008. 382 с.

5. Якимова З.В. Добровольная сертификация профессиональных квалификаций как диалог между вузом, студентом и работодателем // Высшее образование сегодня. 2012. № 12. С.33-36.

Валерия Дмитриевна Селиванова

бакалавр

Российский государственный университет правосудия (РАП)

(Дальневосточный филиал), г. Хабаровск

специалист Арбитражного суда Дальневосточного округа

Научный руководитель – Волков Константин Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, г. Хабаровск

БЫТОВАЯ КОРРУПЦИЯ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ

В научной статье определены признаки и понятие бытовой коррупции как разновидность коррупции, в которую вовлечены граждане при решении повседневных вопросов в процессе бытовых отношений (здравоохранение, медицина, правоохранительная деятельность по обеспечению безопасности дорожного движения, образование и пр.).

Ключевые слова: коррупция, бытовая коррупция, взяточничество, уголовная ответственность.

Вопросами противодействия различным формам проявления коррупции посвящено достаточное количество специальных работ в юридической литературе, среди которых труды таких авторов, как Б.В. Волженкин, К.А. Волков, А.И. Долгова, А.В. Бриллиантов, А.Э. Жалинский, П.А. Кабанов, В.С. Комиссаров, В.А. Номоконов, А.И. Рарог, А.И. Чучаев, П.С. Яни и др.

Одной из острых проблем современного российского общества в последнее время является бытовая коррупция. В тоже время вопросы данной формы проявления коррупции в юридической литературе остаются малоизучены. При этом до сих пор отсутствуют специальные

монографические работы по данной проблеме, как следствие остаются неразрешенными многие важные аспекты бытовой коррупции: понятия, признаки и формы проявления бытовой коррупции и т.п.

Для того чтобы сформулировать понятие и признаки бытовой коррупции необходимо обратиться к понятию коррупции вообще, исследовать правовую природу данного антисоциального феномена на основе исследований ученых правоведов.

Коррупция (от лат. *corrumpere* – «растлевать») – неюридический термин, обозначающий обычно использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее установленным правилам (законодательству)[2]. Коррупция как социальное явление имеет глубокие исторические корни, которые восходят к обычаю делать подарки, чтобы добиться расположения.

Великие мыслители эпохи Возрождения Вольтер, Николо Макиавелли, Шарль Луи де Монтескье, Жан-Жак Руссо всячески осуждали и изобличали коррупцию как постыдное и неприемлемое общественное явление.

До недавнего времени в российском законодательстве не было закреплено понятие «коррупция». Ситуация изменилась с принятием в 2008 г. федерального закона о противодействии коррупции, давшем определение этого явления: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица (ст. 1 Федерального закона).

По мнению Е.В. Марьиной, представленное определение нельзя назвать исчерпывающим, поскольку в законе существенно сужается понимание коррупции. Исследователь предлагает собственное опре-

деление указанного явления: «совершение правомерных или неправомерных действий или бездействия лицами в сфере исполнения ими полномочий и (или) использования служебного положения за незаконное получение выгод (благ, вознаграждений, преимуществ) имущественного или неимущественного характера в интересах предоставляющего такие выгоды либо иного физического или юридического лица» [5, с. 41].

Прав К.А. Волков, который отмечает, что несмотря на легальное определение «коррупции» в ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», четкого представления о круге наиболее общественно опасных коррупционных правонарушений нет. По существу, перечень преступлений, образующих проявления коррупции, указанный в федеральном законе представляет собой выборочный список должностных преступлений (злоупотребление «служебным положением», дача и получение взятки) и преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях (злоупотребление полномочиями и коммерческий подкуп). Причем, в цитируемом законе фигурирует состав «злоупотребления служебным положением», неизвестный уголовному закону (в ст. 285 УК РФ речь идет о злоупотреблении должностными полномочиями) [3, с. 6].

Термин «бытовая коррупция» был впервые легально упомянут в Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы, утвержденном Указом Президентом РФ от 31 июля 2008 года. Указанным документом Президент РФ обязал Полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах проанализировать принимаемые органами государственной власти субъектов Российской Федерации меры по противодействию коррупции в органах местного самоуправления, уделив особое внимание мерам по устранению условий, способствующих совершению коррупционных правонарушений, с которыми граждане встречаются наиболее часто (бытовая коррупция). В дальнейшем данный термин также нашел свое употребление в Национальном плане противодействия коррупции на 2016-2017 годы, утвержденном Указом Президентом РФ от 01 апреля

2016 года, в котором перед Генеральной прокуратурой РФ поставлено исследование коррупции и практики ее применения для снижения уровня бытовой коррупции [7].

При этом в юридической науке до сих пор нет единого понимания существенных признаков бытовой коррупции [6, с. 664-668]. Обычно при рассмотрении данного вида коррупции принимают во внимание, что основанием типологизации является степень участия граждан в совершении коррупционных сделок [1, с. 95]. В связи с чем, бытовую коррупцию рассматривают наряду с такими её видами как деловая коррупция и коррупция верховной власти. При этом специалистами отмечается, что бытовая коррупция порождается взаимодействием рядовых граждан и чиновников. В неё входят различные подарки от граждан и услуги должностному лицу и членам его семьи. К этой категории также относится кумовство (непотизм) [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что бытовая коррупция представляет собой разновидность коррупции, в которую вовлечены граждане при решении повседневных вопросов в процессе бытовых отношений (здравоохранение, медицина, правоохранительная деятельность по обеспечению безопасности дорожного движения, образование и пр.).

На наш взгляд, признаками бытовой коррупции выступают:

– различные формы незаконного использования физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

– незаконное использование должностным лицом своего положения вопреки законным интересам общества и государства совершается в отношении граждан при решении повседневных вопросов в процессе их бытовых отношений.

Важно подчеркнуть, что бытовая коррупция приводит к существенному нарушению прав и законных интересов граждан, среди ко-

торых: значительное число потерпевших, чьи права нарушены; существенный по размеру и характеру вред для семьи в виде понесенных финансовых потерь; создание обстановки, затрудняющей реализации прав и законных интересов граждан в повседневной жизнедеятельности; понижение уровня правовой культуры населения и падение авторитета государственной власти и т. д.

Список использованной литературы

1. Ахметова Н.А. Проблема типологизации коррупции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. Выпуск № 2. 2011. С. 95.

2. Википедия – свободная энциклопедия // Режим доступа: WWW. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> 13.10.2017.

3. Волков К.А. Уголовно-правовые проблемы противодействия коррупционным преступлениям // Российский следователь. 2011. № 15. С. 5-9.

4. Коррупция // Википедия – свободной энциклопедии // Режим доступа: WWW. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> - 02.10.2017.

5. Марьина Е.В. Коррупционные преступления: отраслевое и межотраслевое согласование норм: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Е.В. Марьина [Место защиты: Сам.гос. ун-т]. - Самара, 2010. С. 41.

6. Российская газета. 2016. 13 апреля.

7. Санькова А.А., Кудряшов К.В. «Коррупция» и «бытовая коррупция»: соотношение понятий, актуальные проблемы противодействия // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 17. С. 664–668.

Ульяна Игоревна Сердюк
старший преподаватель кафедры экологии
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

МАКРОБЕНТОСНОЕ СООБЩЕСТВО БУХТ СИХОТЭ-АЛИНЬСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Статья посвящена описанию условий обитания морского макробентоса в сублиторальной зоне бухт Удобная и Голубичная, Сихотэ-Алиньского заповедника. Описаны экологические условия обитания макробентоса в пределах бухт Северо-Восточного побережья Приморского края: Удобная, Голубичная, Рудная; определён видовой и таксономический состав морского макробентоса; выявлены показатели обилия и распределение макробентоса в зоне верхней сублиторали в пределах указанных акваторий.

Ключевые слова: макробентос, условия обитания, прибрежные экосистемы, Сихотэ-Алиньский заповедник, Японское море.

Северо-Восточная часть побережья Японского моря изучена недостаточно в виду своей удалённости от научных центров и малой заселенности, несмотря на то, что комплексные исследования биоты Японского моря ведутся с 20-х годов XX века [5], проводимые исследования в большей степени связаны с изучением рыбных ресурсов, а не ресурсов сублиторальной зоны. В связи с этим задачей проведенной работы было – получить сведения о составе, характеристиках обилия и распределении макробентоса в верхней сублиторали бухт Северо-Восточного побережья Приморского края: Удобная, Голубичная. Бухты северного Приморья, относятся к фациальному типу подводного берегового склона и являются открытыми прибою системами, функционирование которых определяется, главным образом, гидродинамическими процессами [4]. Биотопы здесь однотипны (это гравийно-галечные и крупно-псаммитовые грунты, находящиеся в условиях IV и V степеней прибойности), а разнообразие грунтов минимально [3]. Протяженность Северо-Восточного побережья Примор-

ского края довольно велика и составляет примерно 900 километров. Выход к морю имеют Партизанский, Лазовский, Ольгинский, Кавалеровский, Дальнегорский и Тернейский районы. Исследуемые нами бухты находятся на побережье Тернейского района (бухты Удобная и Голубичная) (рис. 1).

Рис. 1. Районы исследований относительно карты Приморского края

Работы проводили в б. Удобная (август 2008 г., июль 2009, 2010 гг.), б. Голубичная (июль 2009, 2010 гг.). Всего выполнено 35 станций. Макробентос отбирали количественным методом при помощи легководолазов в горизонте верхней сублиторали на глубинах от 2.5 до 18 м. Все пробы отобраны в трех повторностях. Макробентос разбирали непосредственно в день отбора на кордоне САБЗ «Благодатный» и полевом стационаре ТИГ ДВО РАН в пос. Смычка. Пробы промывали через систему сит с наименьшей ячейей 0.5 мм, раз-

бирали по видам, взвешивали. В работе использован прижизненный сырой вес, точность взвешивания ± 0.01 г. Определяли биомассу (г/м^2). Всего отобрано и обработано 369 проб. Таксономическая принадлежность видов приведена в соответствии с каталогом А.В. Адрианова, О.Г. Кусакина (1998). Первичная обработка проб и дневников производилась автором.

В результате проведенных исследований в сублиторали бухт северо-восточной части побережья Приморского края зафиксировано не менее 166 видов животных и 23 видов растений из 11 типов и 4 отделов. Таксономическое богатство насчитывает 24 класса, 39 отрядов и 12 порядков, 95 семейств и 137 родов. В бухте Удобная и Голубичная 50 видов соответственно (табл. 5). Коэффициент сходства видового состава макробентоса акваторий (коэффициент Сьеренсена-Чекановского) составляет: б. Удобная – б. Голубичная 0,506 (40 общих видов). В целом общими акваторий являются 15 видов, что составляет 20,5% общего видового богатства.

Только в б. Удобная отмечены **25 видов**:

- одиночные коралловые полипы – актинии *Anthopleura artemisia*, *Cnidopus japonica*;
- многощетинковые черви *Glycera capitata*, *Nicomache minor*, *Glycinde armigera*, *Onuphis iridescens*, *Ophelia limacine*, *Ammotrypane multipapilla*, *Melita sp.*
- брюхоногие моллюски *Lunatia pila*, *Buccinum middendorffi*, *B. ochotense ochotense*, *B. mirandum*;
- разноногие ракообразные *Ischyrocerus sp.*, *Anonyx sp.*, *Melita sp.*, *Caprella inermis*, а также другие виды из групп десятиногих ракообразных и морских звезд.

Число представителей, характерных только для бухты Голубичной еще меньше и составляет **6 видов**:

- брюхоногие моллюски *Lottia patina* и *Cryphonatica janthostoma*;
- морская звезда *Lethasterias fusca*;
- асцидия *Boltenia echinata*;
- зеленые водоросли *Codium yezoense* и *Enteromorfa sp.*

Биомасса макробентоса в районах исследования варьирует от 38 до 30 000 г/м². максимальное значение характерно для расположенной севернее других б. Удобной и формируется скоплением сахарины японской. Максимум для б. Голубичная составляет 2720 г/м², б.

В общей средней биомассе макробентоса б. Удобная доминируют *Sakcharina japonica*, *Phyllospadix iwatensis*, *Costaria costata*, *Strongylocentrotus intermedius*, *Swiftopecten swiftii*, *Asterina pectinifera*.

В макрофитобентосе б. Голубичная доминируют морская трава *Ph. iwatensis* и бурая водоросль *Desmarestia viridis*. Среди животных по биомассе преобладает промежуточный морской еж *S. intermedius*.

Сравнение вклада растений и животных в средние показатели обилия макробентоса сублиторали в акваториях северо-восточного и южного Приморья обычно показывает [2] показало их направленное изменение от севера к югу (или наоборот). Так, наиболее характерная картина складывается в самых северных водах: в б. Удобная доля растений минимальна в общем и видовом разнообразии, однако максимальна в биомассе макробентоса. Фитомасса здесь преобладает над массой животных, при этом на отдельных станциях (входные мысы в бухту) ее значения достигают наибольших уровней (около 30 кг/м²) и складываются за счет формирования густых зарослей сахарины. Максимальное обилие макробентоса в б. Удобной складывается минимальным числом видов. В бухте Голубичная соотношение фито- и зоомассы выравнивается, общий уровень обилия существенно ниже (максимум около 3 кг), а взаимосвязь числа видов и биомассы положительна.

Распределение показателей разнообразия, обилия макробентоса и соотношения животных и растений в этих параметрах меняется по широтному градиенту. В б. Удобная доля растений минимальна в общем и видовом разнообразии, однако максимальна в биомассе. На отдельных станциях зафиксированы максимальные для Приморского края значения. В бухте Голубичная в биомассе увеличивается вклад животных, в среднем видовом разнообразии – растений.

Список источников и литературы

1. Адрианов А.В., Кусакин О.Г. Таксономический каталог биоты залива Петра Великого Японского моря. Владивосток: Дальнаука. 1998. 350 с.
2. Галышева, Ю. А. Особенности распределения макробентоса в прибрежных морских экосистемах Приморья // Известия ТИНРО: сб. науч. тр. - Владивосток, 2010. Т. 163. С. 286-296
3. Ветренников В.В. 1976. Геологическое строение Сихотэ-Алинского государственного заповедника и центрального Сихотэ-Алиня. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство. 168 с.
4. Обров В.В. Гидродинамика донных ландшафтов шельфа Южного Приморья // Донные ландшафты Японского моря. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1987. С. 95-113.
5. Шунтов В.П. Биология дальневосточных морей России. Т. 1. Владивосток: Тинро-центр. 2001. 580 с

Александра Александровна Смоляченко

студентка 4 курса

Владивостокский государственный университет экономики
и сервиса, г. Владивосток

Научный руководитель – Верещагина Алла Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПУБЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Законодатель не закреплял публичность в форме общего положения на протяжении всех исторических периодов, что привело к различному пониманию, в том числе и отрицанию многими авторами наличия этого принципа в уголовном судопроизводстве. В работе затрагиваются проблемы соотношения публичности с гласностью и законностью, а также доказывается факт наличия принципа публично-

сти в уголовном процессе, в основе которого лежит заинтересованность государственных органов в устройстве процесса.

Ключевые слова и словосочетания: принцип, публичность, гласность, уголовное судопроизводство, законность, государственные органы.

К настоящему времени в научной и учебной литературе остается до конца не разрешённой проблема определения содержания принципа публичности, нет его однозначного понимания.

Одна из основных причин возникновения дискуссий в отношении этого понятия на протяжении многих лет состоит в том, что принцип не имеет легальной формулировки в законе, а это, соответственно, ставит под сомнение его существование.

Наличие терминологического разнобоя создает условия, чтобы по-разному понимать принцип публичности некоторыми авторами. В частности, некоторые исследователи понимают под публичностью гласность, открытость [1, с. 136]. Я придерживаюсь той точки зрения, что гласность и публичность - это два разных понятия.

Причиной неправильного терминологического использования данных слов заключается в неточности современной терминологии. Так в нормах международного законодательства публичность, понимают как гласность, как элемент справедливости. Утверждения о том, что публичность судебного разбирательства имеет цель защиты сторон от тайного правосудия, которое не попадает под контроль общества, и что она является средством, с помощью которого сохраняется доверие в судах, ни один раз упоминались в решениях суда по правам человека. В России же публичность это самостоятельный, независимый принцип.

Ещё одной проблемой является отождествление публичности и законности. Многие авторы придерживаются позиции, что не может быть различия между ведением производства по делу «в силу долга службы» и «в силу закона» [2, с. 41].

В этом вопросе я придерживаюсь точки зрения Т. Н. Добровольской, которая критиковала вышеупомянутую позицию. Она считала,

что, если предположить, что не имеется принципа публичности в качестве самостоятельного принципа, то тогда необходимо отвергать и самостоятельное значение принципов равенства граждан перед законом и судом, обеспечения обвиняемому права на защиту, так как и их осуществление должно происходить в рамках неукоснительного соблюдения закона [3, с. 79].

По моему мнению, принцип законности и публичности - это два автономных принципа процесса. Законность определяет требование точно и постоянно исполнять нормы законодательства, а публичность, в свою очередь, подчиняет деятельность государственных органов интересам всего общества, публично-правовым интересам. Принцип публичности определяет то, что эти органы должны самостоятельно, без каких-либо требований со стороны, проявлять инициативу. Таким образом, два этих принципа имеют собственное содержание.

Причины возникновения данных дискуссий на протяжении многих лет порождены, во-первых, тем, что толкование содержания принципа законности очень широкое по значению, а, во-вторых, такое же обширное толкование имеет и принцип публичности.

На мой взгляд, хоть данный принцип ставится под сомнение некоторыми авторами, в связи с тем, что он не сформулирован в форме общего положения ни в одной из статей законодательства, он пронизывает весь процесс, потому что содержится в отдельных положениях в виде требований в законе.

Так публичный характер уголовного судопроизводства прямо выражается в возложенной обязанности на правоприменителя, осуществляющего уголовное преследование, доказывания обстоятельств инкриминируемых уголовно преследуемому лицу. Вне зависимости от волеизъявления сторон процесса, государственный орган самостоятельно решает вопросы о привлечении лица в качестве обвиняемого, на основании ст. 171, 172 УПК РФ, о признании лица потерпевшим в делах публичного обвинения [4, ст. 42].

Таким образом, государственные органы при принятии итогового решения, осуществляют первоначальное применение уголовного за-

конодательства и являются единственными субъектами возбуждения уголовного дела.

Дела частного обвинения считаются исключением из принципа публичности, так они возбуждаются только по жалобе исходящей от потерпевшего и подлежат прекращению при примирении сторон. Но даже в делах частного обвинения присутствуют публичные начала, так как в них невозможно обойтись без содействия органов государственной власти в лице органов дознания, предварительного следствия, судебных органов и прокуратуры, которые в свою очередь расследуют и разрешают уголовное дело.

Указанная выше позиция находит выражение в судебной практике. Так в апелляционной жалобе по делу № 10-7/2016 частный обвинитель Петренко А.М. указала, что приговор вынесенный судом Первореченского района г. Владивостока является незаконным и подлежит отмене, в связи с тем, что частное обвинение подтверждено в судебном заседании свидетелями и подсудимым [5].

Суд апелляционной инстанции признал приговор мирового судьи незаконным и не обоснованным, в связи с чем он был отменён и передан мировому судье иного судебного участка для рассмотрения по существу.

Таким образом, воздействие принципа публичности в делах частного обвинения не исчерпывается наличием в нём элементов проверки на законность, обоснованность и справедливость, предусмотренных ст. 389.9 УПК РФ. Суд также может проводить судебное следствие, которое предполагает установление и изучение всех обстоятельств дела. Так на основании ч. 1 ст. 389.19 УПК РФ суд апелляционной инстанции не связан доводами жалобы и при рассмотрении дела имеет право проверить производство по уголовному делу в полном объёме.

Применительно к делам частного-публичного обвинения принцип публичности находит своё выражение, в том случае, если такое дело возбуждено на законном основании, то есть при наличии жалобы со стороны потерпевшего или же его законного представителя, ведь на основании ч. 3 ст. 20 УПК РФ дальнейшее производство по делу ведётся в «общем порядке». Это означает, что привлечение к ответ-

ственности тех или иных лиц зависит уже не от желания потерпевшего, а от того имеются ли фактические данные, достаточные для предъявления обвинения.

Даже общее правило о возбуждении дел частного и частно-публичного обвинения имеет исключения, что прямо отражает публичность уголовного судопроизводства. Они касаются тех случаев, когда публично-правовые интересы борьбы с преступностью берут верх над личными интересами потерпевшего. Если потерпевший в силу беспомощного состояния или иным причинам не может самостоятельно защищать свои права и интересы, руководитель следственного органа, следователь, в том числе и дознаватель с согласия прокурора вправе возбуждать такое дело и при отсутствии жалобы потерпевшего [4, ст. 20].

Указанная выше позиция также нашла свое отражение в приговоре мирового судьи по делу № 1-39/2016 [6]. Из материалов дела следует, что ответчик находясь в состоянии алкогольного опьянения пришёл домой и попросил у своей сестры денег, в размере ста рублей, для приобретения спиртных напитков. Но сестра дала ему только пятьдесят рублей, при этом сделав замечание брату о том, чтобы он перестал употреблять алкоголь и устроился на работу. Разозлившись ответчик нанёс ей несколько ударов кулаком в лицо и голову, после того как она упала на пол он несколько раз пнул её ногой в живот.

Данное дело является делом частно-публичного обвинения и было возбуждено по заявлению потерпевшей.

В судебном заседании от потерпевшей поступило ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с тем, что в настоящее время истица не имеет претензий к ответчику, так как он загладил причинённый вред, а именно принёс извинения.

Несмотря на это, суд счёл, что оснований для примирения сторон нет, по причине наличия отягчающих обстоятельств.

Возбуждение органом таких дел полностью устраняет диспозитивность в отношении предмета процесса, дело приобретает публичный характер и в дальнейшем уже не может быть прекращено путём примирения сторон.

При таком абсолютном подходе к публичности в уголовном процессе, положение лица в доказывание своей невиновности становится полностью пассивным. Такой подход обезоруживает лицо в отношении которого ведётся уголовное преследование, он считает, что правоприменитель обязан доказывать его виновность или невиновность и предполагает, что он в принципе может не принимать никаких действий, так как рассчитывает полностью на добросовестность лица, которое осуществляет уголовное преследование, и это способствует формированию уголовно инквизиционной юстиции. Из этого следует, что право на защиту у обвиняемого предполагается, но только исключительно в публичных интересах, как одно из средств их достижения [7, с. 1317].

По-моему мнению акцент должен быть сделан не на положение о том, что любое лицо будет считаться невиновным до тех пор пока его виновность не будет доказана на основании закона, а на предоставление лицу, в отношении которого ведётся уголовное преследование, всех возможностей для своей защиты. Такой подход направлен на активность не только органов государственной власти, но и активность лица, который преследуется в уголовном порядке, при осуществлении своих возможностей в целях отстаивания своих взглядов по делу. Таким образом, будут уменьшаться инквизиционные начала, что несомненно повлияет на содержание принципа публичности.

Усиление публичного порядка предусматривается и в требованиях ст. 318, 319 УПК РФ, которые обязывает мирового судью к активным действиям в плане обеспечения потерпевшим доступа к правосудию. Но вместе с тем ч. 1 ст. 319 УПК РФ предоставляет право мировому судье устанавливать по собственному усмотрению срок для исправления заявления, а также отказывать в принятии заявления в случае неисполнения такого указания.

По-моему мнению необходимо внести изменения в данную статью, отразив в ней требование о том, что нарушение срока не влечёт отказа судьи в его принятии, так как право потерпевшего обращаться с таким заявлением действует в пределах срока давности. Так как при таком требовании ч. 1 ст. 319 УПК РФ происходит обострение публичности, что усиливает инквизиционные начала.

С момента, принятия Конституции РФ и до принятия УПК РФ прошло достаточно много времени, в течение которого в обществе происходили острые теоретические и политические дискуссии, усиливалась роль состязательности, были подвергнуты критическому анализу отдельные положения, но если суммировать всё многообразие подходов, то можно констатировать, что в настоящее время принцип публичности в уголовном судопроизводстве не утратил своей ведущей роли в производстве по уголовным делам.

Изучив закономерности формирования принципа публичности в уголовном судопроизводстве необходимо сделать определённые выводы.

Во-первых, законодатель не всегда может регулировать производство по уголовным делам при помощи абсолютно-определённых предписаний, которые выражаются в виде обязанности компетентного органа. В некоторых случаях он предоставляет простор для усмотрения органа, который ведёт процесс, в виде предоставления ему определённых прав. Но наряду с имеющейся возможностью выбора у должностного лица имеется обязанность принимать такое решение, которое наиболее рационально в конкретном случае, поскольку права государственных органов не существуют в чистом виде, это следует напрямую из требований публичности. Ведь орган, ведущий процесс, при принятии решения по делу, основывается на общественных и государственных интересах, а не на личных.

Иными словами, главная цель уголовного судопроизводства – это реализация в интересах всего общества публичного начала уголовного процесса путём самостоятельного вида государственной деятельности, также в интересах индивида реализуется и частное начало при разрешении каждого конкретного дела [8, с. 89].

Во-вторых, в уголовном процессе действия государственных органов, по большей части, только косвенно определены другими участниками процесса. Возбуждение, прекращение производства по делу зависит не от решения заинтересованного лица, а от оценки конкретных обстоятельств дела органом, который ведёт процесс, исключение составляют дела частного обвинения. Суд в силу публичности обязан

самостоятельно всесторонне выяснять все обстоятельства по делу и выносить решение, также не ставя выполнение этих действий в зависимость от интереса других лиц, кроме дел частного обвинения.

Необходимо понимать тот факт, что праву лица на обращение за защитой своих прав в суд всегда соотносится публично-правовая обязанность органа, который ведёт процесс, принять заявление, возбудить дело и разрешить возникшую конфликтную ситуацию.

Таким образом, хоть законодатель не закрепил публичность в форме общего положения в законодательстве, но при анализе норм нормативно-правовых актов его содержание было выявлено в порядке возбуждения, расследования и прекращения дела, а также при порядке судебного разбирательства и пересмотра решения.

Изложенное выше позволяет сформировать своё собственное понятие публичности.

Публичность – это формообразующий принцип всего судопроизводства, содержащий требование официальности, то есть обязанности уполномоченных на то органов государственной власти выполнять функции по защите интересов частных лиц, всего общества в целом и государства, соблюдая при этом все нормы, предписанные законом. Принцип публичности является проводником реализации политики государства в сфере правового регулирования.

Список использованной литературы

1. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2-х томах. Т. 1 // М.: Наука. 1968. 468 с.
2. Якуб М.Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права // М., изд-во МГУ. 1960. 171 с.
3. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики) // М: Юрид. лит. 1971. 200 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

5. Решение 10-7/2016 Первореченского районного суда г. Владивостока Приморского края от 25.03.2016_ [Электронный ресурс] / РосПравосудие. 2017. Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-pervorechenskij-rajonnyj-sud-g-vladivostoka-primorskij-kraj-s/act-522612249/>

6. Решение 1-39/2016 мирового судьи судебного участка N 51 г. Находки Приморского края от 26.05.2016 [Электронный ресурс] / РосПравосудие. 2017. Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-51-g-naходка-s/act-229512516/>

7. Верещагина А.В. Назначение уголовного судопроизводства: ретроспектива теоретического обоснования и легального закрепления // Право и политика. 2015. № 09. С. 1314-1323.

8. Верещагина А.В. О цели уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Общенаучный периодический журнал. 2006. № 292. С.88-90.

Анастасия Евгеньевна Сушкова

курсант 4 курса

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России, г. Владивосток

Научный руководитель – Загвоздкин Николай Николаевич,
начальник кафедры уголовного процесса

ВФ ДВЮИ МВД России, кандидат юридических наук

ОБЫСК: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, НОРМАТИВНЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации регламентирует основания и порядок производства обыска, однако не раскрывает некоторые понятия и особенности, в связи с чем, как в науке уголовно-процессуального права, так и в правоприменительной практике возникают проблемы, требующие адекватного разрешения.

Ключевые слова: обыск, следственное действие; случаи, не терпящие отлагательства; добровольная выдача, бланк протокола.

Очевидно, что применение мер принудительного характера, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) влечет за собой существенные ограничения прав и законных интересов личности. Из всего арсенала следственных действий именно обыск справедливо считают наносящим самым фактом его производства существенный вред и затрагивающим субъективные права и законные интересы обыскиваемого и других лиц.

УПК РФ непосредственно не закрепляет определение обыска, и, соответственно, к настоящему времени в науке уголовно-процессуального права также не выработано единого понятия обыска. Каждый правовед раскрывает данное понятие в своем видении. На наш взгляд, профессор А.Р. Ратинов сформулировал общепризнанное определение в 1961 году: «Обыск – это следственное действие, содержанием которого является принудительное обследование помещений и сооружений, участков местности, отдельных граждан в целях отыскания и изъятия предметов, имеющих значение для дела, а также обнаружения разыскиваемых лиц» [4, с. 7].

В большинстве случаев обыск представляет собой следственное действие, которое носит неотложный характер, ведь преступники и иные заинтересованные лица стремятся в кратчайшие сроки скрыть либо вовсе уничтожить следы преступления. То есть обыск должен производиться сразу же, как только в нем возникает необходимость. Парадоксально, но, несмотря на очевидный неотложный характер, его проведение возможно только после возбуждения уголовного дела. Зафиксированы негативные примеры, когда следователь выносит постановление о производстве обыска в жилище в случаях, не терпящих отлагательства, а по факту различие в дате совершения деяния и дате составления данного постановления исчисляется довольно длительным промежутком времени, что порождает сомнения в действительном наличии случая, не терпящего отлагательства, и может повлечь

признание судом проведенного обыска незаконным и необоснованным. Например, по уголовному делу № 929112, возбужденному 19 октября 2015 года по факту тайного похищения в указанный день принадлежащего гр-ке Г. автомобиля стоимостью 540 000 рублей подозревался гр-н П. Однако постановление о производстве в его жилище обыска в случаях, не терпящих отлагательства, было вынесено 24 ноября 2015 года. С момента возбуждения данного уголовного дела прошло больше месяца. Учитывая, что следователем не были приведены в постановлении конкретные обстоятельства, характеризующие неотложность обыска, а лишь общее основание «органы следствия имеют достаточные основания полагать, что месту жительства гр-на П. находятся документы, предметы, вещи, добытые преступным путем», возникают сомнения в действительном наличии не терпящего отлагательства случая. Однако проведение данного обыска 24 ноября 2015 было признано судом законным, обоснованным и проведенным без нарушений уголовно-процессуального законодательства.

То, что законодатель в УПК РФ не раскрывает понятие «случаи, не терпящие отлагательств», на наш взгляд, позволяет следователю по своему усмотрению толковать многие ситуации, относящиеся к таковым, что порождает определенные отклонения от общеустановленного порядка производства следственных действий. Проанализировав мнения ученых-процессуалистов и криминалистов, мы пришли к выводу, что нельзя дать исчерпывающий перечень исключительных обстоятельств, при которых возможно производство обыска без судебного решения. Наиболее полное определение приводит Х.И. Никифорова: «Случаи, не терпящие отлагательства – это ситуации, возникающие в связи с необходимостью незамедлительного пресечения или предупреждения совершения преступления, а также создающие убежденность следователя, дознавателя в том, что промедление с производством следственного действия может привести к уничтожению, повреждению, исчезновению или сокрытию объектов, имеющих доказательственное значение по уголовному делу, изменению их свойств и качеств под воздействием определенных лиц или природ-

ных явлений, при отсутствии возможности обеспечения их сохранности» [3, с. 121].

И.Л. Бедняков в результате изучения уголовных дел пришел к выводу, что наиболее часто встречаются случаи производства обыска в случаях, не терпящих отлагательств, когда «промедление с производством обыска может повлечь утрату доказательственной информации» (19 случаев – 67,8 %). «Отсутствие возможности в короткие сроки получить согласие руководителя следственного органа и разрешение суда» зафиксировано в 5 постановлениях, что составляет 17,8%. В четырех постановлениях причины производства обыска в случаях, не терпящих отлагательства, указаны не были [1, с. 80].

Как научный, так и практический интерес представляют иные аспекты рассматриваемого следственного действия, например, добровольная выдача, предусмотренная по предложению следователя до начала производства обыска (ч. 5 ст. 182 УПК РФ). Мы считаем, что следователь не должен в каждом случае ограничиваться добровольной выдачей значимых для конкретного дела предметов, так как у лица могут находиться предметы, хранение и ношение которых уже является окончанным составом преступления, а также запрещенные к свободному обращению (наркотические средства, оружие). Не исключено, что лицо может быть причастно к совершению других преступлений, либо выдать внешне похожий, а не искомый предмет, либо выдать лишь малую часть имеющегося и подлежащего изъятию. И.Л. Бедняков приводит результаты опроса следователей, согласно которым 44 % опрошенных всегда, несмотря на добровольную выдачу, обыскивают помещение. 53 % проводили или проводят поисковые мероприятия по своему усмотрению, руководствуясь при этом собственным опытом и интуицией. И только 3 % следователей в случае добровольной выдачи всегда завершают обыск [1, с. 85].

При буквальном толковании части 6 ст. 182 УПК РФ можно сделать вывод, что вскрываться могут только помещения, если лицо отказывается их добровольно открыть. С другой стороны, искомые предметы могут находиться и в запертых хранилищах, сейфах, тайниках. То есть правоприменителю необходимо прибегать к расшири-

тельному толкованию данной нормы. Следует отметить, что редакция этого положения в ст. 170 УПК РСФСР 1960 г. была более точна: «...следователь вправе вскрывать запертые помещения и хранилища...» Полагаем, что в протоколе обыска необходимо отражать предложение лицу добровольно их открыть. Так, С.Г. Любичев констатирует: «Следователь должен занести в протокол обыска как отказ обвиняемого добровольно открыть хранилище, так и способ и средства, примененные для вскрытия в целях обжалования им действий следователя, если он сочтет, что причиненные повреждения не вызывались необходимостью» [2, с. 64].

Вызывает тревогу повсеместно распространенная практика использования большинством следователей (дознателей) так называемого «двойного» бланка документа, который называется «Протокол обыска (выемки)». То есть нужное слово – обыск либо выемку – необходимо выделить (подчеркнуть), а ненужное – зачеркнуть, причем не только в заголовке, но и далее по тексту документа, что, к сожалению, в большинстве случаев не делается. Зачастую из-за невнимательности следователей, вызванной доверием к такому бланку, невозможно понять, какое именно действие проведено. Очевидно, что в процедуре обыска и выемки много общего (ч. 2 ст. 183 УПК РФ), но есть и существенные различия, связанные, например, с ярко выраженным принудительным поисковым характером обыска (ч. 13 ст. 182 УПК РФ). Уже только по этой причине бланки протоколов обыска и выемки должны быть разными, что подтверждается практикой применения соответствующих норм в период действия УПК РСФСР 1960 г.

Таким образом, проведя исследование норм действующего уголовно-процессуального закона, касающихся правил и порядка проведения обыска, мы выявили ряд существенных законодательных пробелов. К сожалению, перечень рассмотренных проблем не является исчерпывающим, что, несомненно, отрицательно сказывается на качестве применения отдельных положений УПК РФ сотрудниками правоохранительных органов. Полагаем, что сформулированные учеными-процессуалистами рекомендации помогут снизить остроту обозначенных в данной статье проблем.

Список использованной литературы

1. Бедняков И.Л. Обыск: проблемы эффективности и доказательственного значения. М.: Юрлитинформ, 2010.
2. Любичев С.Г. Этические основы следственной практики. М: Юрид. лит., 1980.
3. Никифорова Х.И. К вопросу о судебном контроле законности и обоснованности производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. Вып. № 3.
4. Ратинов А.Р. Обыск и выемка. М., 1961.

Лариса Борисовна Сыромля

старший преподаватель кафедры криминалистики
и специальной техники

Владивостокский филиал Дальневосточного
юридического института МВД России, г. Владивосток
кандидат юридических наук

ОБ ОФОРМЛЕНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ СЛЕДОВ В ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматриваются и анализируются проблемы оформления результатов предварительного исследования материальных следов в полевых условиях. Предлагается оформление результатов предварительного исследования справкой.

Ключевые слова: предварительное исследование, материальные следы, полевые условия, справка об исследовании, заключение специалиста.

Результаты предварительного исследования следов в специальной литературе рекомендуется оформлять по-разному: заключением спе-

специалиста, составлением ориентировки, информационно-поисковой карты, информационно-розыскной карты, в протоколе, актом об исследовании, в справке и другими способами.

Так, в результате проведенного нами анкетирования сотрудников экспертно-криминалистических подразделений Приморского края установлено, что в тех незначительных 32%, когда предварительные исследования специалистами-криминалистами на месте происшествия все же осуществляются, их результаты передаются следователю в устной форме в 24%, и оформляются иным документом, а именно – справкой специалиста «по результатам осмотра места совершенного преступления» - в 8%.

Представляется, что сокращение объема фиксируемой информации об обнаруживаемых следах, стремление к компактности, универсальности информации в информационно-поисковых картах может привести к отрицательным результатам предварительного исследования и снижению эффективности розыскной работы в целом. Например, в формализованной справке специалиста «по результатам осмотра места происшествия» наряду с прочими пунктами, содержатся два пункта, посвященных предварительному исследованию: вероятные приметы преступника (пол, возраст, рост, наличие индивидуальных признаков (хромота, отсутствие конечностей и их частей, шрамы и т.д.); при предварительном исследовании исключены («следы пальцев рук, следы подошвы обуви (другие следы) оставлены не потерпевшим, не свидетелем и т.д.»). В результате опроса сотрудников экспертно-криминалистических подразделений было установлено, что при заполнении данной справки специалистом при осмотре места происшествия в данных пунктах в основном ставятся прочерки. Это еще раз подчеркивает формальность и безрезультативность проводимых в настоящее время предварительных исследований материальных следов при осмотре места происшествия.

Немало ученых считают целесообразным оформление результатов предварительного исследования в форме заключения специалиста. Разберемся в обоснованности этой позиции. Законодатель определил заключение специалиста как «суждение», однако, не совсем ясно, ка-

кой смысл вкладывается в этот термин. Может ли специалист сам проводить какие-либо исследования, или его прерогатива – только оценка заключения эксперта? Так, Е.Р. Россинская, подчеркивает, что «в отличие от эксперта специалист не проводит исследований материальных объектов. Заключение специалиста представляет собой письменную консультацию по вопросам, входящим в его компетенцию, представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами (ч. 3 ст. 80 УПК)» [6, с.15].

Противоположной точки зрения придерживается М.А. Мамошин отмечая, что дача специалистом заключения подразумевает проведение им определенного экспресс-исследования [5, с. 151].

Теперь рассмотрим предложения ученых, согласно которым держательной стороной заключений специалистов должны стать результаты предварительных исследований. Так, по мнению Т.В. Аверьяновой, заключение специалиста может быть дано в процессе осмотра места происшествия, обыска, выемки [1, с. 261]. С данным мнением созвучны суждения ряда ученых, которые предлагают оформлять заключением специалиста результаты предварительных исследований, в настоящее время имеющих, безусловно, не процессуальный характер. Е.А. Зайцева справедливо отмечает, что никаких «заключений специалистов» в качестве итогового документа по результатам непроцессуальных исследований, осуществляемых сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений не предусмотрено [4, с. 53].

Другая группа ученых считает, что предварительным исследованиям, оформленным в виде справки, необходимо придать статус источника доказательств. Так Ф.Г. Аминев отмечает, что одним из источников доказательств может стать справка специалиста о предварительном исследовании следа или объекта, изъятого в ходе проведения проверочных действий [2, с. 14].

При всей, на первый взгляд, привлекательности предложения придать предварительным исследованиям процессуальный статус, приобщать справку о нем или заключение специалиста, в котором будут зафиксированы результаты предварительных исследований, к уго-

ловному делу в качестве источника доказательства, при более детальном рассмотрении оно вызывает серьезные возражения. Авторы, рассуждающие подобным образом, затрагивают только форму обсуждаемого документа, полностью забывая о специфике предварительного исследования в его понимании, существующем на практике в настоящее время. Попробуем разобраться в существе вопроса.

Во-первых, необходимо отметить, что законодатель предусмотрел возможность назначения и производства экспертизы до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144 и ч. 4 ст. 195 УПК РФ в редакции Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ), но подготовка материалов к проведению экспертизы, производство экспертизы и оформление заключений эксперта связаны с соблюдением целого ряда процессуальных требований, что неминуемо приводит к значительным затратам времени. На практике распространены случаи, когда следователь, обнаружив следы при осмотре места происшествия, не назначает их исследования до установления подозреваемого, изъятия у него необходимых образцов для сравнительного исследования. Это в свою очередь повышает опасность порчи следов вследствие их длительного хранения. Сведения теряют свою информационную и поисковую значимость, не могут быть немедленно реализованы в оперативно-розыскных мероприятиях, в разрабатываемых версиях по расследуемому событию. Однако в качестве исходных оснований для следственных, розыскных версий, намечаемых оперативно-следственных действий, составления плана расследования и, главное, раскрытия преступления по горячим следам могут служить не только доказательства, но и так называемая ориентирующая информация – сведения о фактах, наличие которых предполагается или устанавливается вероятно. Для ее получения и проводится предварительное исследование, которое не исключает, а предваряет последующее процессуальное исследование, которое осуществляется без соблюдения процессуальных требований, предъявляемых к экспертизе. Результаты предварительных исследований всегда формулируются только в вероятной форме именно потому, что при решении соответствующих вопросов используются не экспертные, а облегченные методики, ис-

пользование которых позволяет устанавливать обстоятельства, достоверность которых существенно ниже, чем экспертных методик.

Во-вторых, в соответствии с принятым в теории судебных доказательств принципом вероятные выводы экспертов (и специалистов) не могут рассматриваться в качестве доказательств по делу. Р.С. Белкин справедливо утверждал, что «При любой степени вероятности не исключается возможность противоположного решения, а, следовательно, вероятное знание не может иметь доказательственного значения по делу» [3, с. 60]. Но поскольку результаты предварительного исследования всегда формулируются только в вероятной форме, они изначально не могут приниматься в качестве доказательств по делу. В связи с этим признавать справку о предварительном исследовании или соответствующее ему заключение специалиста доказательством недопустимо.

Представляется, что предварительные исследования в полевых условиях необходимо оформлять справкой «по результатам проведения предварительного исследования материальных следов на месте происшествия». Справка должна заполняться субъектом проведения предварительного исследования в произвольной форме и содержать следующую информацию:

- кем, когда и где были обнаружены материальные следы, подвергнутые предварительному исследованию в ходе проведения осмотра места происшествия или другого следственного действия;
- какие именно материальные следы были исследованы;
- результаты предварительного исследования в вероятной форме.

Список используемой литературы

1. Аверьянова Т.В. Заключение специалиста как новый вид доказательства в уголовном судопроизводстве // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. 2004. № 4. С. 260-262.

2. Аминев Ф.Г. Комплексное использование экспертно-криминалистических учетов в информационном обеспечении расследования и раскрытия преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа. 2001. 26 с.

3. Белкин Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. М.: Наука, 1966. 261 с.

4. Зайцева Е.А. К дискуссии о заключении специалиста // Актуальные проблемы использования специальных знаний в следственной и судебной практике: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции посвященной к 300-летию Российской полиции / под общ. ред. А.Е. Коцюбы. Владивосток. 2017. С. 51-54.

5. Мамошин М.А. Теория и практика использования специальных знаний в расследовании преступлений: монография. Дальневосточ. юрид. институт МВД России. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2015. 172 с.

6. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 3 - изд., доп. М.: Норма: Инфа- М, 2015. 736 с.

Денис Сергеевич Титов

студент 4 курса

Владивостокский государственный университет

экономики и сервиса, г. Владивосток

Научный руководитель – Верещагина Алла Васильевна,

кандидат юридических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В работе затрагиваются проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовному делу. На основании анализа действующего законодательства, судебной практики сделан вывод о том, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут являться предметом доказывания по уголовному делу, при условии соблюдения действующего законодательства, несмотря на его пробелы, препятствующие транс-

формации результатов оперативно-розыскной деятельности в доказательства по уголовному делу.

Ключевые слова: результаты оперативно-розыскной деятельности, оперативно-розыскные мероприятия, доказательства, уголовный процесс, суд, следователь.

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД), как и деятельность уголовно-процессуальная, предназначена для целенаправленной защиты человека, общества и государства от преступных посягательств.

В соответствии со статьей 1 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – закон № 144-ФЗ), вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом (далее – органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность), в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств [1].

В законодательстве РФ дано легальное определение результатов ОРД. В частности, п. 36.1 ч. 1 ст. 5 УПК РФ установлено, что результаты ОРД – сведения, полученные в соответствии законом № 144-ФЗ, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда [2].

Необходимо отметить, что вопрос об использовании результатов ОРД в процессе доказывания по уголовному делу является дискуссионным. По анализируемому вопросу мнения ученых в данной области можно разделить на две правовые позиции: одни считают, что результаты ОРД имеют доказательственное значение и формулируют соответствующие предложения по совершенствованию законодательства, другие – полностью отрицают возможность использования

результатов ОРД в процессе доказывания. Вместе с тем, в УПК РФ содержится норма, которая косвенно придает результатом ОРД доказательственное значение.

В соответствии со ст. 89 УПК РФ (использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности) в процессе доказывания запрещается использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ [2].

Несмотря на то, что указанная статья содержит негативную дефиницию, в совокупности с ч. 2 ст. 11 закона № 144-ФЗ, очевидно, что результаты ОРД могут быть предметом доказывания по уголовному делу.

В связи с этим, как указал Конституционный суд Российской Федерации (далее КС РФ), результаты ОРМ носят не доказательственный характер, а лишь являются сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований закона № 144-ФЗ, могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно - процессуального закона, т.е. так, как это предписывается ч. 1 ст. 49 и ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации [3].

Необходимо отметить, что ст. 101 УПК Республики Беларусь, ст. 84 УПК Республики Таджикистан, ч. 4 ст. 93 УПК Молдовы и ст. 137 УПК Азербайджана содержат корреспондирующие нормы со ст. 89 УПК РФ и не дают полного представления о том, каким образом результаты ОРД могут быть эффективно использованы в доказывании по уголовным делам. УПК Украины предусматривает только традиционные виды доказательств. Вместе с тем, весьма правильно представляется урегулирование данного вопроса в законодательстве Республики Казахстан [4, с. 99-103].

УПК Республики Молдова (далее – УПК РМ) предусматривает проведение специальной розыскной деятельности, под которой понимается совокупность действий по уголовному преследованию гласного и/или негласного характера, осуществляемых розыскными офицерами в рамках уголовного преследования только на условиях и в порядке, предусмотренных УПК. В ч. 2 ст. 93 УПК РМ установлено,

что в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве допускаются фактические данные, установленные, в частности, с помощью процессуальных актов о результатах специальных розыскных мероприятий и приложения к ним, включая стенограммы, фотографии, записи и др. [5].

В законе Республики Молдова от 29 марта 2012 года №59 «О специальной розыскной деятельности» содержится очень важная норма. В частности, в ст. 24 указано, что результаты СРМ могут служить основанием для проведения других СРМ с целью предупреждения преступности и обеспечения безопасности государства и общественного порядка, а также в качестве доказательств, если они были проведены в рамках уголовного дела [6].

В соответствии с ч. 1 ст. 11 закона № 144-ФЗ результаты ОРД могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями УПК РФ [1]. В силу ч. 1 ст. 88 УПК РФ, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности - достаточности для разрешения уголовного дела, в противном случае, на основании ст. 75 УПК РФ указанные доказательства будут признаны недопустимыми [2]. Вместе с тем, по мнению А. В. Верецагиной, «исходя из буквальной формулировки ч. ч. 1, 5 ст. 235 УПК РФ, даже существенное нарушение закона не является безусловным основанием для признания доказательства недопустимыми и исключения его из процесса доказывания при отсутствии соответствующего решения [7, с. 24]. Причем, вопрос о недопустимости доказательств решается судом в каждом конкретном случае вне зависимости от прямого нарушения закона [8].

В Российской Федерации, несмотря на то, что уголовно-процессуальное законодательство признает результаты ОРД в качестве доказательств по уголовному делу, на сегодняшний день существуют некоторые законодательные пробелы, которые препятствуют вхождению результатов ОРД в уголовный процесс.

К ним относится, в частности, отсутствие в ст. 140 УПК РФ такого повода и основания для возбуждения уголовного дела, как результаты

ОРД, представленные следователю, органу дознания или в суд, в порядке, предусмотренном законом, и, несмотря на то, что закон № 144-ФЗ и инструкция предусматривают, что результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, порядок возбуждения уголовного дела установлен УПК РФ, поэтому необходимость включения указанной нормы в ст. 140 УПК РФ невозможно переоценить.

Так, в ст. 262 УПК РФ установлено, что орган уголовного преследования может быть осведомлен о совершенном или готовящемся к совершению преступлении, предусмотренном Уголовным кодексом, посредством: 1) жалобы; 2) доноса; 3) явки с повинной; 4) выявления непосредственно органом уголовного преследования или прокурором обоснованного подозрения в совершении преступления [5].

Таким образом, УПК РФ признает в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела результаты ОРД.

В связи с этим, необходимо обратиться к уголовно-процессуальному законодательству Республики Молдова, в частности включить в ст. 140 УПК РФ такой повод и основание для возбуждения уголовного дела, как результаты ОРД.

Более того, необходимо изменить отрицательную интерпретацию ст. 89 УПК РФ. Например, «Результаты ОРД могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу с соблюдением требований, предъявленным к доказательствам настоящим Кодексом.

Дополнить ст. 89 УПК РФ второй частью, в которой указать, что результаты ОРД представляются в порядке, предусмотренном межведомственной инструкцией.

Несмотря на то, что УПК РФ содержит аналогичные с законом № 59 негласные следственные действия, нет необходимости следовать такой же практике и включать в УПК РФ указанные положения, в связи с тем, что указанные негласные следственные действия проводятся органами, осуществляющими ОРД. В таком случае, представляется более разумным в законе № 144-ФЗ раскрыть понятие, особенности и порядок проведения отдельных ОРД. Включить в закон № 144-ФЗ статью, которая бы устанавливала, что результаты

ОРД могут быть использованы в доказывании по уголовному делу, за исключением результатов таких ОРМ как опрос и наведение справок, при условии соблюдения действующего законодательства.

Список использованной литературы

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016)[Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=201204>.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=197926>.

3. По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 04.02.1999 N 18-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=8328>

4. Абдуллоев П. С. Международно-правовая помощь при собирании и проверке доказательств по уголовным делам (УПК Республики Таджикистан) // Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Юридический факультет. 2014.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова: закон от 14 марта 2003 года № 122-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.03.2017 г.) [Электронный ресурс] // ИС «ПАРАГРАФ». Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729.

6. О специальной розыскной деятельности: закон Республики Молдова от 29 марта 2012 года №59 (в редакции от 21.07.2016 г.) [Электронный ресурс] // БД «Законодательство стран СНГ». Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=54599

7. Верещагина А. В. Конструктивные дефекты нормы ч. 3 ст. 7 УПК РФ / А. В. Верещагина // Российская юстиция. – 2005. – № 9. – С. 22-26.

8. Верещагина А. В. Новеллы уголовно-процессуального кодекса РФ: концептуальный аспект [Электронный ресурс] / А. В. Верещагина // Интернет-журнал «Сейчас.ру». Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/comm/3628/>.

Анастасия Андреевна Тюрькова

курсант 3 курса

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института

МВД России, г. Владивосток

Научный руководитель – Шабельникова Наталья Алексеевна

доктор исторических наук, профессор

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.

В данной статье проводится анализ способов и методов борьбы с преступностью несовершеннолетних в России с момента распада СССР и по настоящее время. Преступность несовершеннолетних – совокупность преступлений, которые совершают лица в возрасте от 14 до 18 лет. Актуальность темы заключается в том, что в последнее время участились случаи совершения тяжких и особо тяжких преступлений среди подростков, что не может не влиять на национальную безопасность нашей страны.

Ключевые слова: преступность, несовершеннолетние, девиантное поведение, противодействие преступности.

Преступность – дестабилизирующий фактор общественного развития. Ее масштабы угрожают безопасности нашей страны. Преступность встречается среди людей всех возрастных категорий, включая и несовершеннолетних.

Подростковый период – один из самых трудных этапов становления личности. Несмотря на относительную краткую продолжительность, этот период определяет дальнейшую судьбу каждого человека, так как именно в этом возрасте происходит завершение формирования характера и личности при активном влиянии социума, близкого окружения и общества в целом.

Среди несовершеннолетних существует «группа повышенного риска», которая включает в себя лиц, имеющие такие проблемы, как семейное неблагополучие (низкий уровень материального и бытового обеспечения, моральная атмосфера, неправильное воспитание детей), безнадзорность, незанятость в школе, проблемы со здоровьем, алкоголизм, приобщение к наркотикам и т.д. Все это влияет на совершение преступлений молодежи [1, с. 46].

Преступность несовершеннолетних – совокупность преступлений, которые совершают лица в возрасте от 14 до 18 лет. Согласно ч. 1 ст. 20 УК РФ уголовной ответственности подлежат лица, достигшие 16 лет, но за совершение 20 преступлений, которые предусмотрены ч. 2 ст. 20 УК – ответственности подвергаются и те, кому уже исполнилось 14 лет [5].

Количество преступлений в России, совершенных подростками вызывает волнение в обществе. По данным МВД РФ повышается уровень преступной деятельности молодежи. Не только возрастает число преступлений, но и становятся выше категории преступлений. Чаще преобладает жестокость и организованность криминальных действий. Актуальность данной темы состоит в том, что изучив понятие, суть, историческое развитие, причины и способы борьбы с преступностью несовершеннолетних – мы можем найти ключ к разработке наиболее эффективных методов противодействия, а также предвидеть завтрашний день преступности.

Причин преступности несовершеннолетних множество. Во-первых, это социально-экономические причины, которые вызывают девиантность и преступное поведение среди молодежи [2, с.65]. К ним мы можем отнести материальное и другие разновидности семейного неблагополучия, безнадзорность детей, неэффективная работа образовательных учреждений, резкое изменение в обществе ценностных

ориентаций и приоритетов, влияние на несовершеннолетних негативной информации, навязывание ложных ценностей, распространение зависти и злобы в обществе, правового нигилизма и т.д.

Наша страна после распада Советского Союза прошла нелегкий этап своего развития, который связан с реформами, затрагивающими все сферы ж общества. Смена государственного строя привела к учащению криминальных деяний. Передел капиталов, когда государственная собственность перешла в частную, вел к беспощадной борьбе за право владеть ею. Скорее всего, рост преступной деятельности был связан с обретением советскими людьми долгожданной свободы. Падение железного занавеса изменило установленные нормы поведения людей, но к этому государство не было готовым. С Запада перешли к нам следующие негативные явления: пропаганда насилия, распущенности в свободных СМИ, преступные организации, проституция, наркомания, экономические преступления.

Статистика свидетельствует, что за 1991~1996гг преступность несовершеннолетних возросла почти на 40%. Только в 1996г. лицами этой категории при их соучастии совершено 202,9 тыс. преступлений. Удельный вес преступных деяний подростков составляет 11% от общего числа расследованных преступлений [6]. Удельный вес краж в общем числе преступлений, совершаемых несовершеннолетними, с 1990 по 1996 гг. вырос с 58,9% почти до 70%, а каждое десятое преступление, которое совершалось детьми, представляло собой грабеж или разбой. В 1996 г. более 1,5 тыс. несовершеннолетних привлечены к уголовной ответственности за участие в преступных группировках, засвидетельствовано свыше 3 тыс. случаев совершения ими вымогательств, 1 тыс. мошенничеств в отношении частной собственности.

Для борьбы с преступностью несовершеннолетних были приняты следующие меры. Обратимся к Концепции федеральной семейной политики в России, которая была одобрена решением Национального Совета по подготовке и проведению Международного года семьи в Российской Федерации от 12 мая 1993 г. Согласно п.14.6 раздела 2: «В сфере реорганизации государственной системы профилактики

безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, защиты их прав необходимо:

- сформировать комиссии по защите прав несовершеннолетних в структуре органов исполнительной власти;

- создать в системе учреждений социальной защиты населения специальные социальные службы для несовершеннолетних, которые предназначены для безнадзорных детей и подростков; которые отказались жить в семье или учебно-воспитательных учреждениях; оставшиеся без попечения родителей (опекунов), постоянного места жительства, средств к существованию; задержанных за бродяжничество; которые подверглись;

В 1995 г. издано постановление Правительства РФ «Об утверждении Типового положения о специальном учебно-воспитательном учреждении для детей и подростков с девиантным поведением» [4].

18 апреля 1996 г. издается Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, направленное на согласование усилий различных ведомств, совместно решающих сходные задачи в области профилактики преступлений.

Результатом предпринятых мер стало постепенное снижение остроты проблемы. И уже в 2016 году число преступлений среди несовершеннолетних в РФ составляет 53736, учитывая, что в начале века их было 195426. В Приморском крае за 16 лет число преступлений снизилось с 4454 до 1146. Как мы видим, показатели улучшились в 4 раза. Но это не означает, что можно уменьшить количество и интенсивность профилактических мероприятий, это значит, в первую очередь, что законодательство в борьбе с несовершеннолетними преступниками идет по верному пути.

Президент РФ в указе от 1 июня 2012 г. «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы» в числе мер, которые были направлены на улучшение воспитания и социализацию несовершеннолетних признал необходимость проведения комплексной профилактики негативных явлений в подростковой среде; совершенствование форм и способов борьбы с безнадзорностью, наркоманией, алкоголизмом, преступностью, проституцией.

Также хотелось бы выделить основные направления и способы борьбы с преступностью несовершеннолетних:

– развитие системы государственных органов, которые выполняют функции профилактики преступности несовершеннолетних: это комиссии по делам несовершеннолетних, профилактические подразделения органов внутренних дел, участковые инспекторы, отделы по делам семьи и детей в органах местного управления, комитеты по делам молодёжи и т.д. Основной функцией этих органов является набор и подготовка кадров, улучшение методик работы, материальное обеспечение.

– помощь государства общественным организациям, которые участвуют в профилактике преступности несовершеннолетних. Координации усилий государственных и общественных организаций в борьбе с молодежной преступностью.

– развитие сферы досуга, активное вовлечение молодежи к спорту.

– организация правового и патриотического воспитания детей.

– повышение уровня подготовки учителей в педвузах, направленность их на правильное и правомерное воспитание детей, взаимодействие с их родителями.

– формирование ювенальной юстиции, которая специализируется на расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел в отношении несовершеннолетних.

– развитие системы наказаний несовершеннолетних преступников.

– профилактика физических и психических болезней подростков, обеспечение гигиены беременности и предупреждение родовых травм. Обеспечение государством новорождённых детским питанием, борьба с пьянством и наркоманией среди детей и взрослых.

– усиление карательных мер к лицам, которые применяют насилие в отношении несовершеннолетних, которые вовлекают их в совершение преступления (ст.150 УК РФ), в систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, в занятие проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством (ст.151 УК РФ), а также за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних (ст.156 УК РФ) [3, с.140].

По данным МВД, на сегодняшний день в полиции работают больше 14 тысяч сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних и больше 2 тысяч работников центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей. Ежегодно ими проводится профилактическая работа в отношении более 315 тысяч детей и 210 тысяч неблагополучных родителей, ежедневно благодаря работе инспекторов исправляются 237 ребят.

Таким образом, подводя итоги можно сказать, что состояние преступности несовершеннолетних определяет нравственный уровень и облик общества, и, безусловно, влияют на социальную, экономическую и политическую обстановку в стране. И мы не должны допускать данное явление, принимая меры для устранения этой проблемы.

Список использованной литературы

1. Беженцев А.А. Административная деятельность органов внутренних дел по предупреждению правонарушений несовершеннолетних. Москва: ЮНИТИ–ДАНА, 2012.

2. Минин А.Я., Краев О.Ю. Актуальные проблемы девиантного поведения несовершеннолетних и молодежи. Москва: Прометей, 2016.

3. Попов И.А. Особенности предупреждения преступлений несовершеннолетних. Москва: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) 2014.

4. Постановление Правительства РФ от 25.04.1995 № 420 (ред. от 10.03.2009) "Об утверждении Типового положения о специальном учебно-воспитательном учреждении для детей и подростков с девиантным поведением" [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996 г. 17 июня.

6. Число преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии: Федеральная служба государственной статистики

[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/.

Анастасия Андреевна Тюрькова

курсант 3 курса

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России, г. Владивосток

Научный руководитель – Волгина Татьяна Львовна

доцент кафедры гуманитарных дисциплин

ВФ ДВЮИ МВД России, кандидат медицинских наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ

В данной статье проводится анализ проблем, которые возникают при общении между собой детьми разных этносов. Всякий этнический конфликт начинается с состояния этнической напряженности, т.е. особого психического состояния этнической общности, которое формируется в процессе отражения групповым этническим сознанием совокупности неблагоприятных внешних условий, ущемляющих интересы этноса, дестабилизирующих его состояние и затрудняющих его развитие. В последние десятилетия происходит значительная миграция людей в нашу страну, и возникает необходимость уделять большое внимание воспитанию толерантности к другим нациям с детского возраста ради мирного будущего нашей многонациональной страны.

Ключевые слова: межэтническая напряженность, дети, толерантность, воспитание, межэтническое общение, Россия, многонациональный народ.

Одной из особенностей Российской Федерации заключается в том, что ее население составляют больше ста девяноста коренных народов, которые проживают на разных территориях с древних времен, — это множество языков, культур, традиций.

Кроме того, проблема межнациональных отношений в современном российском обществе актуальна еще и потому, что в последнее время происходит значительная миграция людей в Россию. И в связи с этим мы можем говорить о некоей этнической напряженности, которая является итоговым нарушением баланса взаимоотношений на всех уровнях поликультурного общества. Социально-психологические взаимодействия этнических групп нередко носят конфликтный характер.

В настоящее время межнациональная нетерпимость уже является реальной формой проявлений кризисных изменений многонационального общества [3, 25]. Причинами этого, с нашей точки зрения, являются: социальные, политические, экономические события в стране, изменения в национальном составе, обострение межэтнических отношений, влияние негативных этнических стереотипов. Нередко, в центре межнациональной нетерпимости, а, следовательно, и в поле социально-психологического напряжения, оказываются дети. Вследствие этого проблема воспитания культуры межэтнических отношений в современном российском обществе является одной из самых острых воспитательных проблем.

Понимание человека другого этноса, солидарное отношение и уважение к нему вне зависимости от цвета кожи, вероисповедания, мировоззрения закладывается на протяжении первых семи лет жизни ребенка. Дети дошкольного возраста начинают активно интересоваться миром, стремятся понять эмоции, состояния и отношения людей [4, 56].

По мнению психологов, ребенок до 4 лет еще не знает о существовании разных народов. Его отношение к сверстникам не зависит от этнической принадлежности. Но уже на пятом году жизни у детей пробуждается самосознание, как личное, так и национальное. У них может развиваться активная агрессия к детям, которые не похожи на них. Они могут давать обидные прозвища, клички, обижая сверстников. Причиной этому может быть то, что дошкольники ещё мало знакомы с культурными нормами и обладают большей импульсивностью, а потому, в случае непринятия «сверстника-чужака», общение с ним приобретает агрессивный характер.

В силу этого становится очевидным важность благоприятной психологической обстановки в семье, которая сопутствует формированию у детей доброжелательного отношения к людям другой национальности. Родителям необходимо проявлять деликатность и осторожность, учитывать специфику и особенности национального состава детей (язык, традиции, культура), которые и составляют круг общения их ребёнка, не допускать возникновения каких-либо резких суждений о тех или иных этносах [1, 41].

Общение со сверстниками другой национальности – отличный способ познать культуру других народов и расширить свой кругозор, но нередко дети, оказавшись в чужой культурной среде, находятся в постоянном угнетении и одиночестве. Ребенку семьи мигрантов из-за незнания или плохого знания русского языка сложно наладить нормальные отношения со сверстниками. Они могут не понимать мимики, жестов, в их культуре может быть иное отношение к громкости разговора, дистанции между собеседниками, взгляду. На юге, например, принято громче говорить, и южных детей часто считают агрессорами только потому, что они громкие. На долю детей другого этноса часто достаются и насмешки из-за сильного акцента, другой внешности.

В возрасте 11-14 лет идет интенсивное формирование личности, но мировоззрение, нравственные идеалы, система оценочных суждений, моральные принципы еще не приобрели устойчивость. Иначе строятся отношения со взрослыми и сверстниками, изменяются интересы, интеллект и способности. Духовная и физическая жизнь перемещается из дома во внешний мир, взаимоотношения со сверстниками строятся на более серьезном уровне. У ребят подросткового возраста возникает большая потребность в общении и дружбе, но, одновременно, они боятся быть отвергнутыми [5, 36]. Многие из них избегают общения из страха «не понравиться». И так как в этот период ведущим видом деятельности является общение со сверстниками, суждения подростка легко изменяются под влиянием окружения. Они могут не высказывать своего мнения, если оно не совпадает с мнением остальных, и болезненно воспринимают потерю авторитета в

группе. Неприязнь может быть не только в активной, но и пассивной форме: например, отказ принять в игру, выступать в одной команде, сидеть за одной партой и т.д. Поэтому так важно, чтобы дети чувствовали себя комфортно при общении со сверстниками, вне зависимости от национальной принадлежности.

Если происходит разногласие между детьми разных национальностей, то это еще не является межэтническим конфликтом. Поругаться, подраться, совершить правонарушение или стать его жертвой могут ребята независимо от своей национальности. Межэтнические конфликты происходят из-за отсутствия у детей знаний о народах, отношениях и традициях, возникновения предрассудков о разных культурах. Обычный конфликт между детьми разных этносов превращают в межэтнический сами участники и их окружение. Этому может способствовать прошлый неблагоприятный опыт детей, негативные образы, транслируемые СМИ, родителями, педагогами и др.

Нередко конфликт втягивает в себя еще и окружающих. Слабые «я», отмечают психологи, сливаются в сильное «мы». Дети создают замкнутые группы, часто по культурному и этническому принципу. В некоторых принято бурно выражать эмоции, в других – сдерживать их; когда темперамент, коллективизм и чувство ущемленности объединяют детей в группировку, могут начаться настоящие этнические войны.

Выделяют три вида конфликта, которые имеют межнациональный контекст.

1) Конфликт, который рождается из-за оскорблений, связанных с национальными особенностями (цвет волос или кожи). Но при этом участники не имеют ничего против конкретного этноса, их действия продиктованы желанием обидеть своего неприятеля, приняв во внимание данную особенность.

2) Конфликт, когда участник чувствует себя потерпевшим от прошлых столкновений с национальной группой, и поэтому считает себя вправе дать «отпор» не только за конкретную ситуацию, но и за предыдущие «страдания». В этом случае он ощущает себя представителем своей этнической группы и выступает от ее лица против других.

3) Третий вид связан с целыми противостоящими межэтническими группами, в которых уже сформировались конкретные способы реагирования на конфликты (месть, «стрелки», насилие и пр.). В этом случае участник столкновения не может принять на себя ответственность, потому что тесно связан с мнением группы. Он не может пойти против мнения своих товарищей, так как это сопряжено с риском для него самого.

В первом и во втором случаях педагоги могут сами разобраться и помочь учащимся помириться. Третий случай является очень сложным и тут будут необходимо создание дискуссионных кружков, на которых участники конфликта могут высказаться. Привлечения специалистов-психологов тоже будет полезно и эффективно.

Какие же меры можно предпринять для минимизации конфликтов?

1) обучение пониманию необходимости отказа от насилия, использования мирных средств к заглаживанию конфликта. [6, 82].

2) Любой работник системы образования должен давать пример положительного (в отличие от негативного, шовинистического) национального самосознания. Особенно преподавателям необходимо агитировать и демонстрировать национальную гордость, патриотизм, знание культуры своей страны и одновременно поддерживать стандарты в межнациональных, межкультурных отношениях, развитых миром, вносить в учебный план специальные курсы и факультативы, которые ориентированы на достижение целей поликультурного образования;

3) Каждое культурное, спортивное мероприятие может вызывать нездоровое соперничество между учащимися разных национальностей, если не созданы условия для их взаимоотношений. Поэтому крайне важно, чтобы команды, отряды, комиссии, жюри составлялись из представителей разных национальностей и имели четкие правила определения первенства.

4) С целью развития толерантности можно проводить различные мероприятия: праздники и уроки знакомства с культурой и традициями своего народа и других народностей, ролевые игры по освоению мо-

ментов толерантного общения, активные игры разных национальностей, народные праздники, занятия по мотивам народных сказок [2, 8].

5) Необходимо, чтобы родители, педагоги при общении с детьми всегда опирались на общечеловеческие ценности морали, искусства, религии разных народов. Это поможет детям разных этносов не быть равнодушными друг к другу, проявлять взаимный интерес к личностным качествам, духовным запросам.

Таким образом, на сегодняшний день возникает необходимость воспитания культуры межнациональных отношений у школьников, т.е. формирования толерантности – духовной позитивной установки личности относительно ценностей, традиций и других особенностей различных народов. Развивать гуманность и интеграцию как направленность личности следует в процессе образования и воспитания, создавая условия для взаимодействия с представителями разных национальностей.

Список использованной литературы

1. Антонова Т.В. Особенности общения старших дошкольников со сверстниками // Дошкольное воспитание. 1975. № 10.
2. Аполлонова Н. Приобщение дошкольников к русской национальной культуре // Дошкольное воспитание. 1992. № 5-6.
3. Арутюнян Ю.В. и др. Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 2014.
4. Кадиева Р.И. «Воспитание в духе патриотизма, дружбы народов, веротерпимости»// Педагогика. 2000. №5
5. Насырова М.Б. Этнопедагогика и этнопсихология. Учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007.
6. Селюкова Е.А., Фокина М. Н. Межэтнические отношения учащихся школы // Проблемы и перспективы развития образования: материалы II Междунар. науч. конф. Пермь: Меркурий, 2012.

Александра Валерьевна Уличная

курсант 2 курса

Владивостокский филиал, Дальневосточного юридического
института МВД России, г. Владивосток

Научный руководитель – Якимова Зоя Владимировна,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин

ВФ ДВЮИ МВД России, кандидат психологических наук

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье приведены результаты исследования ценностно-мотивационной сферы сотрудников ОВД по методике М. Рокича «Ценностные ориентации личности» на примере курсантов Дальневосточного юридического института МВД России (Владивостокский филиал).

Ключевые слова: система ценностей, ценностные ориентации, ценностно-мотивационная сфера, сотрудник органов внутренних дел.

Важнейшую роль в жизни каждого отдельного человека и всего общества в целом играют ценности и ценностные ориентации, которые выполняют, в первую очередь, интегративную функцию. Именно на основе ценностей (при этом ориентируясь на их одобрение в социуме) каждая личность делает свой собственный выбор в жизни. Ценности занимают центральную позицию в структуре личности, оказывают существенное влияние на направленность человека и содержание его социальной активности, поведение и поступки, его социальную позицию.

Ценности в жизни человека являются основой для выбора целей, способов и условий деятельности, а также помогают ему ответить на вопрос, ради чего он совершает ту или иную деятельность? В связи с этим необходимо обозначить взаимодействие некоторых аспектов личности с профессиональной деятельностью. Выделяя ценностные ориентации профессиональной деятельности, всегда подчеркивается системное единство, целостность развития личности и деятельности. Кроме

того, системе ценностей отводится определенная роль в достижении профессионализма, мастерства в профессиональной деятельности.

Профессиональные ценностные ориентации – это ориентиры, на основе которых человек выбирает, осваивает и выполняет свою профессиональную деятельность. Каждая профессия характеризуется общими и специфическими, присущими только ей ценностями. Особенности профессиональных ценностей обусловлены ролью и статусом профессии в жизни общества и отдельного человека.

Формирование профессиональных ценностных ориентаций происходит именно в студенческом возрасте, когда актуальными становятся ценности, определяющие отношение к профессии; ценности, определяющие характер взаимодействия с другими субъектами профессиональной деятельности; ценности, в которых закреплено отношение к себе как к будущему профессионалу и которые выступают в качестве эталона в процессе профессионально-личностного самосовершенствования [2].

Отличным примером станет процесс обучения сотрудников органов внутренних дел, где с первого курса юным правоохранителям прививаются все необходимые качества, для осознания своего долга и степени высокой социальной ответственности. Полученные нравственные уроки курсантам предстоит трансформировать в свою личную систему ценностей.

Сформированная система ценностей должна быть достаточно устойчивой, поскольку общение сотрудников правоохранительных органов часто происходит в экстремальных ситуациях и сопровождается высоким конфликтным напряжением.

Курсантам ВФ ФГКОУ ВО «ДВЮИ МВД России», направление «Правовое обеспечение национальной безопасности» было предложено пройти тест М. Рокича «Ценностные ориентации личности», направленный на выявление ценностно-мотивационной сферы.

М.Рокич различает два класса ценностей – терминальные и инструментальные.

Терминальные ценности определяются как убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования (например,

счастливая семейная жизнь, мир во всем мире) с личной и общественной точек зрения стоит того, чтобы к ней стремиться, *инструментальные ценности* – как убеждения в том, что какой-то образ действий (например, честность, рационализм) является с личной или общественной точек зрения предпочтительным в любых ситуациях [1].

Курсантам было предложено 2 перечня, каждый из которых включает по 18 ценностей. Согласно инструкции необходимо было про ранжировать каждый из перечней, при этом 1 место в рейтинге занимают наиболее значимые ценности, последнее – наименее значимые.

Исследование было проведено среди группы курсантов 2 курса, состоящей из 20 человек, возрастной диапазон респондентов от 18 лет до 21 года, в процентном соотношении юношей и девушек 65% и 35% соответственно.

Анализ результатов выявленных ценностных ориентации курсантов ВФ ФГКОУ ВО «ДВЮИ МВД России» показал, что в числе наиболее значимых оказались такие терминальные ценности, как:

- 1) здоровье
- 2) любовь и счастливая семейная жизнь
- 3) активная деятельная жизнь
- 4) наличие хороших и верных друзей
- 5) жизненная мудрость

Наиболее привлекательными из инструментальных ценностей оказались в основном индивидуалистические и этические:

- 1) воспитанность
- 2) образованность
- 3) честность
- 4) ответственность
- 5) рационализм.

Доминирование ценностных ориентаций, связанных с благополучной личной жизнью, потребностью в хороших друзьях может свидетельствовать о том, что для будущей профессии необходимо иметь рядом людей, которые всегда окажут поддержку, являясь в какой-то степени фундаментом личности, что свидетельствует о взаимосвязи счастливой жизни и успешной профессиональной деятельности.

А успешная профессиональная деятельность в свою очередь достигается через честность, образованность и воспитанность.

Именно такое сочетание доминирующих инструментальных ценностей позволяет достигать высокого уровня профессионализма по средствам ориентации на профессиональное обучение, в т.ч. и на дополнительное профессиональное обучение. Так, например, некоторые авторы отмечают, что «...еще один аспект сопричастности вуза к формированию культуры добровольной сертификации в студенческой среде можно видеть в перспективах развития дополнительных образовательных программ и организации краткосрочных специализированных курсов, позволяющих всем желающим параллельно с освоением основной образовательной программы (или вообще независимо от нее) пройти дополнительное обучение и получить сертификаты, подтверждающие наличие конкретных профессиональных компетенций...» [3, с. 33].

Кроме того, деятельность работников ОВД характеризует чрезвычайное разнообразие задач, правильное решение которых требует применение разнообразных качеств, навыков и знаний. Таким образом, в результате формирования профессиональных ценностных ориентаций сотрудника ОВД курсанты должны осознавать сущность и миссию выбранной профессии, обладать определенными знаниями в данной профессиональной сфере и уметь применять их на практике, а также иметь мотивацию к самореализации.

В основе профессиональной деятельности сотрудников ОВД лежат ценности, направленные на установление истины, законности и справедливости, сохранение интересов общества. Сотрудник ОВД является носителем вполне определенной социальной роли, которая предполагает наличие широкого круга прав и обязанностей. Социальная роль представителя государственной службы налагает на профессиональные качества сотрудника характеристики регламентированности (в части касающейся выполнения профессиональных обязанностей, требующих соблюдения установленного порядка, а также личная дисциплина в повседневной жизни), вынужденности (в части касающейся осознания необходимости выполнения своих професси-

ональных обязанностей в любое время и при любых условиях, вознесение данных обязанностей в степень профессионального долга), а также ответственности.

Все вышесказанное подтверждает с этим формирование ценностных ориентаций профессиональной деятельности у сотрудников правоохранительных органов должно осуществляться уже в процессе их обучения в стенах специализированных учебных заведений МВД России. Именно в них происходит формирование профессионально-нравственных основ личности сотрудника ОВД. Годы, проведенные в стенах учебных заведений, должны стать школой патриотизма и гражданственности, дисциплины и организованности для каждого выпускника.

Список использованной литературы

1. Методика М. Рокича «Ценностные ориентации». - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dip-psi.ru/psikhologicheskiy-testy/post/metodika-m-rokicha-tsennostnyye-orientatsii>
2. Склярченко И.С. Необходимость формирования ценностей профессионального общения у будущих сотрудников Органов внутренних дел [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/neobhodimost-formirovaniya-tsennostey-professionalnogo-obshcheniya-u-buduschih-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del>.
3. Якимова З.В. Добровольная сертификация профессиональных квалификаций как диалог между вузом, студентом и работодателем //Высшее образование сегодня. 2012. № 12. С.33-36.

Татьяна Владимировна Чекменева

курсант 3 курса

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России, г. Владивосток

Научный руководитель – Кузора Сергей Анатольевич
доцент кафедры уголовного процесса ВФ ДВЮИ МВД России,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА ПО ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В данной статье рассматриваются некоторые проблемы задержания лица по подозрению в совершении преступления. Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, оснований для задержания лица, совершившее преступление, четыре и они значительно отличаются друг от друга. Применяя их на практике, возникают проблемы в толковании данных норм, от чего зависит законность и обоснованность задержания лица.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный кодекс, задержание, основания, иные данные, законодатель, нормативно-правовая база.

В настоящее время в институте задержания подозреваемого по подозрению в совершении преступления выделяют множество проблем, но наибольшие затруднения в практическом применении вызывает ч. 2 ст. 91 УПК РФ[1], которая дает возможность задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления, при наличии «иных данных».

Во-первых, подобное основание содержится в другой, во второй части ст.91 УПК РФ, во-вторых, в нем присутствует особенность – это наличие «иных данных», отсутствие которых не будет влечь данного основания, плюс только при наличии одного из следующих условий данная норма может быть применима к лицу, подозреваемому в совершении преступления:

- 1) лицо пыталось скрыться;
- 2) не имеет постоянного места жительства;
- 3) личность предполагаемого преступника не установлена;

4) следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора в суд направил ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

Ошибочно считать явность одного из условий основанием задержания, когда нет «иных данных» [5; С. 56]. Например, у подозреваемого лица отсутствует постоянное место жительства, и только поэтому его задерживают.

Затруднения возникают при толковании «иных данных», так как законодатель не упомянул ни слова об их содержании в уголовно-процессуальном законе.

Анализируя научную и учебную литературу, мы пришли к выводу, что «иные данные» – это любые сведения, указывающие на причастность лица к совершению преступления, но недостаточные для задержания подозреваемого по другому основанию, предусмотренному в ст. 91 УПК РФ [3; С. 10]. Названные нами любые сведения мы можем получить в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий, различных экспертиз, при получении заявлений о преступлении от граждан и сообщений должностных лиц.

Практика показывает, что применяя основание, предусмотренное ч. 2 ст. 91 УПК РФ, допускают две ошибки. Д.Д. Максаров писал об аналогичных ошибках еще в 1967 году [4; С. 25].

Ошибка первая: часто к «иным данным» относят предположения, слухи, результаты применения служебно-розыскной собаки, подозрительное поведение лица и т. д. Недопустимо толковать «иные данные» именно в этом контексте. Объяснять, почему не следует считать «иными данными» слухи и предположения, мы считаем, не имеет смысла, так как это очевидно, а что касается подозрительного поведения лица и результатов применения служебно-розыскной собаки, то здесь требуется дополнительное пояснение.

Пример недопустимости толкования «иных данных» как подозрительного поведения лица: Иванов Р. был задержан в связи с тем, что довольно долго сидел в машине около подъезда потерпевшей Федоровой Н. или его куртка была достаточно дорогой в сравнении с его брюками и шляпой. Д.Д. Максаров полагает, что лица, задержанные при подобных ситуациях, задержаны незаконно, так как подозрительное поведение еще не означает, что лицо совершило преступление и причины подозрительного поведения лица могут быть разными.

Пример недопустимости толкования «иных данных» как результатов применения служебно-розыскной собаки. Взятие следа и приход собаки к лицу или к его жилищу не могут считаться «иными данными», так как собака, как биологический детектор, может ошибаться. Собака лишь поможет определить направление расследования. В данном примере за «иные данные» можно посчитать только сведения о совершении преступления, обнаруженные с помощью служебно-розыскной собаки, но не сам факт ее применения.

Ошибка номер два: допускается в результате неточного толкования понятий:

1. «Попытка скрыться» – действия, связанные с подготовкой сокрытия и начальным моментом сокрытия. Например, покупка билетов на поезд или самолет, снятие денежных средств с банковского счета и т.д. Не стоит сравнивать «попытку скрыться» с преступлением, предусмотренного ст. 313 УК РФ «Побег из-под стражи». Лицо, подозреваемое в совершении преступления, еще не находится под стражей, его только стараются задержать.

2. «Отсутствие постоянного места жительства». Отсутствие должно быть реальным. Факты, свидетельствующие о реальности, следующие: 1) подозреваемый в совершении преступления не имеет постоянной регистрации; 2) периодически меняет место жительства, не живя на одном месте. Часто ошибаются и относят лиц к данному условию, если оно имеет постоянную регистрацию, но не проживает в указанном месте по каким-либо причинам или не имеет постоянной регистрации, но проживает продолжительное время в одном месте.

3. «Не установлена личность». Некоторые считают, если личность подозреваемого не установлена, то его необходимо задержать в административном порядке для установления личности, и только после этого, если не представляется возможным установить его личность, данное лицо можно задержать в порядке, установленном УПК РФ. Не следует забывать, что задержание лица при данной условии возможно только при наличии «иных данных». Мы не согласны с данным мнением, считая, что задержание в административном порядке не преследует цели установления личности и непосредственно является условием четвертого основания при задержании лица, подозреваемого в совершении преступления в уголовно-процессуальном порядке.

Н.Н. Ковтун в статье «Задержание подозреваемого: новые грани старых проблем» критикует названное нами выше четвертое основание задержания. Автор пишет: «Сотрудники оперативных аппаратов и служб могут поблагодарить законодателя за предоставленные им дополнительные возможности для получения признательных показаний от лиц, задержанных по подозрению в совершении преступлений. Ч. 2 ст. 91 УПК называет основанием задержания произвольное усмотрение должностного лица, производящего задержание. Это «резиновое основание» – основание для произвола. Думаю, ему не место в новом УПК»[2; С. 69].

Позволим прокомментировать мнение ученого. Анализируя нормы УПК РФ, мы пришли к выводу, что подозреваемому и обвиняемому в отличие от потерпевшего закон представляет намного больше прав и возможностей для реализации процессуальных гарантий неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве. Основания для задержания подозреваемого не влекут снижения данных гарантий и не запрещают задержанному лицу защищаться всевозможными способами, не запрещенными законом. Задерживая лицо, должностным лицам следует помнить о таком принципе уголовно-процессуального права как неприкосновенность личности. Согласно ч. 1 ст. 10 принцип невиновности личности звучит так: «никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных УПК РФ» [1].

Таким образом, сделаем следующие выводы. Основания задержания подозреваемого предусмотрены законодателем в ст.91 УПК РФ, их четыре.

Четвертое основание значительно отличается от других, трех оснований. Оно содержится в другой, во второй, части ст.91 УПК РФ, является условным основанием, представляя наибольшие затруднения в своем толковании. «Иные данные» в совокупности с такими условиями как:

- 1) лицо пыталось скрыться;
- 2) не имеет постоянного места жительства;
- 3) личность предполагаемого преступника не установлена;

4) следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора в суд направил ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу, являются главной особенностью данного основания.

Сложные вопросы, касающиеся рассмотренного нами основания задержания подозреваемого, в настоящее время не остаются без внимания. Отсутствует единое мнение среди ученых-правоведов и даже сам уголовно-процессуальный закон содержит «оценочные» признаки в его определении, поэтому на практике зачастую допускаются ошибки в толковании и применении данной нормы уголовного судопроизводства.

Список использованной литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 74-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. (Ч. 1). Ст. 4921.

2. Ковтун Н.Н. Задержание подозреваемого: новые грани старых проблем // Российская юстиция. 2012. № 10.

3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2014. – комментарий к ст. 91. – 823 с.

4. Максаров Д.Д. Задержание обвиняемого // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений: Сб.

научн. трудов (в двух частях). – Часть первая. – М. Новая редакция: Академия управления МВД России, 2013.

5. Назаров С.С. Задержание – «иное» процессуальное действие // Российская юстиция. 2013. № 7.

Татьяна Владимировна Чекменева

курсант 4 курса

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России, г. Владивосток

Научный руководитель – Шадрина Анна Николаевна
преподаватель кафедры государственно-правовых
и гражданско-правовых дисциплин ВФ ДВЮИ МВД России

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ: ОРГАНИЗОВАННАЯ ГРУППА И ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО (ПРЕСТУПНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ)

Статья посвящена таким формам соучастия в преступлении как организованная группа и преступное сообщество (преступная организация). Согласно действующему уголовному законодательству, данные формы создаются с целью совершения наиболее тяжких преступлений и трудно доказуемы правоохранительными органами.

Ключевые слова: соучастие, организованная группа, преступное сообщество (преступная организация).

Участие нескольких лиц в совершении одного конкретного преступления значительно повышает уровень общественной опасности противоправного деяния. Многие нормы Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривают повышенную ответственность за преступления, совершенные в соучастии. До настоящего времени правоведы теории и практики не выработали единого мнения по поводу признаков различных видов и форм института соучастия. Квалификация преступлений, совершенных группой,

является одним из сложных и дискуссионных вопросов в правоприменении и толковании норм уголовного законодательства.

Приведем статистические данные, наглядно демонстрирующие тенденцию роста преступлений, совершенных организованной группой в Приморском крае: кража (п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ) в 2015 году совершено 188 преступлений, в 2016 году – 227, а за 9 месяцев 2017 года – 140 краж. Мошенничество (ч. 4 ст. 159 УК РФ) в 2015 году – 176 преступлений, в 2016 году – 166, а за 9 месяцев 2017 года – 149. Разбой (п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ) в 2015 году – 32 преступления, 2016 год – 45, за 9 месяцев 2017 года – 16. [Данные из УМВД по ПК]

В практической деятельности наиболее сложно квалифицировать преступные действия, совершенные организованной группой и преступным сообществом (преступной организацией). Прежде всего, это связано с тем что и организованная группа и преступное сообщество трактуются с помощью оценочных категорий, не урегулированных в действующем уголовном законодательстве.

При анализе норм уголовного закона, раскрывающих понятие организованной группы необходимо выделить такие признаки как устойчивость, момент объединения, количественный признак и специальная цель.

Количественный признак означает, что в составе группы должно быть двое и более лиц. Однако, в нормах международного права сказано, что в составе организованной группы количество соучастников должно быть не менее трех лиц. Также указано на то, что группа должна быть не случайно образованной для немедленного совершения преступлений, в ней должна быть создана развитая структура и оговорен непрерывный характер членства [1].

Устойчивость включает в себя такие составляющие элементы как: стабильность состава и функций участников, наличие организатора, тесное взаимодействие между участниками группы, согласованность действий, продолжительность и интенсивность преступной деятельности.

С.В. Ямашкин, изучая проблемы квалификации организованной группы, описанные в различных Пленумах Верховного Суда РФ,

обобщил и разделил признаки устойчивости на две группы: объективные и субъективные. [8; с. 17-20]

К объективным признакам относятся: стабильность состава группы, наличие заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, наличие разнообразных форм и методов преступной деятельности, распределение ролей между участниками, наличие лидера и собственных коммерческих структур, техническая оснащенность и наличие информационной базы, система противодействия мерам социального контроля со стороны общества и система обеспечения безопасности участников группы.

К субъективным, их также называют психологическим, признакам относятся: криминальная ориентация членов группы, морально-психологическое единство в группе, субъективное осознание участников себя членами группы и социальный статус в соответствии с иерархией группы.[6; с. 86-87]

Данные признаки отражают устойчивость организованной группы не только с содержательной, но и с функциональной стороны, независимо от степени их проявления.

Следующий рассматриваемый признак специальная цель – создание устойчивой группы для совершения одного или нескольких преступлений.

Организованная группа должна быть заранее создана для совершения одного или нескольких преступлений, то есть группа объединяется задолго до совершения ею преступлений.

Судебная практика трактует признаки организованной группы в зависимости от конкретного состава преступления.

А.Ю. Чупрова и С.И. Мурзков считают, что организованная группа при планировании и совершении преступлений стремится к использованию сложных способов совершения преступлений, постоянно изменяя и совершенствуя их [7; с. 28].

Некоторые правоведы, в частности Л.Д. Гаухман, придерживаются точки зрения, что одним из основных признаков организованной группы является наличие организатора или руководителя группы, полностью контролирующего и координирующего как деятельность

группы в целом, так и отдельных ее членов [5; с. 7]. Однако, в практике нередки случаи когда группа состоит из двух лиц, которые одновременно являются и организаторами и соисполнителями преступлений.

Преступное сообщество (преступная организация) по своим признакам имеет много общего с выше рассмотренной организованной группой. Преступным сообществом признается структурированная организованная группа людей либо объединение организованных групп, созданные для совершения тяжких или особо тяжких преступлений.

Из данного определения можно выделить признаки преступного сообщества, берущие свою основу из определения и признаков организованной группы.

Структурная определенность группы является следствием структурных связей, сложившихся в группе, предполагает разделение функций между членами группы в осуществлении совместной преступной деятельности, а также наличие лидера, жесткую внутреннюю дисциплину, наличие общака.

Многие ученые считают, что структурированность характеризует строение преступного сообщества, его внутреннее строение. Иерархическая составляющая прослеживается в альтернативном названии преступного сообщества – «преступная организация».

С.В. Ямашкин условно разделил признак структурированности на объективный и субъективный критерии.[8]

Объективный критерий включает в себя: состав преступного сообщества должен быть не менее, чем из двух структурных подразделений, численностью не менее двух человек каждое; совместность действий участников; наличие единого руководителя всех структурных подразделений. Под структурным подразделением преступного сообщества понимают территориально и функционально обособленную группу из двух и более лиц, которая осуществляет свою деятельность в целях данной преступной организации.

Однако ряд авторов считает, что структурное подразделение при квалификации должно рассматриваться исключительно в рамках организованной группы как формы соучастия.

Субъективный критерий заключается в следующем: единый умысел участников на совершение одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений; желание получить косвенно или прямо финансовую или иную материальную выгоду; осознание участниками структурных подразделений, что деятельность координируется единым руководством, а также что подразделения взаимодействуют друг с другом.

Специальная цель преступного сообщества совершение тяжких или особо тяжких преступлений.

Н.А. Колоколов отмечает: «О наличии преступного сообщества (организации) свидетельствует, во-первых, возникновение отношений власти-подчинения между членами преступной организации, которые, в отличие от одного «голового» преступного намерения, не спрячешь. В этой связи трудно не согласиться с авторами Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 12 от 10.06.2010 г., которые настаивают на том, что уголовная ответственность за создание преступного сообщества должна наступать именно с момента его образования. Факт реализации им своих целей для квалификации действий виновных по ст.210 УК РФ никакого значения не имеет» [6; с. 29].

Главным отличием преступного сообщества от организованной группы правоведы-теоретики считают такие признаки как структурированность и цель – совершение тяжких либо особо тяжких преступлений.

По мнению законодателя организованная группа объединяется для совершения преступлений независимо от их тяжести, в то время как организованная структурированная группа создается для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

В.М. Быков полагает: «преступное сообщество (преступную организацию) от организованной группы отличают другие более значимые для научно обоснованного понимания преступного сообщества (преступной организации) признаки, и в первую очередь – профессионализм его членов, проявляющийся в способах совершения преступлений. Для членов преступного сообщества (преступной организа-

ции) постоянное совершение преступления становится их профессией, основным способом получения преступных доходов, их образом жизни и мышления» [4; с. 33]

При квалификации действий, совершенных в соучастии на практике часто возникает противоречие: если преступление совершено организованной группой, то данное преступление является тяжким в соответствии с нормами Уголовного кодекса Российской Федерации (квалифицированные составы), а организованная структурированная группа признается преступным сообществом, если совершила тяжкое или особо тяжкое преступление. Не стоит забывать и о том, что преступным сообществом также является объединение организованных групп, действующих под единым руководством.

Преступное сообщество является наиболее опасной формой соучастия для общества и государства, так оно представляет собой многоступенчатую структуру, в которой каждый член занимает отведенное ему место и подчиняется вышестоящему руководителю. Такая структура позволяет преступному сообществу существовать длительное время без особого риска, так как к уголовной ответственности в основном привлекаются рядовые исполнители либо специально назначенные лица.

Таким образом, сложные вопросы квалификации преступлений совершенных организованной группой или преступным сообществом в настоящее время не остаются без внимания. Уголовный закон содержит «оценочные» признаки в их определении. Среди ученых-правоведов нет единого мнения относительно признаков данных форм соучастия, вследствие чего на практике зачастую допускаются ошибки в толковании и применении норм уголовного права.

Список использованной литературы

1. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ. 04.10.2004. № 40. Ст. 3882.

2. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // Российская газета. № 130. 17.06.2010.
4. Быков В.М. Проблемы применения ст. 210 УК РФ // Право и политика. 2014. № 1.
5. Гаухман Л.Д. Ответственность за преступления, совершенные в составе организованных групп. М., 2014.
6. Колоколов Н.А. Российская CosaNostra: Интервью. Эж-Юрист. 2015. № 25.
7. Чупрова А.Ю., Мурзков С.И. Квалификация преступлений, совершенных организованной группой // Российский следователь. 2016. № 6.
8. Ямашкин С.В. Организованное мошенничество: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Самара, 2015.

Марина Михайловна Чепик

преподаватель кафедры уголовного процесса
Дальневосточный юридический институт МВД России,
г. Хабаровск

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ КАК ВИД УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОМПРОМИССА

В рамках статьи процедура, предусмотренная Главой 40.1 УПК РФ, рассматривается как один из видов компромисса. На основе определенного алгоритма раскрывается его сущность и структура. Также автором уделено внимание положению потерпевшего в процедуре заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: компромисс; примирение сторон; взаимные уступки; всесторонность; полнота; объективность.

Как самостоятельный вид компромисса, находящийся в тесной взаимосвязи с институтом особого порядка судебного разбирательства, необходимо выделить досудебное соглашение о сотрудничестве, которое закреплено в главе 40.1 УПК РФ.

Субъектами этого компромисса являются подозреваемый, обвиняемый, их защитники – с одной стороны, а с другой – следователь, руководитель следственного отдела, прокурор. Кроме того, отдельной стороной выступает судья, рассматривающий уголовное дело по существу.

Небезынтересно отметить, что законодатель также указывает в качестве дополнительного участника вышестоящего прокурора, которому может быть обжалован отказ в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Одним из дискуссионных вопросов является участие потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Ни одна статья главы 40.1 УПК РФ не содержит прямого указания на согласие и участие потерпевшего и его представителя в рассматриваемой процедуре. Однако ч. 1 ст. 317.7 УПК РФ содержит ссылку на ч. 6 ст. 316 УПК РФ, которая указывает на необходимость прекращения производства по делу в особом порядке и рассмотрения дела в суде в общем порядке по инициативе потерпевшего.

В этой связи среди ученых-процессуалистов нет единого мнения относительно участия потерпевшего как отдельного субъекта рассматриваемого нами компромисса. Так, А.С. Бахта, Ю.Г. Овчинников, А.Р. Белкин, А.В. Смирнов и С.В. Супрун полагают, что согласие потерпевшего является обязательным условием заключения досудебного соглашения о сотрудничестве [2, с. 30-35; 3, с. 73; 5, с.7-8; 6, с. 15]. Исходя из их мнения, потерпевший также является полноправным участником компромиссного соглашения.

Иного мнения придерживаются Н.А. Колоколов, А. Каретников, А.С. Александров, которые достаточно категорично утверждают об

отсутствии необходимости в получении согласия потерпевшего на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, аргументируя это приоритетами публичных интересов государства в борьбе с преступностью над частными интересами потерпевшего [1, с. 10; 3, с. 31-37; 4, с. 46-47].

По нашему мнению, поскольку одной из задач уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, то никакие интересы государства, связанные с процессуальной экономией сил и средств для раскрытия преступления и изобличения лица, его совершившего, не могут превалировать над этим неотъемлемым правом. Исходя из этого, потерпевший также является одной из сторон досудебного соглашения о сотрудничестве.

Из анализа содержания главы 40.1 УПК РФ следует, что процедура заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, которая, несомненно, является компромиссом, состоит из четырех взаимосвязанных действий упомянутых лиц, каждые из которых также являются взаимными уступками друг другу.

Так, первой уступкой является заявленное в письменном виде подозреваемым или обвиняемым ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с перечнем возможных действий, направленных на содействие органам следствия в раскрытии и расследовании преступления, которые лицо обязуется совершить, в обмен на установленные процессуальным кодексом гарантии. При этом участие защитника при заключении соглашения является обязательным, поскольку данное ходатайство поддерживается защитником и без него заявлено быть не может.

Заинтересованность подозреваемого, обвиняемого в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обусловлена возможностью разбирательства дела любой категории тяжести в особом порядке. Кроме того, государство гарантирует то, что ему в виде наказания не будут назначены смертная казнь и пожизненное заключение (ч. 4 ст. 62 Уголовного кодекса Российской Федерации [7]), а также освобождение от судебных издержек (ч. 10 ст. 316 УПК РФ). Кроме того,

у лица имеется шанс получить более мягкое наказание, чем предусмотрено за подобное преступление либо освобождение от отбывания наказания (ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ).

Следующей уступкой является согласие следователя и руководителя следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело, с ходатайством подозреваемого и обвиняемого, в обмен на вышеуказанные действия лица, привлекаемого к ответственности. Это согласие оформляется соответствующим постановлением от имени следователя – ходатайством на имя прокурора с согласия руководителя следственного органа. По-нашему мнению, наличие согласия следователя необходимо потому, что он наделен правом сбора доказательственной базы по делу и может судить о целесообразности доводов, заявленных в ходатайстве подозреваемого или обвиняемого. Если следователь заинтересован в сведениях, которые может изложить ему лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, и они представляют определенный интерес для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу, то он, получив согласие руководителя следственного органа, идет на уступки подозреваемому, обвиняемому относительно его требований.

Третьей уступкой в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве является получение согласия прокурора, выражающееся в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Таким образом, прокурор соглашается с заявлениями подозреваемого и обвиняемого о выполнении перечня действий, указанных в их ходатайстве в обмен на возможность проведения особого порядка проведения судебного заседания. С целью исключения злоупотреблением правом на рассмотрение уголовного дела в особом порядке законодатель предусмотрел необходимость проверки прокурором после поступления к нему уголовного дела с обвинительным заключением факта выполнения действий, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве. Удостоверившись в выполнении лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, всех пунктов досудебного соглашения, прокурор продолжает идти ему на уступки, отказываясь от общего порядка судебного разбирательства, о чем выносит представление о его проведении и вынесении решения по уголовному делу.

Последней уступкой является проведение судом по поступившему с досудебным соглашением о сотрудничестве уголовному делу судебного заседания в особом порядке. Данная уступка является императивной, то есть по смыслу закона при поступлении уголовного дела в суд с наличием представления прокурора и подтверждении государственным обвинителем содействия подсудимого следствию и разьяснения, в чем именно оно выразилось, суд обязан вынести решение в особом порядке.

Данный вид компромисса, на наш взгляд, является очень громоздким и сложным в реализации, поскольку требует соблюдения условий и волеизъявления большого количества лиц, задействованных в рамках осуществления этой нормы. Кроме того, досудебное соглашение о сотрудничестве имеет те же недостатки, что и рассмотрение уголовного дела в особом порядке, а именно отсутствие необходимости в полном и всестороннем установлении и исследовании обстоятельств уголовного дела. Для направления дел данной категории в суд необходимо лишь наличие условий, упомянутых в досудебном соглашении о сотрудничестве и их сведения об их выполнении.

Список использованной литературы

1. Александров А.С., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 10.

2. Бахта А.С., Овчинников Ю.Г. Согласие потерпевшего как неотъемлемое условие заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 14 (55) С. 30-35.

3. Белкин А.Р. Досудебное соглашение о сотрудничестве нуждается в коррективах // Досудебное соглашение о сотрудничестве (правовые и криминалистические проблемы): Материалы науч. – практ. конф. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. Вып. 6. С. 73.

3. Каретников А. Нужен ли особый порядок судебного рассмотрения уголовных дел в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве? // Законность. 2013. № 10. С. 31-37.

4. Колоколов Н.А. Назначение наказания лицу, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // Российский судья. 2010. № 12. С. 46-47.

5. Смирнов А.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 7-8.

6. Супрун С.В. Согласие потерпевшего – условие назначения уголовного дела, поступившего в суд с досудебным соглашением, к рассмотрению в особом порядке // Российский судья. 2010. № 9. С. 15.

7. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Анастасия Николаевна Чечулина

аспирантка 2 курса

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

Научный руководитель – Шабельникова Наталья Алексеевна

доктор исторических наук, профессор

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА»

В статье анализируется понятие «социальная защита», рассматривается его сущностный и содержательный аспект. Обращается внимание на то, что система социальной защиты разрабатывается исключительно во благо человека, адаптируясь к изменяющимся социально-экономическим условиям. Целью социальной защиты является обеспечение социальной стабильности и устойчивого экономического развития общества. Делается вывод о том, что провозглашение социальной направленности государственных реформ не означает одномоментного становления социальных институтов. Этот процесс до-

статочно длительный, требующий разработки и обоснования как теоретических концепций, так и правовых основ деятельности государства и его органов в сфере социальной помощи.

Ключевые слова: социальная защита, социальное обеспечение, социальная помощь.

Система социальной защиты эволюционирует вместе с человечеством. Геополитические, экономические и социокультурные изменения обуславливают создание и обновление способов поддержки и взаимопомощи. Характерные особенности, качество и уровень социальной защиты зависят от общества, в котором она развивается.

Развитие социальных прав и свобод, их официальное признание и конституционно-правовое закрепление происходило в весьма сложных, противоречивых условиях. Концепция социальной защиты возникла в конце XIX – начале XX вв., а сам термин «социальная защита» впервые был обозначен в законе о социальной защите, принятом в рамках политики нового курса Ф.Д. Рузвельта в 1935 г. в США. Вскоре термин получил широкое распространение в западных странах, обозначая систему мер, направленных на поддержку населения в экономической и социальной сфере вследствие безработицы, потери или резкого сокращения дохода [1, с. 9].

В 1952 г. Международная организация труда опубликовала доктрину, основные положения которой действуют до сих пор, о социальной защите как универсальной системе защиты всех групп населения от социальных рисков с помощью реализации государственной помощи. В дальнейшем концепция МОТ нашла свое отражение в документах Европейского союза. Принципы социальной защиты населения и способы ее воплощения в Российской Федерации регламентируются международными пактами, Конституцией РФ и нормативно-законодательными актами.

На смену сложившемуся в Российской империи институту общественного призрения, в первые годы советской власти начала создаваться модель социального обеспечения. Она представляла собой организованную форму государственного попечительства.

Трансформационные процессы, связанные с переходом к рыночной экономике, привели к появлению использовавшегося в мировой практике термина «социальная защита» в России. В 1992 г. система органов социального обеспечения была переименована в систему органов социальной защиты населения. [3, с. 22]. Однако процесс формирования системы социальной защиты в России до сих пор не привел к единству терминологии. Неоднозначность концепта «социальная защита» свидетельствует о его сложности и многогранности.

Гуманитарным терминам свойственно иметь множественную трактовку. Универсального определения социального обеспечения ни наука, ни законодательство не выработало. В зависимости от основополагающих принципов, формулируются его различные трактовки. Наиболее общее понятие социального обеспечения как феномена в жизни любого общества и государства сводится к следующему – это один из способов распределения части валового продукта путем предоставления гражданам материальных благ в целях выравнивания их личных доходов в случае наступления социальных рисков за счет средств целевых финансовых источников в объеме и на условиях, строго нормируемых обществом, государством, для поддержания их полноценного социального статуса.

Исследователи конституируют категорию «социальная защита» как в широком, так и в узком смысле. Под социальной защитой в широком смысле понимается система социальных отношений, при которых индивид способен самостоятельно позаботиться о себе, создать условия для жизнедеятельности и духовного развития, тем самым гарантируя реализацию прав личности. В более узком смысле социальная защита рассматривается как система государственной помощи социально-уязвимым слоям и группам населения.

Многообразие дефиниций социальной защиты позволяет представить ее как практическую деятельность по реализации социальной политики государства в виде законодательных, социальных, экономических и иных гарантий для нормальной жизнедеятельности всех групп населения.

Под системой социальной защиты понимается комплекс принципов, методов, законодательно установленных государством социальных мероприятий и учреждений, обеспечивающих предоставление оптимальных условий жизни, удовлетворение потребностей, поддержание жизнеобеспечения и деятельного существования личности, различных социальных категорий и групп населения, прежде всего, социально уязвимых.

Социальная защита осуществляется как на государственном, так и на негосударственном уровнях, с помощью различных общественных и некоммерческих организаций, а также частных инициатив. Меры социальной защиты разнообразны: превентивные меры направлены на предотвращение негативных социальных явлений, другие способствуют минимизации и ликвидации неблагоприятных факторов.

Существуют две формы государственной социальной защиты: активная (усиление механизма социального партнерства, обеспечение стабильности социального положения, помощь нуждающимся при вхождении в рыночные отношения, содействие в становлении разнообразных форм хозяйствования) и пассивная (оказание денежной и натуральной помощи наиболее нуждающимся группам населения) [4, с. 36].

Социальная защита подразделяется на общую и специальную. Под общей понимается деятельность по обеспечению основных социальных и иных прав граждан, а под специальной – специальная регулятивная система стабилизации личности, социальной группы, нуждающихся в тех или иных особенностях в особом социальном попечении [2, с. 46].

Социальная защита включает три основные формы: социальное обеспечение, социальное страхование и социальную помощь.

Многообразие оснований порождает многообразие видов социального обеспечения. Оно может осуществляться посредством предоставления различных социальных льгот, назначения денежных выплат (пенсий, пособий, компенсаций, субсидий), а также оказания социальных услуг (социальное обслуживание).

Система социальной защиты более емкое понятие, чем система социального обеспечения. Социальное обеспечение воплощает обеспечительную функцию социальной защиты, тем самым осуществляя ее защиту от возникших в социально-экономической сфере неблагоприятных ситуаций. Социальная обеспеченность направлена исключительно на компенсацию и минимизацию наступивших неблагоприятных социальных явлений.

Элементами системы социальной защиты являются объекты (пенсионеры, ветераны ВОВ, безработные, многодетные и неполноценные семьи, наемные работники и другие), субъекты (государство, профсоюзы, общественные организации, благотворительные фонды, церковные приходы и прочие) и средства защиты.

Система социальной защиты разрабатывается исключительно во благо человека, адаптируясь к изменяющимся социально-экономическим условиям. Целью социальной защиты является обеспечение социальной стабильности и устойчивого экономического развития общества. Социальная защита призвана способствовать удовлетворению насущных материальных и духовных потребностей населения, а также способствовать защите его интересов в реализации провозглашенных в обществе прав, гарантий и свобод личности.

Провозглашение социальной направленности государственных реформ не означает одномоментного становления социальных институтов. Этот процесс достаточно длительный, требующий разработки и обоснования как теоретических концепций, так и правовых основ деятельности государства и его органов в сфере социальной помощи.

Список использованной литературы

1. Кипинган Н.С. Понятие и сущность социальной защиты населения в современном государстве // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 1 (41).

2. Свистова, Е.Б. Организация деятельности служб и учреждений социальной защиты населения в РФ в 1991–2000 гг. / Е.Б. Свистова. Воронеж: НОУ «НПИОЦ», 2007. – 188 с.

3. Социальная защита в странах Европейского союза. История, организация, финансирование, проблемы / В.В. Антропов. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. 271 с.

4. Сударева Н.В. Понятие социальной защиты: многоаспектный анализ // Вестник Поволжского института управления. 2008. № 1 (14).

Анна Николаевна Шадрина

преподаватель кафедры государственно-правовых
и гражданско-правовых дисциплин

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России, г. Владивосток

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРКОВ КАК ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ ПРИМОРЬЯ

Статья посвящена развитию этнографического туризма в национальных парках «Бикин» и «Удэгейская легенда» расположенных на территории Приморского края.

Ключевые слова: этнотуризм, национальный парк, коренные народы Приморского края, культура, Удэгейцы.

На территории Российской Федерации проживает около 180 народов, которые представляют различные культурно-языковые и этноконфессиональные сообщества. Традиции и обычаи коренных народов открывают широкие возможности для развития этнографического туризма, который в настоящее время набирает все больше оборотов из-за своей уникальности. Реализация проектов в сфере этнографического туризма регламентирована распоряжением правительства «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016-2025 годах концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [1]. Туристы проявляют активный интерес к национальным самобытностям,

охотно знакомясь с бытом, культурой, традициями и обычаями людей, живущих в единении с природой. Во многих регионах России осуществляются масштабные проекты, связанные с этническим туризмом. Передовыми с точки зрения развития этнотуризма являются Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский округа, в которых демонстрируются объекты, связанные с культурой малых народов Севера.

Именно поэтому особенности культурного пространства коренных народов Приморского края способны создать сильный туристический магнит как для иностранцев, так для туристов со всей России. Удэгейцы – один из коренных народов Дальнего Востока, численность которого около 1200 человек. Богатая культура и традиционный уклад их жизни, основанный на охоте и рыбалке, уже многие годы привлекает не только этнографов, но и обычных туристов. А поскольку большая часть этого народа проживает в Приморском крае, его аутентичность становится неисчерпаемым ресурсом этнотуризма. Во многом именно самобытный уклад жизни удэгейского народа, их вера, шаманские обряды и ритуалы формируют перспективы этнотуризма региона. «Жизнь удэгейцев может стать туристической особенностью Приморского края.

Национальные парки «Бикин» и «Удэгейская легенда» развивает туристическое направление, основанное на культурных особенностях коренных жителей. Так, из традиционного ежегодного праздника народа удэге Сагди Дава, посвященного началу путины кеты, организаторы национального парка делают туристическое шоу. В его рамках проходят выставка традиционных жилищ удэгейцев и предметов быта, а также дегустация национальных блюд удэгейской кухни.

Еще одной туристической зацепкой парков становятся ритуальные предметы удэгейцев ручной работы, реализующиеся как сувениры. Поскольку традиционными верованиями удэге являются анимизм и шаманизм, обращение к силам природы происходит через множество обрядов, проводимых с помощью даров духам. Дары могут быть самыми разнообразными: это и ленты с привязанными ракушками, и камни желаний, и бусины-обереги. Все эти атрибуты могут стать не

только памятным, но и магическим подарком, призванным приносить удачу, лечить болезни и защищать от злых сил.

Но для того, чтобы организовать этнографический объект, который будет интересен для массового туризма, нужно проделать немало работы. Национальные парки Приморского края пока находятся в самом начале этого пути.

Кроме знания культуры, этнических особенностей и обрядов народа организаторам необходимо еще и грамотное представление туристического объекта, важной составляющей которого является инфраструктура. Экологический туризм сегодня привлекателен и перспективен, но требует серьезных вложений, которые не так быстро окупаются. Инвестиции необходимы для создания инфраструктуры, которая обеспечит достойный прием и размещение туристов, а также обустроит природные и культурные объекты показа.

Но далеко не все радужно во взаимоотношениях удэгейцев и национальных парков. По мнению некоторых представителей коренного населения, государство, дав жизнь природному парку, подрывает самобытное социально-экономическое и культурное развитие малочисленных народов и лишает их среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов. Так, участки леса, переданные общинам удэгейцев в пользование, поглотили границы национальных парков «Удэгейская легенда» и «Бикин».

Руководитель национального парка «Бикин» А. Кудрявцев проблемы в этом не видит, так как удэгейцы имеют возможность продолжать заниматься охотой и рыбалкой уже на территории национального парка. Сложно переоценить заслугу удэгейцев в том, что такая огромная территория до сих пор сохранилась в своем девственном состоянии: здесь не велись рубки, нет дорог. Передвижение возможно только по руслу реки на лодке либо зимой на снегоходе. Бережное отношение к природе у удэгейцев формируется с раннего возраста, оно заложено не только традиционным укладом жизни, но и верой. Поэтому у национальных парков и коренного населения многие интересы пересекаются, и нужно находить эти точки соприкосновения и развивать взаимоотношения. Если дать удэгейцам возмож-

ность трудоустроиться в рамках национального парка, почувствовать стабильность, социальные гарантии, то можно выстроить нормальные дружеские отношения. Конечно, у каждого коренного жителя есть свое мнение на этот счет. Кто-то воспринимает создание национального парка в штыки, считая, что территорию нужно было оставить в том виде, который был. Но большая часть коренного населения понимает, что, если бы не учредили национальный парк, на девственные леса покусились бы лесозаготовители и другие промышленные компании.

Развитие этнотуризма на территории национальных парков - еще одна из точек соприкосновения интересов парков и местного населения. Совместная работа в этом направлении поможет создать дополнительные рабочие места для населения, популяризировать, сохранять и передавать знания, традиции и обычаи коренных малочисленных народов, привлечет инвестиции в создание новой инфраструктуры на территории, которая также будет нуждаться в обслуживании. Разовьются и их традиционные промыслы, в результате которых добываемая продукция получит новый рынок сбыта, так как многое может разойтись среди туристов в качестве памятных сувениров.

Список источников и литературы

1. Распоряжение Правительства «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016-2025 годах концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 25.08.2016 г. № 1792 – р. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_203902/ (дата обращения: 22.11.2017 г.)

НАШИ АВТОРЫ

Акушевич Вероника Станиславовна – Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, студентка, г. Владивосток.

Антонченко Вадим Викторович – Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, заместитель начальника по учебной и научной работе, г. Владивосток.

Борисова Надежда Вячеславовна – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, курсант, г. Владивосток.

Виноградов Андрей Михайлович – Дальневосточный федеральный университет, аспирант, г. Владивосток.

Волкова Екатерина Викторовна – Российский государственный университет правосудия (РАП) (Дальневосточный филиал), магистрант; главный эксперт отдела экспертно-криминалистического центра УМВД России по Хабаровскому краю, г. Хабаровск.

Воронина Анна Юрьевна – Тихоокеанский государственный университет, студентка, г. Хабаровск.

Горковенко Кристина Константиновна – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, курсант, г. Владивосток.

Губенина Екатерина Сергеевна – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, курсант, г. Владивосток.

Дмитриева Наталья Николаевна – Забайкальский государственный университет, аспирантка, г. Чита.

Евдокимова Анастасия Романовна – Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, студентка, г. Владивосток.

Ерохина Надежда Николаевна – Тихоокеанский государственный университет, магистрант, г. Хабаровск.

Ефремова Анна Лаврентьевна – Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, студентка, г. Владивосток.

Жадан Александр Владимирович – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, Уссурийский факультет, старший преподаватель, г. Уссурийск.

Заводовская Ирина Сергеевна – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, слушатель, г. Владивосток.

Загуляев Дмитрий Андреевич – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, курсант, г. Владивосток.

Заемской Сергей Олегович – Российский государственный университет правосудия (РАП) (Дальневосточный филиал), магистрант, г. Хабаровск.

Занаев Михаил Викторович – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, курсант, г. Владивосток.

Зиновьев Антон Сергеевич – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, курсант, г. Владивосток.

Ивашкина Татьяна Сергеевна – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, курсант, г. Владивосток.

Каленник Роман Сергеевич – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, преподаватель, г. Владивосток.

Ким Анастасия Эдуардовна – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, курсант, г. Владивосток.

Ковалева Юлия Юрьевна – Дальневосточный федеральный университет, аспирантка, г. Владивосток; майор юстиции, начальник отделения следственного отдела межмуниципального отдела МВД России «Благовещенский», г. Благовещенск.

Ковальчук Ольга Владимировна – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, старший преподаватель, г. Владивосток.

Кулик Валерия Андреевна – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, курсант, г. Владивосток.

Ляскина Наталья Вячеславовна – Дальневосточный федеральный университет, аспирант, г. Владивосток; Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, Уссурийский факультет, преподаватель, г. Уссурийск.

Макимова Ксения Юрьевна – Тихоокеанский государственный университет, студентка, г. Хабаровск.

Малиновская Кира Александровна – Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, студентка, г. Владивосток.

Мальцев Сергей Владимирович – Дальневосточная пожарно-спасательная Академия МЧС России – филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, преподаватель, г. Владивосток.

Нименький Алексей Михайлович – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, курсант, г. Владивосток.

Орлова Елена Сергеевна – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, курсант, г. Владивосток.

Осадчева Татьяна Романовна – Тихоокеанский государственный университет, студентка, г. Хабаровск.

Павленко Наталья Эдуардовна – Дальневосточный федеральный университет, аспирантка, г. Владивосток.

Пилтоян Александра Альбертовна – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, курсант, г. Владивосток.

Пляс Дарья Геннадьевна – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, преподаватель, г. Владивосток.

Полищук Елена Вячеславовна – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, курсант, г. Владивосток.

Проценко Юлия Андреевна – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, курсант, г. Владивосток.

Прутков Алексей Александрович – Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, студент, г. Владивосток.

Садова Ольга Игоревна – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, курсант, г. Владивосток.

Селиванова Валерия Дмитриевна – Российский государственный университет правосудия (РАП) (Дальневосточный филиал), бакалавр; специалист Арбитражного суда Дальневосточного округа, г. Хабаровск.

Сердюк Ульяна Игоревна – Дальневосточный федеральный университет, старший преподаватель, г. Владивосток.

Смоляченко Александра Александровна – Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, студентка, г. Владивосток.

Сушкова Анастасия Евгеньевна – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, курсант, г. Владивосток.

Сыромля Лариса Борисовна – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, старший преподаватель, г. Владивосток.

Титов Денис Сергеевич – Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, студент, г. Владивосток.

Тюрькова Анастасия Андреевна – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, курсант, г. Владивосток.

Уличная Александра Валерьевна – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, курсант, г. Владивосток.

Чекменева Татьяна Владимировна – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, курсант, г. Владивосток.

Чепик Марина Михайловна – Дальневосточный юридический институт МВД России, преподаватель, г. Хабаровск.

Чечулина Анастасия Николаевна – Дальневосточный федеральный университет, аспирантка, г. Владивосток.

Шадрина Анна Николаевна – Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, преподаватель, г. Владивосток.

Научное издание

**Теоретические и практические проблемы
юриспруденции:
трибуна молодых ученых**

Сборник материалов
II Всероссийской научно-практической конференции
курсантов (студентов, слушателей), адъюнктов (аспирантов)
и молодых ученых

1 июня 2017 г., г. Владивосток

К 300-летию полиции России

Подписано в печать 18.10.2017.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 18,37. Уч.-изд. л. 16,87.
Тираж 300 экз. (1-й завод 1–100). Заказ **xxx**

Дальневосточный федеральный университет
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в Дальневосточном федеральном университете
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8
(Типография Издательства ДВФУ,
690091, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10).